

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Владимиров Сергей Игоревич

**Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во
второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура)**

07.00.06 – Археология

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.и.н., профессор Винников А.З.

Воронеж – 2017

Оглавление

Введение	3
Глава I: Источники и историография	16
§1. Источники.....	16
§1.1. Археологические источники.....	16
§1.2. Письменные источники.....	30
§2. Историография проблемы.....	32
Глава II: Типология и хронология предметов вооружения населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.	56
§1. Оружие ближнего боя.....	56
§1.1. Клинковое оружие.....	56
§1.2. Топоры.....	70
§1.3. Наконечники копий.....	84
§1.4. Кистени.....	98
§2. Дистанционное оружие.....	105
§2.1. Лук и стрелы.....	105
§2.2. Детали колчана.....	115
§3. Хронология предметов вооружения.....	123
Глава III: Социальная структура и состав войска населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.	139
§1. Социальная структура войска.....	139
§2. Состав войска и тактика ведения боя.....	159
Заключение	178
Список использованных источников и литературы	184
Список сокращений	222
Приложения	224

Введение.

Актуальность темы. Изучение вооружения и военного дела позволяет судить не только о воинском оснащении и экипировке воинов [Кирпичников, 2007. С. 319], но делает возможным решение более широких исследовательских задач, так как предметы вооружения несут информацию: о степени вооружённости населения и его внешнеполитической активности; о составе войска; о межэтнических и межкультурных контактах; об уровне ремесленного производства; об изменениях в тактике ведения боя и причинах, их обусловивших; о вкладе отдельного народа или группы народов в развитие военного дела. Помимо этого предметы вооружения могут выступать в качестве датирующего материала.

Исходя из этого, можно отметить, что изучение вооружения и военного дела обладает большой информативностью, позволяет судить о «жизнедеятельности и безопасности народа» [Кирпичников, 2007. С. 319]. Следовательно, без обращения к материалам связанным с вооружением и военным делом, невозможно построить целостной картины жизни того или иного общества, государства. В этом смысле не является исключением и история Хазарского каганата, население которого оставило памятники салтово-маяцкой археологической культуры.

Салтово-маяцкая культура (вторая половина VIII – начало X вв.) является одной из ярчайших культур Восточной Европы периода средневековья. Как уже было сказано, население, оставившее памятники данной культуры, входило в состав Хазарского каганата – государства занимавшего обширные территории Восточной Европы и просуществовавшего более трёх столетий – с середины VII в. до второй половины X в. Без обращения к материалам салтово-маяцкой культуры невозможно решение многих проблем в изучении истории восточноевропейских народов.

Открытие памятников салтово-маяцкой культуры и появление к ним научного интереса приходится на конец XIX – начало XX вв. и связано с исследованием Маяцкого [Милютинь, 1909; Макаренко, 1911] и Верхнесалтовского археологических комплексов [Покровский, 1905; Бабенко, 1911, 1914]. Изучение салтово-маяцкой культуры с выявлением новых памятников продолжается по сей день. В результате этого постоянно расширяется источниковая база по истории населения юга Восточной Европы периода раннего средневековья. В частности появляются новые источники, относящиеся к вооружению и военному делу.

Предметы вооружения, как правило, находятся в погребальных комплексах, что является причиной интереса при изучении вооружения, прежде всего, к могильникам. Наибольшая концентрация исследованных памятников салтово-маяцкой культуры, в том числе и могильников, наблюдается в междуречье Дона и Северского Донца, что стало причиной нашего внимания именно к данному региону.

Таким образом, настоящая работа представляет собой исследование вооружения и военного дела населения Доно-Донецкого региона во второй половине VIII – начале X вв.

Актуальность выбранной темы исследования заключается в обобщении и анализе материалов по вооружению населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. Попытка такого обобщения была предпринята в конце 80-х гг. прошлого века, за прошедшее время появились новые источники, которые нуждаются в систематизации. Изучение типологии и хронологии предметов вооружения, социальной структуры и состава войска позволит дополнить представления как о раннесредневековом населении Восточной Европы в целом, так и о населении Хазарского каганата в частности.

Степень изученности проблемы. Первые попытки обобщить накопившийся материал по вооружению населения салтово-маяцкой

культуры предпринял Н.Я. Мерперт [Мерперт, 1949; 1955]. Однако автор, по сути, был ограничен материалом раскопок одного Верхнесалтовского могильника.

После работ Н.Я. Мерперта тема вооружения и военного дела населения салтово-маяцкой культуры не становилась отдельным объектом исследований. Вооружение рассматривалось в рамках обобщающих работ, посвящённых характеристике салтово-маяцкой культуры, как в целом, так и отдельных её памятников. В частности вопросы типологии оружия были затронуты И.И. Ляпушкиным [Ляпушкин, 1958], в работе которого привлекались материалы памятников салтово-маяцкой культуры Нижнего Дона.

В работах, посвящённых результатам исследования Левобережного и Правобережного Цимлянских городищ вопросы вооружения и военного дела населения салтово-маяцкой культуры специально не рассматривались, хотя среди описываемых археологических материалов находились предметы вооружения: раскопки Левобережного Цимлянского городища в 1934-1936 и 1949-1951 гг. под руководством М.И. Артамонова [Артамонов, 1958], могильника Саркела – Белой Вежи [Артамонова, 1963] и Правобережного Цимлянского городища под руководством И.И. Ляпушкина, С.А. Плетнёвой и В.С. Флёрова [Ляпушкин, 1940; Плетнёва, 1964, 1994; Флёров, 1994].

Ряд вопросов, связанных с военным делом населения салтово-маяцкой культуры был освещён С.А. Плетнёвой в работе «От кочевий к городам»: типология и хронология оружия, состав войска [Плетнёва, 1967]. Эти же вопросы были затронуты автором в последующих работах с привлечением новых материалов, в частности из раскопок Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989, 1999]. Несколько работ С.А. Плетнёва посвятила изучению вопроса о присутствии женщин-воинов в войске населения салтово-маяцкой культуры [Плетнёва, 1983, 1998].

Вопрос о типологии отдельных видов оружия был затронут в работе В.К. Михеева, посвящённой исследованию хозяйства населения салтово-маяцкой культуры на территории Подонья [Михеев, 1985]. Следует отметить работу Г.Е. Афанасьева, в которой он рассмотрел некоторые вопросы тактики штурма и обороны салтовских крепостей, что непосредственно связано с военным делом изучаемого населения [Афанасьев, 1987а].

Ситуация, при которой вооружение и военное дело населения салтово-маяцкой культуры освещалось в рамках обобщающих работ, сохранялась до второй половины 80-х гг. XX в. Накопление материала по вооружению и военному делу привело к необходимости отдельного и тщательного его изучения и, как следствие, к появлению специальных работ по данной теме.

В 1987 г. А.В. Крыгановым была защищена диссертация «Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII-X вв.». В ней подробно рассмотрено военное дело и вооружение населения салтово-маяцкой культуры. Однако работа А.В. Крыганова написана до появления в печати материалов раскопок Дмитриевского и Маяцкого археологических комплексов, Сухогомольшанского могильника, за счёт которых была значительно увеличена источниковая база по военному делу и вооружению населения салтово-маяцкой культуры.

Появились специальные работы статейного характера, тематика которых сильно разнилась. А.В. Крыганов посвятил отдельную работу рассмотрению такого оружия как кистень [Крыганов, 1987]. В.С. Аксёнов и В.К. Михеев на примере Красногоровского могильника изучили луки [Аксёнов, Михеев, 2009]. Вопросы происхождения, эволюции и типологии раннесредневековых сабель были рассмотрены в отдельной статье А.М. Голубевым и И.В. Голубевой [Голубев, Голубева, 2012]. Проблема социальной структуры мужского населения салтово-маяцкой культуры, в том числе и структуры войска, была специально рассмотрена С.А. Плетнёвой и Г.Е. Афанасьевым [Плетнёва, 1993; Афанасьев, 1993]. Вооружение и

военное дело групп населения салтово-маяцкой культуры, практиковавших катакомбный и кремационный обряды погребения освещено в двух статьях А.В. Крыганова [Крыганов, 1989, 1993]. В работе В.С. Аксёнова было рассмотрено военное дело и воинская организация групп населения салтово-маяцкой культуры, оставивших Сухогомольшанский и Красногоровский могильники [Аксёнов, 1998].

Рассмотрение степени изученности темы позволяет заключить, что вопросы, типологии предметов вооружения, хронология предметов вооружения, социальная структура войска и состав войска были недостаточно освещены. Однако без решения данных вопросов невозможно составить представление о военном деле населения Хазарского каганата.

Объектом исследования является военное дело населения салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкой лесостепи.

Предметом исследования выступают археологические комплексы, обнаруженные на территории Доно-Донецкой лесостепи, и содержащие предметы вооружения.

Цель работы состоит в обобщении, анализе и интерпретации материалов по вооружению и военному делу населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв.

Для достижения цели исследования последовательно решались следующие *задачи*:

- 1) Систематизировать данные об источниках, используемых в работе, прежде всего археологических, представленных предметами вооружения, полученными в ходе изучения памятников салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецкой лесостепи;
- 2) Проследить эволюцию взглядов исследователей на вооружение и военное дело населения салтово-маяцкой культуры;

- 3) Составить типологию для каждой категории предметов вооружения: клинкового оружия, представленного саблями, кинжалами, мечом и палашом; дистанционного оружия, включающего луки, наконечники стрел и детали колчана; древкового оружия, представленного топорами и копьями; ударного оружия, представленного кистенями;
- 4) Определит хронологию различных предметов вооружения в рамках салтово-маяцкой культуры;
- 5) Определить уровень социальной дифференциации войска у рассматриваемого населения;
- 6) Определить состав войска и набор вооружения для групп населения салтово-маяцкой культуры, практиковавших катакомбный, ямный и кремационный обряды погребения;
- 7) Проследить истоки традиций военного дела у населения салтово-маяцкой культуры.

Методологическая база исследования обусловлена поставленной целью и набором задач. В работе использовались основные традиционные методы историко-археологического исследования: типологический, аналитический, статистический.

На первом этапе был осуществлён подбор материала, несущего информацию о вооружении и военном деле населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начала X вв.

Следующим этапом была разработка типологии для каждого предмета вооружения, учтённого в данной работе. На данном этапе был использован типологический метод.

Исследование хронологии различных типов вооружения с поиском аналогий и определением характера их связей с изучаемыми предметами обусловили применение аналитического метода.

Следующий этап работы был связан с определением роли предметов вооружения как источника при изучении не только военного дела, но и материальной культуры населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. в целом.

При изучении социальной дифференциации войска, а также при выявлении наборов вооружения, нашли применение методы многомерного статистического анализа: факторный и кластерный.

Источниковую базу исследования составляют археологические и письменные источники. Археологические источники представлены 640 предметами, относящимися к оружию и воинской амуниции. Данные предметы происходят из 233 погребальных комплексов: 142 катакомбных погребения; 41 ямное погребение; 29 трупосожжений и 21 связанных с ними комплексов вещей. Указанные погребения расположены на территории катакомбных могильников (Маяцкий, Дмитриевский, Ютановский, Верхнесалтовский, Рубежанский, Нижнелубянский, Старосалтовский, Подгоровский, Афоньевский), ямных (Нетайловский, Мандровский, Ржевский), кремационных (Сухая Гомольша, Новая Покровка, Лысый Горб, Кицевка, Кочетокский) и биритуального (Красная Горка). Некоторые комплексы, оставленные населением, практиковавшим обряд трупосожжения, найдены вне территории могильников (у с. Тополи, с. Кочеток, с. Сухая Гомольша, в 1 км. от Сухогомольшанского могильника, в Государевом яре), погребение у с. Пятницкое рассматривается отдельно.

Также наряду с материалами из некрополей салтово-маяцкой культуры, был использован материал из нескольких ямных и катакомбных погребений, найденных на территории Маяцкого селища, а также из ямного захоронения на территории селища Нетайловка 2. При этом в работе учтены отдельные находки предметов вооружения, представленные подъемным материалом с территории могильников и поселений.

Коллекции предметов вооружения изучались по материалам, хранящимся в фондах археологического музея ВГУ, «Белгородского государственного историко-краеведческого музея», «Природного, архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье» и по отчётам о полевых исследованиях, хранящимся в архиве ИА РАН. Часть материалов по вооружению населения салтово-маяцкой культуры опубликована.

Помимо этого в работе для сравнения использовались опубликованные материалы из погребений с соседних территорий Восточной Европы, Северного Кавказа, Урала, Средней Азии.

Письменные источники представлены переведёнными и опубликованными на русском языке сочинениями арабских (Ибн Фадлан «Записка», ал-Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов», ал-Истархи «Книга путей стран», Ибн Хаукаль «Книга путей и стран», Ибн Русте «Книга драгоценных ожерелий», ал-Марвази «Природа животных», Гардизи «Украшение известий», ал-Куфи «Книга завоеваний»), греческого (Константин Багрянородный «Об управлении империей») и армянского (Мовсес Каланкатуаци «История страны Алуанк») авторов. Сведения указанных авторов содержатся в ряде работ [Ковалевский, 1956; Заходер, 1962; Новосельцев, 1990; Константин Багрянородный..., 1991; Калинина, Флёров, Петрухин, 2014; Калинина, 2015]. Также в работе привлекаются сведения, содержащиеся в «Повести временных лет» [Повесть..., 2014].

В качестве иллюстративного материала к некоторым выводам, содержащимся в работе, привлекаются изображения воинов на меловых блоках и костяных «реликвариях», относящихся к салтово-маяцкой культуре.

Хронологические рамки исследования соответствуют времени существования салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецкой лесостепи – второй половине VIII – началу X вв.

Географические рамки исследования охватывают лесостепную часть Доно-Донецкого региона, расположенную на территории Русской равнины. И если северная граница лесостепи определена, то южная вызывает споры и является в известной степени относительной. Граница пролегает там, где исчезают на водоразделах крупные лесные острова, однако многие лесные участки давно исчезли в результате антропогенных или естественных причин. Поэтому южная граница лесостепи проходит приблизительно по линии: южная окраина Кодр в Молдавии – Днепропетровск – долина Самары – северо-восточнее Донецка – Северский Донец от устья р. Калитвы до р. Оскола – р. Дон от устья р. Чёрной Калитвы до Подгорной – долина р. Подгорной на Калачской возвышенности – р. Волга южнее Саратова – Общий Сырт вблизи долины Самары [Мильков, Гвоздецкий, 1986. С. 206]. Самый южный из использованных нами пунктов – местонахождение комплексов вещей в Государевом яре, находится приблизительно в 120 км. севернее Донецка, т.е. в пределах лесостепи. Северной границей исследуемой территории является Маяцкий археологический комплекс, расположенный у устья р. Тихой Сосны при её впадении в р. Дон. Соответственно восточной и западной границами являются р. Дон и долина р. Северский Донец (рис. 1).

При исследовании военного дела важен учёт ландшафта территории распространения памятников изучаемой культуры, так как природно-географические условия оказывают влияние на тактику ведения боя и состав войска. Ландшафт Доно-Донецкого региона характеризуется классическим овражно-балочным рельефом в сочетании с известняковым и меловым карстом [Раковская, Давыдова, 2004. С. 260]. Основными реками указанного региона являются Дон и его наибольший приток – Северский Донец [Лесостепь и степь русской равнины, 1956].

Научная новизна данного исследования заключена в следующем:

- 1) Это обобщающая работа, в которой представлен анализ вооружения и военного дела населения салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкой лесостепи;
- 2) В работе прослежена эволюция взглядов исследователей на вооружение и военное дело населения салтово-маяцкой культуры;
- 3) Дана типология предметов вооружения, построенная на материалах раскопок памятников салтово-маяцкой культуры;
- 4) На основе выделенных типов вооружения предложена относительная хронология отдельных предметов вооружения в рамках салтово-маяцкой культуры;
- 5) Определена социальная структура войска групп населения салтово-маяцкой культуры, практиковавших катакомбный, ямный и кремационный обряды погребения;
- 6) Дана характеристика состава войска, выделены общие черты и отличия для групп населения салтово-маяцкой культуры, практиковавших катакомбный, ямный и кремационный обряды погребения;
- 7) Прослежены истоки воинских традиций населения салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецкой лесостепи.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) Установлено, что, несмотря на вековую историю изучения древностей Хазарского каганата, вооружение и военное дело населения салтово-маяцкой культуры стало объектом специальных исследований лишь со второй половины 80-х гг. XX в., результатом чего стала слабая изученность не только отдельных типов оружия, но и проблемы в целом;
- 2) Разработана типологии предметов вооружения, которая позволила выявить отдельные типы оружия, характерные для

погребений с различной обрядностью: «аланский» тип топора для катакомбных захоронений; пиковидные наконечники копий для трупосожжений и ямных захоронений; наконечники стрел с фигурным или ромбовидным пером для трупосожжений и ряд других, что даёт возможность говорить о существовании отличных друг от друга традиций в использовании типов оружия группами населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшими катакомбный, ямный и кремационный обряды погребения;

- 3) Установлено, что не все предметы вооружения в одинаковой степени могут использоваться в качестве датирующего материала для древностей салтово-маяцкой культуры. Более обоснованным для датировки комплексов салтово-маяцкой культуры следует считать на сегодняшний день: топоры с двумя подпроушными выемками (Отдел III), плоские наконечники копий (Отдел II), коленчатые кинжалы, кистени с петлёй (Отдел II), фигурные (Отдел II, Тип 2), ромбические с прорезью (Отдел II, Тип 5) и квадратные в сечении (Отдел III) наконечники стрел;
- 4) Анализ социальной дифференциации войска групп населения салтово-маяцкой культуры, показал, что социальная структура войска носителей катакомбного и кремационного обряда погребения была более чёткой в сравнении с войском носителей ямного обряда погребения;
- 5) Выделены наборы вооружения, характерные для погребений с различной обрядностью: топор, сабля, лук со стрелами для населения, оставившего катакомбные могильники; копьё, лук со стрелами, сабля для населения, практиковавшего ямный обряд погребения; топор, копьё, лук со стрелами и сабля для носителей кремационного обряда погребения;

- б) Выявлены пути проникновения отдельных типов вооружения в Доно-Донецкий регион, а также прослежено влияние различных традиций на сложение военного дела населения указанного региона: кавказские традиции, связываемые с носителями катакомбного обряда погребения и обряда кремации; влияние населения кочевников степной зоны Восточной Европы предсалтовского периода (вторая половина VII – первая половина VIII вв.), с которым связывается проникновение в среду салтовского населения предметов оружия из наборов вооружения тюркских племён; слабое влияние финно-угорского населения Восточной Европы.

Практическое значение работы заключается в возможности использования результатов исследования в качестве базы для последующего изучения военного дела, а также этнической истории населения юга Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Материалы работы могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории Восточной Европы в эпоху раннего средневековья, по истории Хазарского каганата, а также при разработке спецкурсов для студентов ВУЗов. Также результаты исследования могут найти применение в сфере музейного дела.

Апробация результатов исследования. Отдельные положения диссертационного исследования содержатся в 9 публикациях, в том числе в 5-ти рецензируемых научных изданиях: «Вестник ВГУ», КСИА, «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики». Результаты работы обсуждались на различных российских и международных конференциях: Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы (Липецк, 2013; Воронеж, 2015); Восточные древности в истории России. Эпоха средневековья и её археологическое окружение

(Москва, 2014, 2015, 2016, 2017); Хазарский каганат и его место в исторических судьбах народов Восточной Европы (х. Дивногорье, 2015).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и двух приложений, включающих таблицы и иллюстрации. В первой главе описывается источниковая база исследования и историография вопроса. Вторая глава посвящена типологии и хронологии предметов вооружения. В третьей главе рассматривается социальная структура и состав войска населения.

Глава I: Источники и историография.

§ 1. Источники.

В изучении вооружения населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. главную роль играют погребальные памятники, так как именно в них найдено большее количество предметов вооружения. В нашем случае погребальные памятники представлены могильниками, отдельными погребениями и поминальными комплексами (табл. 1а). При этом часть материала с территории могильников происходит не из комплексов, а представляет собой подъёмный материал. Помимо погребальных памятников предметы вооружения были обнаружены на территории поселений в качестве находок из культурного слоя.

§1.1. Археологические источники.

Маяцкое селище и могильник (рис. 1, 1).

Маяцкий археологический комплекс, включающий крепость, селище и могильник располагается в Лискинском районе, Воронежской области, на меловом мысу недалеко от места впадения р. Тихой Сосны в р. Дон. Городище известно с 1647 г., когда оно впервые упоминается в строенной книге города Коротояка [Захарова, Кондратьева, 2011. С. 104]. Данный памятник привлёк внимание археологов в 1890 г., когда в их распоряжение попали предметы, найденные местными жителями [Цыбин, 2001. С. 100]. В конце XIX – начале XX вв. работы на памятнике велись разными исследователями, и результаты раскопок нашли разное отражение в печати, а некоторые не были опубликованы вовсе. Лучше всего были изданы результаты работ А.И. Милютина в 1906 г. [Милютин, 1909] и Н.Е. Макаренко в 1908-1909 гг. [Макаренко, 1911]. Исследования велись на территории крепости и селища, часть которого была принята за могильник, так как рядом с постройками и в них самих были обнаружены катакомбные

погребения [Милютин, 1909. С. 155]. Из-за прекращения в дальнейшем археологического изучения Маяцкого комплекса мнение о части селища как о могильнике распространилось в научной литературе [Плетнёва, 1967. С. 42].

Возобновление изучения Маяцкого комплекса и основной период его исследования связан с работой международной Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции 1975, 1977-1982 гг., возглавлявшейся С.А. Плетнёвой [Винников, 2016].

Во время раскопок на территории селища были обнаружены как погребения в отдельных катакомбах, так и в постройках, и хозяйственных ямах. Всего на селище было исследовано 28 катакомб [Винников, Афанасьев, 1991].

Маяцкий катакомбный могильник был открыт в 1975 г. и примыкает к южной оконечности селища. За семь полевых сезонов на нём было исследовано 120 катакомбных, 9 ямных и 4 подбойных погребений [Флёров, 1993а. С. 4].

В 1987 г. во время проведения охранных раскопок Маяцкого могильника экспедицией Воронежского областного краеведческого музея было изучено 16 катакомб, 2 погребения с искусственным сводом, а также захоронение коня в прямоугольной яме [Лылова, 2001].

В 2008 г. экспедицией Белгородского государственного университета у предполагаемой южной границы Маяцкого селища были обнаружены погребения. Это были захоронения в ямах, в отличие от подавляющего большинства погребений на селище, обнаруженных ранее и представлявших собой катакомбы. Всего было исследовано пять захоронений в ямах [Сарапулкин, 2014].

В данной работе использован материал из 12 погребений Маяцкого селища, содержавших предметы вооружения: 10 катакомбных, 2 ямных. В них находились 2 сабли, 1 наконечник ножен, 4 скобы от ножен, 10 топоров,

1 кистень, 23 наконечника стрел, 2 колчанных крюка, 4 скобы от колчана. В пяти погребениях находились накладки на лук разной степени сохранности.

Из катакомбных погребений Маяцкого могильника нами были учтены 6, они содержали: 2 скобы от ножен, 2 топора, 2 наконечника стрел, 1 скобу от колчана. В двух погребениях находились накладки на лук.

Также учтено два наконечника стрел из культурного слоя селища.

Верхнесалтовский могильник (рис. 1, 9).

Памятник входит в состав Верхнесалтовского археологического комплекса, включающего также городище и селище. Памятник расположен у с. Верхний Салтов, Волчанского района, Харьковской области, на правом берегу р. Северский Донец.

Городище было известно с XVII в. и впервые упомянуто в «Книге Большому Чертежу» [Плетнёва, 1967. С. 25]. Могильник же был случайно открыт на окраине села в 1900 г. местным учителем В.А. Бабенко [Ляпушкин, 1961. С. 199].

В случае с Верхнесалтовским комплексом мы имеем четыре отдельных катакомбных могильника, однако в данном случае мы придерживаемся точки зрения, согласно которой выделенные могильники являются самостоятельными участками одного большого некрополя [Аксёнов, Хоружая, 2008. С. 26; Аксёнов, 2016. С. 179]. Поэтому в данном параграфе нами приводится информация о погребениях Верхнесалтовского могильника в целом, без акцентирования внимания на их принадлежность к отдельным участкам.

Сложным является вопрос об общем количестве исследованных на территории могильника погребений. Точно не известно, сколько катакомб было вскрыто до революции. Согласно одним данным, с 1902 по 1915 гг. было вскрыто 343 катакомбных погребения [Аксёнов, 2006. С. 72], по другим, с 1900 по 1915 гг. было вскрыто 325 катакомб [Кадеев, 1996. С. 145]. После революции В.А. Бабенко проводил «безотчётные» раскопки катакомб,

поэтому неизвестно, сколько их было вскрыто [Плетнёва, 1999. С. 28]. В послевоенные годы могильник исследовался, но sporadически. В частности, исследования проводились под руководством С.А. Семёнова-Зусера [Семёнов-Зусер, 1949; 1952], Д.Т. Берёзовца [Берёзовец, 1962], В.К. Михеева, В.Г. Бородулина, В.В. Колоды, В.С. Аксёнова и др. Определить точное количество погребений, изученных в этот период также затруднительно, так как в печати были отражены результаты не всех работ.

Что же касается приблизительных подсчётов, то мы предпочитаем ориентироваться на данные В.С. Аксёнова, по которым за более чем вековую историю археологических работ, на могильнике было исследовано около 800 катакомбных погребений [Аксёнов, 2006а. С. 74]. В связи с этим несколько завышенной на наш взгляд кажется число, предложенное А.В. Крыгановым и С.А. Плетнёвой, а именно более 1000 погребений [Крыганов, 1998. С. 363; Плетнёва, 1999. С. 28].

Однако, как было указано выше, опубликованы результаты далеко не всех раскопок, а, что касается погребальных комплексов Верхнесалтовского могильника, исследованных в дореволюционный период, то не все они опубликованы полностью, некоторые сопровождаются лишь кратким описанием. Поэтому количество рассматриваемых погребений, содержавших предметы вооружения невелико, всего 11. Они содержали: 4 сабли, 4 навершия рукояти сабли, 1 наконечник ножен, 4 скобы от ножен, 7 топоров, 1 кистень, 1 наконечник стрелы, 2 колчанных крюка, 1 скоба от колчана.

Дмитриевский могильник (рис. 1, 3).

Дмитриевский археологический комплекс, состоящий из городища, двух селищ и могильника расположен у с. Дмитриевка, Шебекинского района, Белгородской области, на р. Короче – правом притоке р. Нежеголь, впадающей в р. Северский Донец. Впервые археологический комплекс, в том числе и могильник, был обследован в 1951 г. И.И. Ляпушкиным [Ляпушкин, 1961. С. 70-71]. Затем комплекс с 1957 г. в течение одиннадцати полевых

сезонов исследовала С.А. Плетнёва [Плетнёва, 1989], которой было изучено на могильнике 170 погребений, из которых 152 катакомбных, 9 ямных, 9 трупосожжений [Плетнёва, 1989. С. 173]. В 2004 г. раскопки Дмитриевского могильника проводил В.А. Сарапулкин, исследовавший 12 катакомбных погребений [Сарапулкин, 2004].

В данной работе учтены 60 катакомб, содержащих захоронения с предметами вооружения.

В них были обнаружены: 1 меч, 3 сабли, 2 навершия рукояти сабли, 2 наконечника ножен, 1 кинжал, 68 топоров, 1 наконечник копья, 2 колчаных крюка, 8 скоб от колчана, 2 кистеня, 58 наконечников стрел разной степени сохранности. В 7 катакомбах находились фрагменты накладок от лука.

Ютановский могильник (рис. 1, 5).

Катакомбный могильник у с. Ютановка, Волоконовского района, Белгородской области, находится на правом берегу р. Оскол. Памятник был открыт в 1930 г. Г.Ф. Денисенко [Ляпушкин, 1961. С. 214]. В 1978-1980 гг. исследовался Г.Е. Афанасьевым, помимо этого несколько погребений были изучены С.А. Плетнёвой в 1973 г. и А.Г. Николаенко в 1973-1977 гг. [Плетнёва, Макарова, 1974. С. 70; Афанасьев, 1987а. С. 144]. На могильнике было вскрыто 23 катакомбных погребения.

В данной работе учтены 15 погребений, содержащих следующие предметы вооружения: 16 топоров, 1 кистень, 1 колчаный крюк, 1 скоба от колчана.

Помимо этого нами учтён кистень, найденный в культурном слое на территории селища.

Нижнелубянский могильник (рис. 1, 6).

Памятник находится у с. Нижние Лубянки, Волоконовского района, Белгородской области, на правом берегу р. Оскол. Впервые о нём стало известно в 1963 г. В 1973-1978 гг. исследованием могильника занимался А.Г. Николаенко. В 1984 г. раскопки на могильнике проводил Г.Е. Афанасьев

[Афанасьев, 1987а. С. 145]. Несколько погребений были изучены С.А. Плетнёвой [Плетнёва, 1974. С. 70]. Всего на могильнике было исследовано 61 погребение.

В данной работе учтены 25 погребений, из которых 24 катакомбных и 1 ямное. В них находились следующие предметы вооружения: 4 сабли, 1 наконечник от ножен, 25 топоров, 1 кистень, 20 наконечников стрел, 3 колчаных крюка, 6 скоб от колчана. В одном погребении были обнаружены накладки на лук.

Рубежанский могильник (рис. 1, 8).

Рубежанский катакомбный могильник расположен у с. Рубежное Волчанского района, Харьковской области. Начиная с 1962 г. памятник разрушался в ходе строительства и оборудования стрельбища. При расширении стрельбища в 1987 г. данные о разрушенных погребениях поступили в Харьковский исторический музей. В том же году экспедицией, организованной музеем и возглавленной В.Г. Бородулиным, было исследовано 13 катакомбных погребений. Затем, при проведении земляных работ на стрельбище, было разрушено ещё несколько погребений [Аксёнов, 2001. С. 62]. В 1995 г. территория памятника была осмотрена сотрудниками Харьковского исторического музея, выявивших в водоотводной канаве 6 могильных пятен, пять из которых оказались катакомбами и одно погребение коня [Аксёнов, 1996].

Из 18 катакомб могильника в данной работе учтены 4 погребения, в которых были обнаружены предметами вооружения: 4 топора.

Старосалтовский могильник (рис. 1, 11).

Памятник расположен у с. Старый Салтов, Волчанского района, Харьковской области, на правом берегу р. Северский Донец, в 4 км. южнее Верхнесалтовского археологического комплекса. При земляных работах часть погребений была разрушена. Охранные раскопки в 1982, 1984, 1985 гг. проводились экспедицией Харьковского исторического музея под

руководством В.Г. Бородулина, а в 1983 г. под руководством В.К. Михеева. За время работ на могильнике было исследовано 21 катакомбное погребение [Аксёнов, 1999].

В данной работе учтены 10 катакомбных погребений Старосалтовского могильника, в которых находились следующие предметы вооружения: 1 сабля, 10 топоров, 3 наконечника стрел, 1 колчаный крюк, 2 скобы от колчана. В одной катакомбе были обнаружены фрагменты накладок на лук.

Подгоровский могильник (рис. 1, 12).

Могильник расположен на правом берегу р. Ураевой (правый приток р. Оскол), у дер. Подгоровка, Вейделевского района, Белгородской области. В 1925 г. об обнаружении местными жителями могильника в урочище Жёлтая Круча было сообщено Воронежскому областному музею. В том же году научному сотруднику музея Д.Д. Леонову удалось собрать подъёмный материал и выяснить основные черты обряда захоронений. В 1926 г. стало известно, что дождём размыло ещё несколько погребений, поэтому Воронежский областной музей организовал экспедицию под руководством С.Н. Замятина [Ляпушкин, 1961. С. 204]. Данной экспедицией были проведены раскопочные работы, в ходе которых было исследовано 7 катакомбных погребений [Плетнёва, 1962а. С. 241].

В данной работе учтено 1 погребение, в котором находился 1 колчаный крюк.

Афоньевский могильник (рис. 1, 2).

Могильник расположен на правом берегу р. Оскол, у с. Афоньевка, Волоконовского района, Белгородской области. Памятник входит в состав комплекса, включающего также городище и селище [Афанасьев, 1987а. С. 176]. Могильник был обнаружен А.Г. Николаенко в 1984 г. и раскапывался Г.Е. Афанасьевым в 1985 г. Всего на могильнике раскопана 1 катакомба [Афанасьев, 1985]. Из предметов вооружения в ней находился топорик.

Сухогомольшанский могильник (рис. 1, 19).

Памятник расположен у с. Сухая Гомольша, Змиевского района, Харьковской области, на правом берегу р. Северский Донец. Крепость, недалеко от которой располагается могильник, была известна ещё в XVII в. и упоминается в «Книге Большому Чертежу» [Аксёнов, Михеев, 2006. С. 72]. Сам же могильник был открыт в 1973 г. В.К. Михеевым [Михеев, Дегтярь, 1974]. Данный памятник является единственным на сегодняшний день полностью исследованным могильником по обряду кремации, расположенным в пределах территории распространения салтово-маяцкой культуры. Основным исследователем памятника является В.К. Михеев, возглавлявший экспедицию Харьковского госуниверситета, работавшую на Сухогомольшанском могильнике в 1973-1982 гг. [Аксёнов, Михеев, 2006. С. 6]. Всего на могильнике было исследовано 320 погребений, вместе с тремя разрушенными и обнаруженными в 1973 г., а также 17 вещевых комплексов [Михеев, 1986. С. 158; Аксёнов, Михеев, 2006. С. 72].

В данной работе учтены 17 погребений и 8 вещевых комплексов, которые содержали следующие предметы вооружения: 4 сабли, 4 скобы от ножен, 1 наконечник ножен, 15 топоров, 5 кистеней, 13 наконечников копий, 14 наконечников стрел, 3 скобы от колчана, 1 колчанный крюк. В двух погребениях обнаружены накладки на лук.

Также нами учтены обломок сабельного клинка, 1 фрагмент скобы ножен, 1 наконечник копья, 1 кистень, 6 наконечников стрел, 1 колчанный крюк, найденные в культурном слое могильника.

Новопокровский могильник (рис. 1, 17).

Памятник находится у с. Новая Покровка, Чугуевского района, Харьковской области, на левом берегу р. Уды. Могильник был открыт И.Ф. Левицким и в течение 1936-1937 гг. исследовался им [Кухаренко, 1951. С. 102]. Однако материалы раскопок были утеряны во время оккупации Харькова немецкими войсками в 1941-1942 гг. [Аксёнов, Михеев, 2006. С. 6]. В 1949 г. могильник исследовал Ю.В. Кухаренко, вскрывший шесть

погребений и два комплекса вещей [Кухаренко, 1951]. Всего на могильнике было исследовано 20 погребений, представленных трупосожжениями, и два комплекса вещей, однако, как сказано выше, материалы из 14 погребений были утеряны во время войны.

В данной работе учтено 2 комплекса вещей, которые содержали предметы вооружения: 2 сабли, 1 наконечник копья, 8 наконечников стрел.

Могильник Лысый Горб (рис. 1, 23).

Расположен у посёлка Лагери, Балаклейского района, Харьковской области, на левом берегу р. Северский Донец. Во время работы Северо-Донецкой экспедиции Харьковского госуниверситета на поселении эпохи бронзы были обнаружены предметы эпохи средневековья [Воловик, 1993. С. 177]. В частности, было исследовано три погребения по обряду кремации и один комплекс вещей [Аксёнов, Воловик, 1999. С. 34].

В данной работе учтены 2 погребения и 1 комплекс вещей, в состав которых входили предметы вооружения: 1 сабля, 1 наконечник от ножен, 2 топора, 3 наконечника копья, 9 наконечников стрел, 1 колчаный крюк, 1 скоба от колчана.

Могильник Кицевка (рис. 1, 18).

Памятник расположен у с. Кицевка, Печенежского района, Харьковской области, на правом берегу р. Большая Бабка, недалеко от её впадения в р. Северский Донец. Могильник случайно был обнаружен в 2010 г., до этого примерно с 2007 г. подвергался грабительским раскопкам [Лаптев, Аксёнов, 2012]. В 2011 г. на могильнике было исследовано 6 погребений по типу кремации.

В данной работе учтён материал из 3 погребений, содержащих предметы вооружения: 3 наконечника стрел, 3 скобы от колчана.

В культурном слое была найдена 1 скоба от колчана. Помимо этого учтён 1 наконечник копья и 1 колчаный крюк, обнаруженные и переданные исследователям местными жителями.

Кочетокский могильник (рис. 1, 15).

Памятник находится на территории Чугуево-Бабчанского лесничества в 3,5 км. от пгт. Кочеток, Чугуевского района, Харьковской области, между р. Тетлеги и р. Большая Бабка, являющимися правыми притоками р. Северский Донец. Могильник выявлен в 2009 г., раскопки начаты в 2012 г. [Свистун, 2012а; Свистун, Квитковский, 2013]. За это время изучено 2 комплекса вещей и 3 кремационных погребения.

В данной работе рассмотрены предметы вооружения, содержащиеся в 3 погребениях и 1 комплексе вещей: 2 сабли, 3 топора, 2 наконечник копья, 2 кистеня, 2 наконечника стрел, 1 скоба от колчана.

Также был учтён подъёмный материал с территории могильника, представленный 1 саблей, 3 скобами от ножен, 1 топором, 2 наконечниками копий, 7 наконечниками стрел, 1 колчанным крюком и 1 скобой от колчана.

Красногоровский могильник (рис. 1, 22).

Памятник расположен у с. Красная Горка, Балаклеевского района, Харьковской области, на правом берегу р. Северский Донец. Некрополь исследовался в 1984-1992, 1994 гг. Средневековой археологической экспедицией Харьковского госуниверситета под руководством В.К.Михеева, а также в 2000 г в ходе совместной экспедиции Харьковского исторического музея и Музея археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете под руководством В.С.Аксёнова [Аксёнов, 2002. С. 6; Аксёнов, Михеев, 2009. С. 387]. Могильник является биритуальным, на нём встречены кремационные и ямные погребения [Михеев, 1990. С. 52]. Всего было исследовано 312 захоронений, из которых 191 ямное погребение и 121 трупосожжение [Аксёнов, 2002. С. 6; Аксёнов, Михеев, 2009. С. 387].

В данной работе используется материал из 8 погребений, совершённых по различному обряду: 4 трупосожжения и 4 ямных погребения. Кремации сопровождалась предметами вооружения: 2 сабли, 1 навершие рукояти

сабли, 1 наконечник от ножен, 1 скоба от ножен, 2 топора, 3 наконечника копья, 19 наконечников стрел, 1 колчаный крюк, 2 скобы от колчана. В ямных погребениях находились: 3 сабли, 2 топора, 5 наконечников копий, 17 наконечников стрел, 1 колчаный крюк. В трёх кремациях и четырёх ямных погребениях находились накладки на лук.

Нетайловский могильник (рис. 1, 10).

Нетайловский грунтовый могильник расположен у с. Металловка, Волчанского района, Харьковской области, на левом берегу р. Северский Донец. Памятник был обнаружен Д.Т. Берёзовцем, который в 1959-1961 гг. проводил раскопки могильника [Пархоменко, 1983. С. 75]. После создания в 1961 г. Печенежского водохранилища исследования могильника прекратились и возобновились только в 1991 г. [Аксёнов, Хоружая, 2005. С. 199; Крыганов, 1998. С. 358]. На 2014 г. на Нетайловском могильнике вскрыто 525 ямных погребений [Аксёнов, 2014б. С. 6].

В данной работе рассматривается 21 погребение, содержащее предметы вооружения: 2 сабли, 1 палаш, 3 топора, 12 наконечников копий, 4 кистеня, 9 наконечников стрел, 1 колчаный крюк.

Также нами учтено погребение, обнаруженное в 2002 г. на территории селища Нетайловка 2 [Аксёнов, Крыганов, 2009]. Из предметов вооружения в погребении были обнаружены 1 сабля, 1 наконечник копья и 1 наконечник стрелы.

Мандровский могильник (рис. 1, 7).

Памятник расположен у с. Мандрово, Валуйского района, Белгородской области, на правом берегу р. Валуй (левого притока р. Оскол). В 1990-х гг. на территории могильника был заложен карьер, вследствие чего часть погребений была разрушена. Некоторые вещи попали к учителю истории С.В. Зеленскому, который сообщил о находках А.З. Винникову. Памятник исследовался в 2000-2003 гг., за этот период было выявлено 49 ямных погребений [Винников, Сарапулкин, 2008].

В данной работе учтены 3 погребения, в которых находились: 1 наконечник стрелы и 1 колчаный крюк. В одном из погребений находились костяные накладки на лук.

Ржевский могильник (рис. 1, 4).

Могильник расположен у с. Ржевка, Шебекинского района, Белгородской области, на левом берегу р. Нежеголь. Памятник был открыт в 2000 г., когда земляными работами было разрушено шесть погребений. В 2004-2005 гг. могильник исследовался экспедицией Белгородского госуниверситета под руководством В.А. Сарапулкина [Сарапулкин, 2006]. Всего было выявлено 41 ямное погребение.

В данной работе рассматриваются 9 погребений, в которых находились предметы вооружения: 2 сабли, 1 топор, 7 наконечников копий, 1 кистень, 1 наконечник стрелы. В одном погребении находились костяные накладки на лук.

Погребение у с. Пятницкое (рис. 1, 14).

Комплекс обнаружен в 1977 г. у с. Пятницкое, Печенежского района, Харьковской области, на левом берегу р. Большая Бабка. Комплекс был найден случайно при проведении земельных работ по сооружению оросительной системы. Данный комплекс являлся частью полностью разрушенного могильника, возможно, биритуального [Шрамко, 1983. С. 48]. Однако базирование имеющейся информации на показаниях рабочих, а также отсутствие дополнительной информации о могильнике стали причиной отдельного рассмотрения данного погребения.

Погребение содержало предметы вооружения: 1 сабля, 1 наконечник копья.

Комплекс вещей у с. Тополи (рис. 1, 13).

Найден в 1891 г. на правом берегу р. Оскол близ с. Тополи, нынешнего Двуречанского района, Харьковской области. Обстоятельства находки не

известны, в 1892 г. вещи были переданы в Государственный исторический музей из Археологической комиссии [Кухаренко, 1951].

В состав комплекса входили предметы вооружения, учтённые нами: 1 сабля, 1 скоба от ножен, 1 топор, 1 наконечник копья, 1 кинжал, 3 наконечника стрелы.

Комплекс вещей у с. Кочеток (рис. 1, 16).

Комплекс обнаружен в 1978 г. при рытье траншеи в с. Кочеток, Печенежского района, Харьковской области, на правом берегу р. Северский Донец. В публикации, посвящённой данному комплексу, он назван погребением, однако из-за отсутствия человеческих костей на месте находки, мы относим его к комплексам вещей [Дегтярь, 1984].

Комплекс включал в себя предметы вооружения: 1 топор, 1 наконечник копья, 13 наконечников стрел, 1 колчанный крюк, 1 скоба от колчана.

Комплекс вещей у с. Сухая Гомольша (рис. 1, 21).

Комплекс был найден в 2005 г. недалеко от с. Сухая Гомольша при зачистке блиндажа времён второй мировой войны и передан В.В. Колоде [Колода, 2012].

Всего комплекс содержал 82 предмета, среди них были и относящиеся к вооружению: 1 сабля, 1 скоба от ножен, 1 наконечник ножен, 3 топора, 2 наконечника копья, 15 наконечников стрел, 1 колчанный крюк, 1 скоба от колчана.

Комплексы вещей в 1 км. от Сухогомольшанского могильника (рис. 1, 20).

Комплексы обнаружены в 2002 г. при несанкционированных раскопках, на берегу правого безымянного притока р. Гомольша, в 1 км. юго-западнее от Сухогомольшанского могильника. Возможно, данные комплексы были частью могильника, разрушенного в 60-х гг. XX в. при строительстве нефтепровода [Аксёнов, 2005а. С. 357]. Однако нами комплексы рассматриваются отдельно, в силу того что существование кремационного

могильника в данном случае гипотетично. Всего было обнаружено 3 комплекса вещей.

В данной работе рассматриваются все 3 комплекса, так как каждый содержал предметы вооружения: 2 сабли, 4 топора, 3 наконечника копья.

Комплексы вещей в Государевом яре (рис. 1, 24).

В 2012 г. два комплекса вещей поступили в Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды. Происходят они из местности, известной ранее как Государев яр и расположенной на границе Харьковской и Донецкой областей, на правом берегу р. Северский Донец [Колода, 2013].

В данной работе учтены оба комплекса, в которых находилось 2 топора.

Таким образом, источниковую базу данного исследования составляет материал, происходящий из 212 погребений (142 катакомбных, 41 ямное, 29 кремаций) и 21 вещевого комплекса с территории 18 могильников и 3 селищ. Также был учтён подъёмный материал с территории 3 могильников и одного селища.

Учёт погребений, совершённых по различному обряду, позволит рассмотреть вооружение и военное дело отдельно для каждой группы населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв., что позволит: во-первых, выявить общие черты и различия между группами; во-вторых, подойти к решению вопроса об истоках воинских традиций населения салтово-маяцкой культуры; выявить основные компоненты, из которых складывалась воинская культура населения северо-западных территорий Хазарского каганата.

В упомянутых 233¹ погребениях и комплексах находилось 640

---

¹ Автор выражает благодарность Г.Е. Афанасьеву за возможность использовать неопубликованные материалы раскопок Афоньевского, Нижнелубянского и Ютановского могильников, и В.А. Сарапулkinу за возможность использовать неопубликованные материалы раскопок Дмитриевского и Ржевского могильников.

предметов, относящихся к комплексу вооружения. Клинковое оружие представлено 40 сабельными клинками разной степени сохранности, 1 палашом, 1 мечом и 2 кинжалами. Детали ножен представлены 21 скобой, 9 наконечниками. Навершия рукояти сабель насчитывают 7 экземпляров. Рубящее оружие, представленное топорами, включает 183 экземпляра. Остатки древкового оружия, представлены 59 наконечниками копий. Ударное оружие, а именно гирьки от кистеней, насчитывает 20 экземпляров. Дистанционное оружие представлено 237 наконечниками стрел. Детали колчана насчитывают 23 крюка и 37 скоб. В 27 погребениях были обнаружены остатки накладок на лук.

В данной выборке представлены все виды оружия и воинского снаряжения, существовавшие у населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. Это позволяет использовать данную выборку для построения выводов о вооружении и войске населения салтово-маяцкой культуры. В то же время каждый предмет вооружения представлен достаточным количеством материала для составления типологии с целью определения и уточнения истоков форм предметов вооружения, их относительной хронологии и путей распространения.

Данная выборка, состоящая из 640 предметов вооружения, происходящих из 233 погребений и комплексов вещей, оставленных группами населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшими различные обряды погребения, позволяет на наш взгляд решить задачи, поставленные в данной работе.

§1.2. Письменные источники.

Сведения о военном деле населения хазарского каганата содержатся в письменных источниках. Подавляющее большинство исторических сочинений, в которых описывается войско хазар/населения хазарского каганата, принадлежит арабским авторам, реже византийским и армянским.

Среди арабских авторов следует отметить Ибн Фадлана «Записка» [Ковалевский, 1956], ал-Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов» [Заходер, 1962. С. 155; Калинина, 2015. С. 172], ал-Истархи «Книга путей стран» [Новосельцев, 1990. С. 121], Ибн Хаукаля «Книга путей и стран» [Заходер, 1962. С. 219], Ибн Русте «Книга драгоценных ожерелий» [Заходер, 1962. С. 220], ал-Марвази «Природа животных» [Новосельцев, 1990. С. 120], Гардизи «Украшение известий» [Заходер, 1962. С. 220-221], ал-Куфи «Книга завоеваний» [Новосельцев, 1990. С. 118]. Отдельные сведения о войске и военном деле населения Хазарии содержатся в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Константин Багрянородный..., 1991] и в «История страны Алуанк» написанной, как считается, армянским историком Мовсесом Каланкатуаци [Калинина, Флёров, Петрухин, 2014. С. 85]. Для характеристики отношений населения Хазарского каганата и племён восточных славян привлекаются сведения, содержащиеся в «Повести временных лет» [Повесть..., 2014].

Время написания большинства указанных выше сочинений приходится на период от начала до конца X в., то есть на время, для которого фиксируется упадок Хазарского каганата, завершившийся походом древнерусского князя Святослава в 965 г. и руси в 969 г. [Калинина, 2015. С. 244]. Исключением является сочинение Гардизи «Украшение известий», написание которого относится к середине XI в. Тем не менее, в рассматриваемых источниках содержится информация, относящаяся не только к X в., но и к более раннему периоду истории Хазарского каганата.

Что касается ценности информации, содержащейся в указанных письменных источниках, для темы данного исследования, то необходимо иметь в виду следующее: во-первых, данные источники приобретают высокую ценность в силу того, что содержат сведения о первой половине X в., то есть о периоде, слабо фиксируемом археологически применительно к населению Хазарского каганата, в том числе к населению Подонья; во-

вторых, информация о вооружении и военном деле касается в основном населения южных территорий каганата и непосредственно хазар, поэтому нужно осторожно относиться к экстраполяции наблюдений средневековых авторов на всё население Хазарии, в частности на население Доно-Донецкой лесостепи.

§ 2. Историография проблемы.

Процесс накопления и анализа материалов по вооружению и военному делу населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. шёл попутно изучению древностей салтово-маяцкой культуры. Поэтому историю изучения вооружения и военного дела данного населения невозможно рассматривать отдельно от истории изучения салтово-маяцкой культуры в целом.

Начало научного изучения древностей салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкой лесостепи приходится на первое десятилетие XX века. Главным образом эти исследования велись на Верхнесалтовском и Маяцком археологических комплексах. В первых публикациях результатов исследования этих памятников были отражены и предметы вооружения, находившиеся в катакомбных погребениях [Милютинъ, 1909. С. 161; Покровский, 1905. С. 469].

В 1935 г. в свет вышла работа М.И. Артамонова «Средневековые поселения на нижнем Дону». В своём труде автор использовал материалы, добытые в ходе работ Северо-Кавказской археологической экспедиции в 1926-1927 гг. и археологической разведки на Нижнем Дону в 1929 г. М.И. Артамонов предпринял попытку рассмотрения культуры, экономики и социального строя населения бассейна нижнего течения Дона в VIII-IX вв. Основное внимание в работе было уделено материалам Левобережного Цимлянского городища, соотнесённого автором с Саркелом [Артамонов, 1935]. Вскоре вышла первая обобщающая работа по истории Хазарского

каганата, однако основана она была на сообщениях письменных источников [Артамонов, 1936]. М.И. Артамонов отметил малочисленность археологических источников по истории Хазарского каганата, указав причиной этого недостаточный объём полевых исследований [Артамонов, 1940. С. 130-132]. Однако в данных работах вопросы, связанные с вооружением и военным делом населения салтово-маяцкой культуры не нашли отражения.

Первой работой, в которой была освещена интересующая нас проблема, стало диссертационное исследование Н.Я. Мерперта. Но, следует отметить, что источниковая база автора была ограничена материалами Верхнесалтовского могильника. Основной идеей Н.Я. Мерперта, которую он отстаивал в своей работе, был тезис о непосредственной этнической и культурной связи населения салтово-маяцкой культуры и населения юга востока России [Мерперт, 1949. С. 4]. Исходя из этого не вызывают удивления выводы, к которым пришёл автор. В частности, Н.Я. Мерперт отметил близость форм некоторых видов оружия, бытовавшего в среде населения салтово-маяцкой культуры, с формами, характерными для населения юга Восточной Европы. К таким видам оружия автор отнёс боевые топоры, наконечники стрел, клинковое оружие [Мерперт, 1949. С. 10]. Отдельного внимания заслуживает точка зрения Н.Я. Мерперта, высказанная в данной работе, согласно которой такое оружие как раннесредневековая сабля возникло из сарматского длинного меча [Мерперт, 1949. С. 9].

Вопросы генезиса раннесредневековых сабель были подробно рассмотрены Н.Я. Мерпертом в отдельной работе, посвящённой оружию племён Восточной Европы в раннем средневековье [Мерперт, 1955]. Автор, используя материал из раскопок Верхнесалтовского могильника, предложил типологию сабель, основываясь на различиях в оформлении перекрестий и наверший рукоятей. Однако главным выводом, сделанным Н.Я. Мерпертом в данной работе, является постулат о происхождении раннесредневековых

сабель от длинного сарматского меча и, соответственно, о местном, восточноевропейском центре возникновения сабли при допущении существования таких центров также в Южной Сибири и Средней Азии [Мерперт, 1955. С. 164-167].

Что касается непосредственно салтово-маяцкой культуры, то, основываясь на материалах раскопок того же Верхнесалтовского могильника, Н.Я. Мерперт сделал вывод о характере войска населения салтово-маяцкой культуры как о конном [Мерперт, 1955. 142-143]. Данный вывод, как и некоторые другие, сделанные автором в двух рассмотренных выше работах, получил развитие в дальнейших исследованиях учёных-салтоведов.

Существенно источниковую базу по салтово-маяцкой культуре пополнили раскопки Левобережного Цимлянского городища в 1934-1936 и 1949-1951 гг. под руководством М.И. Артамонова [Артамонов, 1958. С. 10], Правобережного Цимлянского городища в 1939 г. под руководством И.И. Ляпушкина [Ляпушкин, 1940], в 1958-1959 гг. под руководством С.А. Плетнёвой [Плетнёва, 1964. С. 134; Плетнёва, 1994], позднее в 1987-1988, 1990 гг. под руководством В.С. Флёрова [Флёров, 1994]. Во время работ на указанных памятниках были обнаружены и предметы вооружения. Специально они не изучались, но исследователи сделали некоторые выводы о военном деле населения Хазарского каганата.

В первом томе трудов Волго-Донской археологической экспедиции появилась статья И.И. Ляпушкина, посвящённая памятникам салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон и включавшая в себя не только сведения добытые экспедицией, но и информацию историографического характера [Ляпушкин, 1958]. В частности, работа Ляпушкина И.И. содержит краткий обзор итогов изучения салтово-маяцкой культуры с момента начала раскопочных работ на Верхнесалтовском могильнике в 1900 г. до начала работы Волго-Донской экспедиции [Ляпушкин, 1958. С. 85-89]. Однако нужно обратить внимание на использование автором в своём исследовании

преимущественно материалов с Правобережного и Левобережного Цимлянских городищ, что создаёт ограничения для переноса его выводов на всю салтово-маяцкую культуру, о территории которой в то время не было чёткого представления в силу недостаточной исследованности. Тем не менее, информация, содержащаяся в статье И.И. Ляпушкина важна для нас, т.к. она относится к некоторым предметам вооружения салтово-маяцкой культуры и вопросам военного дела «салтовцев».

В частности, И.И. Ляпушкин отметил наибольшую распространённость среди находок, относящихся к комплексу вооружения, наконечников стрел по форме ланцетовидных и трёхпёрых. Что касается наконечников копий, то автор обратил внимание на единый для них способ крепления к древку, по которому отнёс их к втульчатым, а по форме пера к листовидным [Ляпушкин, 1958. С. 119]. В рассматриваемой статье не был оставлен без внимания вопрос об общественных отношениях в среде носителей салтово-маяцкой культуры. И.И. Ляпушкин считал, что сопровождающий погребение инвентарь, в частности предметы комплекса вооружения, отражают имущественное положение, которое умерший занимал при жизни. Иначе говоря, автор полагал возможным изучение предметов вооружения как источника по имущественному расслоению, существовавшему внутри салтовского общества [Ляпушкин, 1958. С. 136].

Характеристике памятников салтово-маяцкой культуры посвящён один из разделов монографического исследования И.И. Ляпушкина «Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа» [Ляпушкин, 1961. С. 187-214], в котором опубликованы также погребения Подгоровского катакомбного могильника, содержавшие предметы вооружения.

В 1962 году вышел в свет фундаментальный труд М. И. Артамонова [Артамонов, 1962]. Это исследование до сих пор остаётся настольной книгой для учёных, занимающихся изучением истории народов и государств восточноевропейской степи I тыс. н.э. Автор базировался преимущественно

на сведениях письменных источников. В них содержалась и некоторая информация о войске хазар. В частности о его численности: М.И. Артамонов приводит цифры в диапазоне от 10 до 300 тысяч воинов, указывая на субъективность и завышенность этих данных [Артамонов, 2001. С. 285, 293, 296, 297, 303, 345, 414, 499, 552]. Именно в силу вышеупомянутой субъективности данных письменных источников и невозможности проверить достоверность этих сведений археологически, вопрос о численности хазарского войска остаётся дискуссионным.

Через год после упомянутого труда М.И. Артамонова в печати появился третий том трудов Волго-Донской археологической экспедиции, в котором были опубликованы результаты раскопок могильника Саркела-Белой Вежи. Среди исследованных погребений найдены и относящиеся к хазарскому периоду. И хотя по составу погребального инвентаря их нельзя отнести к богатым захоронениям, предметы комплекса вооружения в них всё же находились, например, наконечники стрел [Артамонова, 1963. С. 25]. И их формы соответствовали тем, что ранее были выделены Н.Я. Мерпертом и И.И. Ляпушкиным в качестве характерных для салтово-маяцкой культуры.

После написания истории хазар М.И. Артамоновым, пользовавшимся, повторюсь, по большей части письменными источниками, встала задача обобщения и сведения в единую систему археологических источников, относимых к салтово-маяцкой культуре.

Выполнение этой задачи связано с именем С.А. Плетнёвой. Именно она продолжила обобщение результатов археологического изучения салтово-маяцкой культуры, начатое ещё И.И. Ляпушкиным. В её работе была подробно описана духовная, и что для нас наиболее важно, материальная культура населения Хазарского каганата [Плетнёва, 1967]. Не остались вне поля зрения автора и предметы вооружения, хотя и следует отметить, что С.А. Плетнёва не дала в рассматриваемой работе подробных типологий, ограничившись ссылками на ученых, специально занимавшихся изучением

предметов воинского снаряжения, прежде всего, на Н.Я. Мерперта [Плетнёва, 1967. С. 157-158]. Но, несмотря на это, автор приводит интересные наблюдения, касающиеся вооружения населения салтово-маяцкой культуры, привлекая главным образом данные раскопок Дмитриевского и Верхнесалтовского катакомбных могильников.

К числу таких наблюдений, безусловно, относится хронологическая привязка различных форм топоров к определённым этапам существования салтово-маяцкой культуры. Так топоры с удлинённым молоткообразным обушком, по мнению С.А. Плетнёвой, были характерны для первого периода, то есть для конца VIII – 1-й пол. IX вв., а топоры с плоским обушком для второго периода, то есть для 2-й пол. IX в., при этом автор указала, ссылаясь на Н.Я. Мерперта, что топоры с молоткообразным обушком близки боевым топорам сарматской и сармато-аланской эпох [Плетнёва, 1967. С. 140, 142]. Вообще, что касается топоров, то С.А. Плетнёва в своей работе называет их «специфическим аланским или алано-болгарским оружием, характерным только для восточноевропейских степей и лесостепей» [Плетнёва, 1967. С. 158].

Также автор отметила крайне малую распространённость наконечников копий в среде населения салтово-маяцкой культуры, но на основе немногочисленных находок классифицировала их по форме на шиповидные и ланцетовидные, причём С.А. Плетнёва полагала возможным принадлежность первых к прослойке богатых воинов, а вторых к рядовым [Плетнёва, 1967. С. 160]. Вряд ли можно согласиться с данным тезисом, более вероятно, что шиповидные предназначались для пробивания брони, а ланцетовидные для сражения с не имевшим защитного снаряжения врагом (об этом предположении будет подробнее сказано в следующей главе). Наряду с копьями, по замечанию С.А. Плетнёвой, не получили распространения в среде населения салтово-маяцкой культуры и кистени, которые, как полагала исследовательница, и вовсе могли быть заимствованы

населением салтово-маяцкой культуры у славян [Плетнёва, 1967. С. 160]. Автор констатировала отмеченную ранее И.И. Ляпушкиным распространённость у населения салтово-маяцкой культуры в лесостепи трёхпёрых наконечников стрел, а в степи плоских и «шиповидных». Стрелы, по мнению С.А. Плетнёвой, помещались в колчан наконечниками вверх [Плетнёва, 1967. С. 40-41].

За время, прошедшее между выходом в свет статьи Н.Я. Мерперта, посвящённой средневековому оружию, и рассматриваемой работы С.А. Плетнёвой, не успел накопиться новый материал по «салтовским» саблям, поэтому взгляды этих исследователей на сабли в большей мере схожи. С.А. Плетнёва как и Н.Я. Мерперт отметила характерность находок сабель для погребений с богатым сопровождающим инвентарём, сделав предположение о том, что рядовые воины передавали саблю по наследству в силу её дороговизны, допуская при этом обрядовые причины помещения сабель в могилы [Плетнёва, 1967. С. 157].

На основе данных раскопок Дмитриевского и Верхнесалтовского катакомбных могильников, С.А. Плетнёва сделала вывод о проживании большего числа воинов-дружинников на пограничных северо-западных землях Хазарского каганата [Плетнёва, 1967. С. 170]. Однако, на наш взгляд, для такого вывода исследовательница пользовалась достаточно узкой источниковой базой – два могильника, пусть на тот момент и наиболее полно изученных. Поэтому данный тезис исследовательницы требует проверки с использованием более широкой в географическом плане источниковой базы.

В работе С.А. Плетнёвой были подытожены результаты более чем полувекового изучения салтово-маяцкой культуры. Её написание было бы невозможно без пополнения источниковой базы новыми материалами. Особенно следует подчеркнуть тот факт, что наряду с лесостепными и степными территориями началось более активное изучение таких районов распространения салтово-маяцкой культуры как: Северное Причерноморье,

Приазовье, Предкавказье. Это со временем позволило исследователям обратиться к выделению комплексов вещей, относящихся к разным этнокультурным группам, проживавшим в границах Хазарского каганата и принимавшим участие в формировании его материальной культуры.

Отдельного внимания заслуживает открытие и изучение памятников, оставленных населением, практиковавшим обряд сожжения умерших на стороне. Выделение памятников данного типа для населения Доно-Донецкой лесостепи относится к 1936 г., и связано с раскопками могильника у с. Новая Покровка. Однако во время войны материалы раскопок были утеряны [Аксёнов, Михеев, 2006. С. 6]. Повторно памятник был исследован в 1949 г., а результаты опубликованы в одном из номеров КСИИМК некоторое время спустя. В этой же работе была дана информация о комплексе вещей схожем с новопокровскими и обнаруженном у с. Тополи в 1891 г. [Кухаренко, 1951. С. 99]. Однако первичная культурная атрибуция памятников данного вида тяготела к раннеславянской и славянской [Кухаренко, 1951. С. 108; Плетнёва, 1960. С. 18; Плетнёва, 1962б. С. 94; Рыбаков, 1953. С. 103]. К настоящему времени в бассейне р. Северский Донец открыто несколько кремационных могильников, погребений и связанных с ними поминальных комплексов (рис. 1), изучение которых предоставило в руки исследователей новые материалы, в том числе и по вооружению.

Появление новых археологических материалов, пополнивших источниковую базу по салтово-маяцкой культуре, потребовало нового обобщения материала. Эта задача вновь была выполнена С.А. Плетнёвой в одном из томов серии «Археология СССР» [Археология СССР, 1981]. С.А. Плетнёва пользовалась новыми источниками, в том числе и материалами, полученными в результате многолетнего исследования Дмитриевского археологического комплекса, которые были опубликованы позднее.

В русле общих характеристик салтово-маяцкой культуры С.А. Плетнёва не обошла вниманием комплекс вооружения. Здесь, прежде всего,

автор указала на роль оружия в хронологических построениях. Например, С.А. Плетнёва, повторяя свои выводы из работы «От кочевий к городам», пишет о том, что форма обушков боевых топоров менялась со временем от круглых и квадратных в разрезе форм к плоским. Ещё одно наблюдение, относящиеся к хронологии оружия, касалось сабли, а именно того, что длина клинка сабли со временем уменьшилась [Археология СССР, 1981. С. 74].

Особого внимания заслуживает попытка автора выделить наборы оружия и связать их с типами погребений, а, следовательно, с определёнными этно-культурными группами. Так для алан-«катакомбников», комплекс вооружения включает саблю, лук и топорик, а для болгар-«ямников» саблю, лук, копьё [Археология СССР, 1981. С. 74]. Здесь С.А. Плетнёва могла неверно выявить причину различия в комплексах вооружения, считая её производной от этнической принадлежности его обладателей. Хотя, на наш взгляд, не исключена зависимость состава этих комплексов от природно-географических условий местности их распространения, о чём подробнее будет сказано в третьей главе данной работы. Здесь следует отметить, что В.В. Овсянникову, применительно к Урало-Поволжскому региону, удалось выявить связи между теми или иными видами оружия и природно-географическими условиями территории их распространения [Овсянников, 1996. С. 165-174].

Как было сказано выше, постепенно исследователи стали больше обращаться к малоизученным районам распространения салтово-маяцкой культуры. В работе М.Г. Магомедова, обобщающей результаты изучения материальной культуры населения Северо-Восточного Предкавказья времени Хазарского каганата, нашли отражение и предметы вооружения. Для нас данная работа представляет интерес в силу того, что в ней автор приводит широкие аналогии оружию, обнаруженному в могильниках Северо-Восточного Предкавказья, среди материалов лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры [Магомедов, 1983. С. 67].

Некоторые вопросы военного дела населения салтово-маяцкой культуры, были затронуты в работе В.К. Михеева, посвящённой главным образом хозяйству населения Подонья в VIII-X вв. Одним из таких вопросов стали принципы разделения топоров на рабочие и боевые. Так автор предложил выделять рабочие топоры, исходя из их нахождения в комплексах с сельскохозяйственными орудиями [Михеев, 1985. С. 39]. Однако, следует отметить, что данный принцип не всегда может быть применён, так как в катакомбных захоронениях часто топор находится в паре только с ножом, а в кремациях нередко встречаются складные серпы. Наконечники стрел были рассмотрены автором в рамках их применения во время охоты, а не боевых действий. Тем не менее, для нас представляют интерес принципы типологизации материала, использованные В.К. Михеевым. В частности, в основу типологии стрел автором была положена форма пера, а кистеней – способ крепления [Михеев, 1985. С. 60, 91]. Что касается наконечников копий, то В.К. Михеев обратил особое внимание на длинные наконечники с двумя отверстиями на пере, ближайшие аналогии которым, только без отверстий, автор нашёл среди древностей финно-угорских племён [Михеев, 1985. С. 60].

В 1987 в свет вышла монография Г.Е. Афанасьева, посвящённая населению лесостепи Среднего Дона в VIII – X вв. Для нас особое значение данной работы заключается в том, что в ней автор делает некоторые выводы относительно военного дела населения салтово-маяцкой культуры, исходя из характеристик оборонительных сооружений салтово-маяцкой культуры на рассматриваемой территории. В этой связи Г.Е. Афанасьев большое внимание уделяет крепостям и городищам. Так одной из особенностей салтовских городищ, построенных на мысах, автор назвал эшелонированную оборону, состоявшую из нескольких линий оборонительных сооружений, располагавшихся друг от друга на расстоянии прицельной стрельбы из лука [Афанасьев, 1987а. С. 103-105]. Об активной обороне салтовских крепостей,

по мнению автора, говорят широкая берма, наличие башен и небольшой наклон стен крепостей вовнутрь [Афанасьев, 1987а. С. 128]. Все эти элементы, вместе или по отдельности, были зафиксированы при исследовании крепостей салтово-маяцкой культуры и все они имели своей целью увеличить шансы осаждённых на выживание. Г.Е. Афанасьев нашёл объяснение вышеперечисленным элементам обороны салтовских крепостей в появлении новой тактики, а именно штурма крепостей, в отличие от пассивной осады. Руководствуясь выводами автора, мы можем отметить важную роль дистанционного оружия, в данном случае лука, в обороне салтовских крепостей, что подтверждается находками остатков луков в погребениях второй половины VIII – начала X вв. на территории Доно-Донецкой лесостепи.

Важным событием в деле изучения салтово-маяцкой культуры стала публикация результатов многолетнего изучения Дмитриевского археологического комплекса. Катакомбы Дмитриевского могильника содержали не малое количество различных видов оружия, что позволило пополнить новыми данными знания о культуре населения, проживавшего на северо-западе Хазарского каганата, в частности о его военном деле.

В первую очередь следует отметить продолженную С.А. Плетнёвой разработку типологии и хронологии топоров, обнаруженных в катакомбах Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989. С. 74-76; 155]. Заслуживает внимания также попытка С.А. Плетнёвой разделить топоры на боевые и рабочие. В отличие от В.К. Михеева, автор в качестве критерия для такого разделения со ссылкой на А.Н. Кирпичникова выбрала размер топоров. Однако затем С.А. Плетнёва указала на возможность применения рабочих топоров в бою, а боевых в быту [Плетнёва, 1989. С. 74, 76]. Но это замечание только внесло неясность в вопрос о том, какие же топоры изначально изготавливались для применения в бою, а какие для бытового использования.

На основе находок различных частей колчанов в погребениях Дмитриевского могильника, С.А. Плетнёва предложила в своей работе реконструкции двух колчанов [Плетнёва, 1989. С. 72. Рис. 33: А, Б]. Луки были разделены автором условно на три типа по взаимовстречаемости различных костяных и роговых накладок: со срединными, боковыми овальными; с непарной плечевой фронтальной; со срединными, плечевыми и концевыми [Плетнёва, 1989. С. 69, 71]. Позднее некоторые положения С.А. Плетнёвой относительно реконструкции расположения накладок на луках из погребений Дмитриевского могильника были подвержены критике [Савин, Семёнов, 1990. С. 169].

Что касается других видов оружия, например, сабли, то здесь С.А. Плетнёва пришла к тем же выводам, что и Н.Я. Мерперт [Плетнёва, 1989. С. 74]. Также С.А. Плетнёва отметила редкость находок кистеней в лесостепи, и отсутствие находок наконечников копий в катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры. Практически полное отсутствие находок было также отмечено автором применительно к защитному вооружению [Плетнёва, 1989. С. 76].

В целом, С.А. Плетнёвой было проведено тщательное изучение вооружения населения изучаемого комплекса, что позволило сделать ей вывод о военизированном быте населения Дмитриевского комплекса, затронувшем и его женскую часть [Плетнёва, 1989. С. 278, 282].

Тема женщин-воинов, нашедшая достаточно широкое освещение в трудах С.А. Плетнёвой, заслуживает, на наш взгляд, подробного рассмотрения.

Основой для выделения женщин-воинов стали наблюдения автора при раскопках Дмитриевского могильника, на котором в некоторых погребениях женщин разного возраста попадались отдельные предметы оружия или целый их ряд, сопровождавшийся ещё и деталями конской упряжи.

В статье «Средневековые «амазонки» в Европейских степях» С.А. Плетнёва рассмотрела пережитки матриархата, в том числе существование женщин-воинов у кочевого населения. Исследование предваряется кратким экскурсом в историю возникновения термина «амазонки» [Плетнёва, 1983. С. 9]. На примере Дмитриевского могильника С.А. Плетнёва проследила этапы «воскрешения» пережитков матриархата. Они скоррелированы с хронологией существования могильника. Так автор обратила внимание на то, что некоторый процент женских захоронений с оружием относится к раннему периоду, в промежуточный период они практически отсутствуют и в большом количестве присутствуют в катакомбах поздней группы. Что было объяснено автором с точки зрения возросшей военной опасности, в результате которой некоторым женщинам приходилось становиться воинами [Плетнёва, 1983. 18-19].

Следующая работа, посвящённая рассмотрению феномена «амазонок», вышла через пятнадцать лет после первой, однако каких-либо принципиально новых положений мы в ней не находим. В свою новую статью С.А. Плетнёва добавила отрывки из былин и эпосов различных народов, в которых упомянуты женщины-воительницы. Тем не менее, в новой работе автор более чётко пишет о том, что чаще воинами становились молодые девушки и именно они сопровождались полным набором оружия [Плетнёва, 1998. С. 533]. Это, по мнению автора, подтверждает сведения письменных источников о том, что женщина переставала выполнять обязанности воина после замужества. Также внимания заслуживает ссылка С.А. Плетнёвой на то, что захоронения женщин-воинов были распространены на подобных или близких Дмитриевскому могильниках [Плетнёва, 1998. С. 533]. К сожалению, автор не привела конкретные примеры в связи с отсутствием «подробной обработки данных из раскопок этих памятников». Внимание автора было акцентировано на присутствии

женщин-воинов в составе войска населения салтово-маяцкой культуры и в последующих работах [Плетнёва, 1999. С. 42].

В силу того, что работы С.А. Плетнёвой носили обобщающий характер, освещению в них вопросов военного дела и рассмотрению отдельных предметов вооружения отводилось мало места. Однако накопление материала по вооружению населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – середины X вв. привело к необходимости отдельного и тщательного его изучения и, как следствие, к появлению специальных работ по данной теме.

Одной из первых таких работ стала статья А.В. Крыганова, посвящённая кистням населения салтово-маяцкой культуры [Крыганов, 1987]. Помимо принципов типологии, отличающихся от предложенных В.К. Михеевым, следует отметить выявленную автором в данной работе зависимость между материалом изготовления кистней и территорией их наибольшего распространения [Крыганов, 1987. С. 66].

Как было упомянуто выше, открытие и изучение кремационных могильников, оставленных частью населения салтово-маяцкой культуры, предоставило в руки исследователей новые данные, в том числе и по вооружению. При этом отличия в наборах оружия, находившихся в кремационных и ингумационных (катакомбные, ямные) погребениях салтово-маяцкой культуры были очевидны. И если для населения, оставившего катакомбные и ямные могильники, наборы оружия в той или иной степени уже были охарактеризованы, то применительно к кремациям такая работа была проделана А.В. Крыгановым, а её результаты были изложены в отдельной статье [Крыганов, 1989]. В ней автор попытался решить как частные вопросы, связанные с типологией обнаруженных предметов комплекса вооружения, так и более общие, касающиеся состава и внутренней иерархии войска населения, практиковавшего обряд трупосожжения [Крыганов, 1989. С. 98-104; 108-112].

Некоторое время спустя в печати появилась ещё одна работа данного автора, посвящённая военному делу населения салтово-маяцкой культуры, оставившего катакомбные погребения [Крыганов, 1993]. А.В. Крыганов использовал результаты раскопок нескольких катакомбных могильников, дав краткую характеристику и типологию не только отдельных видов оружия, но и других предметов, свойственных многим захоронениям воинов: детали поясной гарнитуры и конской упряжи. Помимо этого автором был проведён анализ воинских захоронений с целью определения состава войска [Крыганов, 1993. С. 58]. На более широкой источниковой базе были подтверждены выводы С.А. Плетнёвой о наиболее характерных для «алан» Подонья видах оружия, в частности, о боевых топориках, связав их появление в среде салтовского населения с территорией Северного Кавказа [Крыганов, 1993. С. 56]. Также в работе был подвержен критике тезис Н.Я. Мерперта о дружинном характере войска населения салтово-маяцкой культуры [Крыганов, 1993. С. 59-60]. Одним из выводов автора стал тезис о смешанном конном и пешем составе войска населения Подонья, оставившего катакомбные могильники [Крыганов, 1993. С. 58]. В целом, в работе А.В. Крыганова на новом уровне и с привлечением новых материалов было рассмотрено военное дело части населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв., практиковавшего катакомбный обряд погребения.

После энциклопедического труда М.И. Артамонова «История хазар», обобщившего данные письменных источников, в отечественной историографии долгое время отсутствовали обобщающие работы, посвящённые анализу письменных источников по истории Хазарского каганата. Лишь в 1990 г. в свет вышла монография А.П. Новосельцева, в которой автором рассмотрены сведения письменных источниках, как о внешней политике каганата, так и о его структуре власти, идеологии

[Новосельцев, 1990]. Отражение в работе нашли и сведения о войске хазар, содержащиеся в источниках.

В начале 90-х годов XX в. появились сразу две специальные работы, в которых была предпринята попытка выявить степень социальной стратификации войска населения салтово-маяцкой культуры [Афанасьев, 1993б; Плетнёва, 1993]. Следует сказать, что попытки выделения социальных групп воинов предпринимались и до этого, но в рамках обобщающих работ, здесь же мы сталкиваемся со специальным интересом авторов к данной проблеме. В своей работе С.А. Плетнёва выделила 18 «признаков богатства», проведя по ним сравнение погребений воинов Дмитриевского могильника. Определяющую роль при классификации мужских погребений играло оружие, детали поясного набора и конская упряжь. Помимо этого при определении социального статуса погребённого учитывались особенности погребального обряда и характеристики могильного сооружения. В результате, из общего числа захоронений воинов исследовательница вычленила три категории [Плетнёва, 1993. С. 162-164].

Г.Е. Афанасьев в своей работе в отличие от С.А. Плетнёвой основывался на материалах не одного памятника, а шести и для анализа данных использовал статистические методы: факторный, кластерный и дискриминантный. В качестве определяющих признаков, помимо всего прочего, автор выбрал предметы оружия (наконечники стрел, сабли, боевые топоры) [Афанасьев, 1993б. С. 133-134]. При этом остаётся не совсем ясным, по какому критерию отбирались эти предметы, и почему в их список не вошли остатки луков или кистени. В своей работе Г.Е. Афанасьев использовал данные о 130 катакомбных мужских погребениях, как с предметами вооружения, так и без них. Автору удалось выделить два кластера мужских погребений, каждый из которых распадался на два подкластера, а также исторически обосновать именно такое деление, ссылаясь на результаты изучения алано-осетинского общества [Афанасьев,

1993б. С. 148]. Следует отметить, что позднее Д.С. Коробов, исследуя социальную стратификацию кавказских алан, также пришёл к выводу о делении мужского населения на две группы, аналогичные выделенным Г.Е. Афанасьевым [Коробов, 2003. С. 287].

Более подробно взгляды Г.Е. Афанасьева на социальную структуру населения салтово-маяцкой культуры бассейна Среднего Дона изложены в его монографическом исследовании [Афанасьев, 1993а]. Помимо описанных выше выводов о социальной стратификации, автор на основе различий в погребальной обрядности, выделил три племенные группы, одна из которых оставила Верхнесалтовский и Ютановский могильники, вторая Дмитриевский и Нижнелубянский, третья катакомбные погребения на Маяцком селище [Афанасьев, 1993а. С. 92-93]. В целом, Г.Е. Афанасьев охарактеризовал население салтово-маяцкой культуры как находившееся на переходном этапе к раннеклассовой организации общества [Афанасьев, 1993а. С. 152-153].

Открытие на Нижнем Дону и его притоках подкурганых погребений, а затем выявление памятников данного круга в других регионах Восточной Европы, хотя и не относящихся к выделенным нами географическим рамкам исследования, стало импульсом для изучения конструкции луков населения степных и лесостепных пространств Восточной Европы хазарского времени. Это привело к появлению нескольких специальных работ по данной тематике [Измайлов, 1998а; Измайлов, 1998б; Круглов, 2004; Савин, Семёнов, 1989; Савин, Семёнов, 1990]. Несмотря на разногласия, касающиеся вопросов появления сложносоставных луков в Восточной Европе, исследователями были выявлены основные этапы развития луков данной конструкции на рассматриваемой территории, а также определены характерные черты «салтовских» луков, распространённых у населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. [Круглов, 2005]. Первая же работа, отдельно посвящённая анализу остатков сложносоставных луков из

погребений салтово-маяцкой культуры, вышла лишь в 2009 году, но в ней были рассмотрены только находки из захоронений биритуального Красногоровского могильника [Аксёнов, Михеев, 2009].

В 1999 году вышла ещё одна обобщающая работа С.А. Плетнёвой, в которой была изложена целостная картина культуры населения Хазарского каганата [Плетнёва, 1999]. Как неотъемлемая часть этой культуры своё отражение в работе получило и военное дело. Однако какой-либо новой информации о вооружении населения салтово-маяцкой культуры, по сравнению с отражённой в предыдущих своих работах, исследовательница в данной монографии не привела.

Следует отметить статью В.С. Аксёнова, посвящённую сравнению уровня вооружённости групп населения салтово-маяцкой культуры, оставивших Сухогомольшанский и Красногоровский могильники [Аксёнов, 1998]. В своей работе автор выделил группы воинов по набору оружия, а также сделал вывод о зависимости уровня вооружённости населения, оставившего Сухогомольшанский и Красногоровский могильники, от близости к зоне конфликтов [Аксёнов, 1998. С. 40, 50].

Ещё одна интересная работа, но уже полностью посвящённая военному делу населения Хазарского каганата, появилась в журнале, выходящем в электронном виде [Комар, Сухобоков, 2000]. В ней рассматриваются в сжатом виде все из известных видов оружия, использовавшихся населением салтово-маяцкой культуры. Также в работе затрагиваются вопросы состава войска, способы его формирования, фортификационные сооружения и их функциональное назначение. При рассмотрении кистеней подвергается критике классификация, предложенная А.В. Крыгановым, в его работе, посвящённой отдельно данному виду оружия. Помимо этого подвергается сомнению утверждение исследователей о повальной военизации населения салтово-маяцкой культуры, сделанное ими во многом на основе нахождения кистеней и другого оружия в женских захоронениях. Некоторые другие

выводы, сделанные авторами статьи, либо не достаточно аргументированы, как, например, вывод о широком использовании салтовцами щитов, либо достаточно умозрительны, как то, подсчёт численности войска, доступного хазарам, или же не касаются вооружения, например, этно-политические вопросы. Понятно, что весь спектр затронутых авторами проблем невозможно в полной мере осветить в рамках одной статьи, поэтому неудивительно, что сами авторы оговаривают «облегчённый» вариант своей работы, доступный не только специалистам, но и всем интересующимся.

Очень полезным с точки зрения получения новой информации о военном деле и составе войска населения салтово-маяцкой культуры является привлечение данных смежных наук. Здесь уместно упомянуть о работах А.П. Бужиловой, в которых приводятся данные о военном деле жителей Маяцкого и Дмитриевского поселений, полученные в результате анализа антропологического материала из могильников этих археологических комплексов. Так, например, в ходе исследования А.П. Бужиловой был установлен достаточно высокий процент черепных травм для населения Маяцкого и Дмитриевского поселений – 13,2% и 21,2% соответственно [Бужилова, 1995. С. 73]. Так же автор отметила характерность для мужчин Маяцкого поселения травм левого предплечья и правой голени, что косвенно указывает на присутствие у местного населения разных систем ведения боя. Таким образом, исследовательница сочла возможным предположить «военную» специализацию мужчин Маяцкого поселения [Бужилова, 2010. С. 862, 865]. Подобный вывод также на основе антропологических данных был сделан применительно к населению Хазарского каганата, оставившего подкурганые погребения с ровиками на Нижнем Дону [Батиева, 2002. С. 87].

Для первого десятилетия XX в. нельзя не отметить открытие и исследование в Доно-Донецкой лесостепи ямных могильников [Винников, Сарапулкин, 2008; Сарапулкин, 2006; Сарапулкин, 2009]. Как правило, в

ямных погребениях салтово-маяцкой культуры предметы вооружения находятся редко. Однако открытие и исследование новых погребальных комплексов, помимо всего прочего, пополнило источниковую базу по вооружению оставившего их населения.

В связи с этим следует сказать и о появлении ряда работ К.И. Красильникова, в которых характеризуется население «степного» варианта салтово-маяцкой культуры. Так автор затрагивает в своих работах вопрос этнической принадлежности населения степного Подонцовья, подчёркивая, что основу населения составляли праболгары, не исключая присутствия алано-славянского этноса и населения среднеазиатского массива [Красильников, 2009. С. 60, 64]. Интересным является наблюдение К.И. Красильникова о том, что в обществе праболгар археологически не прослеживается социальной прослойки, имеющей отношение в военному строю [Красильников, 2011. С. 153]. Исходя из этого, автор сделал предположение, что население степного Подонцовья, возможно, было лишено права иметь внутреннюю военную организацию, поэтому в среде праболгар не было военных контингентов и структур [Красильников, 2009. С. 79; Красильников, Красильникова, 2010. С. 171]. Основной функцией этого населения было исполнение повинностей в форме фуражной дани [Красильников, 2016. С. 121; Красильников, Курдюкова, 2016. С. 205]. Однако этот вывод касается лишь населения степи. Нахождение в лесостепи ямных погребений с предметами вооружения, автор объяснял переселением туда части праболгар по инициативе верховной власти Хазарского каганата для несения военных обязанностей [Красильников, 2012. С. 43].

Весомым вкладом в изучение населения Северо-Западной Хазарии стала работа А.А. Тортики [Тортика, 2006]. В ней автор, основываясь на данных археологических и письменных источников, рассмотрел место лесостепного Подонья-Придонецья в Восточной Европе эпохи раннего средневековья. В работе был затронут широкий спектр вопросов, связанных с

экономической и социальной жизнью населения северо-западных территорий Хазарского каганата, в частности, А.А. Тортика уделил внимание и военному делу. Так среди наблюдений автора заслуживает внимание тезис о военно-пограничной функции населения Доно-Донецкой лесостепи в качестве «своеобразного натурального налога» хазарскому правительству [Тортика, 2006. С. 206]. Однако такая ситуация, по мнению автора, могла быть характерна для раннего периода, тогда как к середине-концу IX в. на территории Северо-Западной Хазарии сформировалась относительно самостоятельная военно-племенная структура [Тортика, 2006. С. 224]. Интересны подсчёты воинского потенциала населения северо-западных территорий Хазарии – А.А. Тортика определял его в 5-15 тыс. воинов, однако достаточно большой разброс цифр говорит о достаточной субъективности данной оценки, на что указывает сам автор [Тортика, 2006. С. 141].

В 2012 году вышла статья украинских исследователей, посвящённая однолезвийному оружию с длинным клинком у кочевников VII-VIII вв. [Голубев, Голубева, 2012]. Достаточно нейтральное название «однолезвийное оружие с длинным клинком» объясняется, видимо, тем, что авторы рассматривают как палаши и сабли, так и переходные формы между ними. В данной статье предлагается алгоритм описания и измерения клинков, разработанный авторами. Также в работе даётся типология перекрестий раннесредневековых клинков. На основе различий в конструкции клинка, эфеса и перекрестия авторы приводят общую типологию однолезвийных кочевнических клинков VII-VIII вв. [Голубев, Голубева, 2012. Рис. 5]. Помимо этого в статье даётся хронология перекрестий клинков VII-VIII вв. и ряд интересных наблюдений, в частности: что искривление эфеса палаша было толчком к появлению сабли; что форма концов перекрестия отражала ранг и статус владельца клинка [Голубев, Голубева, 2012. С. 51-52].

В том же году вышло монографическое исследование А.В. Крыганова, в котором рассматривается военное дело кочевников Северного

Причерноморья в период с конца IV в. до начала XIII в. [Крыганов, 2012]. В своей работе автор подробно анализирует состав вооружения, приводя типологию для каждого вида оружия. Помимо оружия автором рассматриваются предметы амуниции воина и защитное снаряжение. Отдельное внимание А.В. Крыганов уделил изучению фортификации в пределах отдельных регионов исследуемой им территории. Также, учитывая данные письменных источников, автор рассмотрел стратегию и тактику ведения боевых действий кочевниками Северного Причерноморья в разное время. Ряд наблюдений А.В. Крыганова был изложен в предшествующих работах, рассмотренных нами, поэтому повторять их здесь не считаем нужным. На другие же следует обратить внимание. В частности, автор пишет в своей работе о дороговизне лука и его помещении в могилы знатных воинов [Крыганов, 2012. С. 48]. Также А.В. Крыганов пришёл к выводу, что топоры и кистени появляются и распространяются у кочевников Северного Причерноморья с середины – второй половины VIII в., что было связано, прежде всего, с салтово-маяцкой культурой [Крыганов, 2012. С. 69, 74]. Необходимо подчеркнуть сомнение автора в отношении интерпретации некоторыми исследователями остатков кольчужного плетения, найденных в погребениях салтово-маяцкой культуры, как частей кольчуг [Крыганов, 2012. С. 83]. В целом, нельзя не отметить широкие хронологические рамки исследования и широкий спектр вопросов по вооружению и военному делу населения юга Восточной Европы, в том числе салтовского времени (вторая половина VIII – начало X вв.), затронутый автором в своей работе [Крыганов, 2012].

В результате анализа рассмотренных работ следует отметить, что вначале изучения древностей салтово-маяцкой культуры наряду с археологическими источниками активно привлекались письменные, что отчасти можно объяснить нехваткой археологического материала, который скорее дополнял данные нарративных источников. Ярким примером тому

могут служить работы М.И. Артамонова. Исключение составляют публикации материалов раскопок, в частности, Маяцкого и Верхнесалтовского археологических комплексов.

По мере накопления материалов ситуация изменилась, что выразилось в появлении работы Н.Я. Мерперта [Мерперт, 1955], посвящённой рассмотрению оружия населения салтово-маяцкой культуры и основанной на археологических источниках. Однако автор базировался в основном на материалах раскопок Верхнесалтовского могильника.

Вследствие проведения целенаправленных разведочных работ, выявления новых памятников, исследования уже открытых, появился ряд обобщающих работ по салтово-маяцкой культуре, в которых получили освещение и вопросы, связанные с вооружением и военным делом. Сюда, например, можно отнести ряд рассмотренных выше работ С.А. Плетнёвой, И.И. Ляпушкина, В.К. Михеева. Чаще всего исследователи обращались к проблемам типологии предметов вооружения, их относительной хронологии, внутривойсковой организации и состава войска. При этом в разных работах данным проблемам уделялась различная степень внимания, в результате чего они оказались изучены неравномерно.

Только со второй половины 80-х гг. XX в. мы фиксируем проявление специального интереса к теме вооружения и военного дела населения салтово-маяцкой культуры. Появились работы, посвящённые как отдельным вопросам в изучении вооружения и военного дела или рассмотрению различных видов оружия, так и характеристике военного потенциала населения отдельных салтовских поселений.

В целом, можно сказать, что за более чем вековую историю изучения древностей салтово-маяцкой культуры был накоплен значительный материал по вооружению и военному делу носителей данной культуры. Однако начало его специального изучения (за исключением работы Н.Я. Мерперта) относится к достаточно позднему времени – 80-е гг. XX в.. Отчасти, именно

поэтому на сегодняшний день мы имеем неравномерную степень изученности различных предметов вооружения и недостаточную освещённость некоторых проблем в изучении военного дела населения Доно-Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв., например, социальной стратификации войска, состава войска, типологии и хронологии предметов вооружения. Привлечение новых источников позволит подойти к решению данных проблем.

Глава II: Типология и хронология предметов вооружения населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.

Предметы вооружения, обнаруженные на памятниках, оставленных населением Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв., относятся к оружию ближнего и дистанционного (дальнего) боя. Оружие ближнего боя включает в себя: клинковое оружие (сабли, меч, палаш, кинжалы) и относящиеся к нему предметы (скобы и наконечники от ножен, навершия рукоятей); топоры; наконечники копий; кистени. Дистанционное оружие включает в себя луки (костяные или роговые накладки от них), наконечники стрел и детали колчанов (скобы, петли, крюки).

§1. Оружие ближнего боя.

§1.1. Клинковое оружие.

Клинковое оружие является наиболее изученным видом оружия населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. К данному оружию относятся сабли, палаши, мечи и кинжалы. Из средств ведения боя именно клинковое оружие чаще всего привлекало внимание исследователей салтово-маяцкой культуры.

Наиболее характерным клинковым оружием для населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. была сабля. Однако многие исследователи применяют различные критерии для определения раннесредневековой сабли. Одной из причин этого могло быть постепенное развитие клинков по всей Евразии, следствием чего было появление очень близких форм палашей и сабель [Крыганов, 2012. С. 49]. В связи с этим в специальной литературе можно встретить «гибридные» названия, например, «сабля-палаш» [Рунич, 1977. С. 248]. Г.Ф. Корзухина использовала название «хазарская сабля», под которым понимала и прямые, и слабоизогнутые

клинки [Корзухина, 1950. С. 75]. Близкий вышеобозначенному термин применительно к ранней форме сабли употребляла Е.А. Халикова, а именно «хазарский тип» [Халикова, 1976. С. 172]. А.В. Комар и О.В. Сухобоков используют термин «салтовская сабля», отмечая, что под ним скрыт особый переходный тип клинкового оружия, объединяющий признаки палаша и сабли [Комар, Сухобоков, 2000].

Что касается отличительных признаков сабли, то А.В. Крыганов отмечал в качестве таковых наличие изогнутого клинка и наклона рукояти, однако последний признак встречался и у палашей [Крыганов, 2012. С. 49]. В.А. Могильников в качестве отличия раннесредневековой сабли от палаша называл наличие наклона рукояти [Могильников, 2002. С. 103]. Л. Ковач считал наклон рукояти второстепенным признаком [Ковач, 1980. С. 10]. А.М. Голубев и И.В. Голубева основным признаком сабли, отличающим её от палаша, считают кривизну лезвия [Голубев, Голубева, 2012. С. 48]. В тоже время Ю.С. Худяков рассматривая сабли, выделяет группу «прямые» без изгиба лезвия [Худяков, 1981. С. 118; Худяков, 1986. С. 154].

Как известно, особенностью сабли является режущий или секущий удар. То есть, чтобы идентифицировать тот или иной клинок как саблю, необходимо знать, можно ли нанести им секущий удар. Безусловно, к саблям относятся клинки, лезвие которых имеет изгиб, но как быть, например, с прямым клинком, рукоять которого имеет наклон в сторону лезвия? Ведь известно, что наклон рукояти к лезвию призван был усилить секущий удар сабли [Мерперт, 1955. С. 153]. Однако некоторые клинки с наклонённой к лезвию рукоятью не имеют изгиба полосы, тогда остаётся неясным функциональное назначение изгиба рукояти в сторону лезвия. Как нам кажется, решить вопрос отнесения некоторых прямых однолезвийных клинков к саблям можно лишь экспериментально, на что уже обращали внимание исследователи [Евглевский, Потёмкина, 2000. С. 118].

Напрямую от проблемы определения того или иного клинка как палаша или сабли зависят взгляды исследователей на вопросы, связанные с саблями, такие как место и время появления данного оружия в Восточной Европе. Что касается первого вопроса, то здесь можно выделить две точки зрения. По одной из них возникновение сабли нельзя связать с определённым местом или населением [Ковач, 1980. С. 11; Кочкаров, 2008. С. 22; Мерперт, 1951. С. 16]. Так, например, Н.Я. Мерперт полагал, что основой для сабли стал длинный кавалерийский сарматский меч, то есть сабля появилась в Восточной Европе, при этом автор не исключал Среднюю Азию в качестве территории возникновения и распространения сабли [Мерперт, 1955. С. 160]. Согласно второй точки зрения сабля была принесена в Европу кочевым населением с востока [Крыганов, 2012. С. 53; Магомедов, 1983. С. 77].

Что касается времени появления сабли в Восточной Европе, то исследователи называют VII-VIII вв., относя широкое распространение к несколько более позднему периоду [Комар, Сухобоков, 2000; Крыганов, 2012. С. 53].

К VII в. относится однолезвийный клинок из могилы всадника в верховьях р. Дон, у с. Арцыбашева, который «почти не имеет изгиба» [Монгайт, 1951. С. 124; Рис. 42]. Аналогия данному клинку известна также в погребении VII в., но уже на Нижнем Дону, у ст. Красюковской [Безуглов, 1985. Рис. 1, 1]. Обломки сабель находились и в составе инвентаря комплекса у с. Вознесенка, относимому к концу VII – началу VIII вв. [Гринченко, 1950. Табл. II, 13, 14]. Появление такого рода клинков в степи и лесостепи Восточной Европы в VII в., в свою очередь было связано с появлением здесь нового населения, связываемого с тюрками. Некоторые данные позволяют говорить о том, что в VII-VIII вв. наряду с однолезвийными клинками продолжали употребляться и двулезвийные, о чём свидетельствует инвентарь подкурганых захоронений с ровиками, в частности погребение из Ясиново, датированное первой половиной VIII в. [Иванов, 2002. С. 36; Айбабин, 1985.

Рис. 1, 4-7]. Заслуживает внимания тот факт, что и в эпоху позднего средневековья в восточно-европейских степях также продолжали сосуществовать меч и сабля [Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 24].

Аналогичная ситуация наблюдается в Предкавказье, где сабля была встречена в погребении Верхне-Чирюртовского могильника, датированном VII – началом VIII вв., то есть временем появления сабли в данном регионе [Магомедов, 1983. С. 75; Магомедов, 2008. С. 150; Каминский, Каминская-Цокур, 1997]. Если же говорить о возникновении сабли вне зависимости от времени её появления в Восточной Европе, то за наиболее вероятный период времени следует, видимо, признать первую половину VII в. [Аржанцева, 1987. С. 127; Горбунов, 2006. С. 28].

Представленная в данной работе выборка клинкового оружия состоит из 40 сабельных клинков² (рис. 2, 1-5, 7-14; 3, 1-18), 1 палаша (рис. 2, 6) и 1 меча (рис. 2, 15).

Что касается типологии сабель населения салтово-маяцкой культуры, то исследователи обращали внимание, прежде всего, на параметрические характеристики, такие как кривизна клинка и его длина, а также на форму перекрестия и рукояти. Так Н.Я. Мерперт салтовские сабли относил к одной группе слабоизогнутых короткоконечных, но на основе различий в оформлении перекрестий и наверший выделял отдельные типы [Мерперт, 1955. С. 134, 138]. В основе типологии клинков Северо-Западного Предкавказья, предложенной У.Ю. Кочкаровым и типологии позднекочевнических сабель, разработанной А.В. Евглевским и Т.М.

---

² На рис. 1; 2 изображено тридцать три клинка, так как пять экземпляров очень фрагментированы. Они происходят из следующих комплексов: культурный слой Сухогомольшанского могильника; Нетайловский могильник, погребение №482; погребение на территории Нетайловского поселения 2; погребения №264 и №282 могильника Красная Горка. Сведения о ещё четырёх саблях из катакомб Нижнелубянского могильника остались недоступны автору.

Потёмкиной, лежат такие признаки как длина и кривизна полосы клинка [Кочкаров, 2008. С. 23; Евглевский, Потёмкина, 2000. С. 120]. Однако У.Ю. Кочкаров указывает, например, что по длине клинка выделены «условно» три группы, но соответствуют ли они реально существовавшим группам сабель, было ли этих групп три или больше остаётся неизвестным. Так или иначе, изменения длины сабли и кривизны её клинка, доказанные на материале различных территорий, проходили медленно и применимы лишь в целом для рассмотрения эволюции формы сабли. Но не всегда можно сказать, что длинная сабля является поздней по отношению к короткой, о чём свидетельствует находка на Нетайловском могильнике [Крыганов, 2012. С. 54].

В целом, о схожести параметрических показателей раннесредневековых сабель говорит тот факт, что А.В. Крыганов отнёс сабли второй половины VIII – середины X вв. по степени кривизны лезвия и длине к одному варианту [Крыганов, 2012. С. 54]. В то же время неравномерность и скачкообразность процесса развития сабли была прослежена на материале поздних кочевников Восточной Европы [Евглевский, Потёмкина, 2000. С. 150]. Исходя из этого, нам представляется, что более изменчивым элементом сабли в типологическом и хронологическом отношениях по сравнению с кривизной и длиной лезвия являлось перекрестие.

Типы перекрестий выделены нами по общей форме и по форме окончаний. Всего выделено шесть типов, которые были объединены в три отдела. Основной источниковой базой стали сорок два клинка (40 сабель, 1 палаш, 1 меч), обнаруженные в погребениях второй половины VIII – начала X вв. на территории Доно-Донецкой лесостепи (рис. 2; 3). Перекрестия сохранились не на всех клинках, а именно в двадцати восьми случаях, и порой находились отдельно от них.

Отдел I. Перекрестия с утолщением в центре без выступающих окончаний (рис. 4, 1-3).

Тип 1. С ромбическим выступом в центре и расширениями на концах (рис. 4, 1).

Тип 2. С двумя треугольными выступами по центру (рис. 4, 2). Аналогия известна в памятниках новинковского типа [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 23, 1, 6]. Такое же перекрестие с двумя выступами на сабле из Больше-Тарханского могильника [Генинг, Халиков, 1964. Рис. 16, 1], а также в материалах дунайских болгар [Йотов, 2004. Табл. XXXV, 463]. В погребениях Северо-Западного Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XIV, 121, 122; Саханев, 1914. Табл. III, 6] и Кавказа [Кадиева, 2012. Рис. 102, 1].

Тип 3. С одним треугольным выступом по центру (рис. 4, 3). Перекрестия данной формы были выделены У.Ю. Кочкаровым в отдельный подтип, при рассмотрении материалов территории Северо-Западного Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XVI].

Отдел II. Перекрестия с плоскими окончаниями (рис. 4, 4, 5).

Тип 1. С окончаниями округлой формы (рис. 4, 4). Сабли с перекрестием, имеющем ромбовидное утолщение в центре и уплощённые округлые концы, на Больше-Тиганском могильнике конца VIII – начала IX вв. [Халикова, 1976. Рис. 4, 21; 5, 22]. В аланских древностях, в том числе относящихся ко второй половине V – первой половине VIII вв. [Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 126, 13; Рунич, 1977. Рис. 3, 28; Уварова, 1900. Рис. 90]. Аналогия в погребении могильника Мыдлань-Шай [Генинг, 1962. Табл. XIII, 5]. У венгерских сабель такие перекрестия являлись одними из наиболее распространённых [Ковач, 1980. С. 42-43].

Тип 2. С окончаниями в виде трилистника (рис. 4, 5). Перекрестия с ромбовидным утолщением в центре и плоскими лепестковидными концами встречены в погребениях могильников Дюрсо и Борисово [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 22; Саханев, 1914. Табл. III, 2].

Отдел III. Брусковидные перекрестия (рис. 4, 6, 7).

Тип 1. Прямоугольной формы (рис. 4, 6). Аналогия известна в раннесредневековых древностях населения Прикамья [Голдина, Кананин, 1989. Рис. 56, 36, 37].

Тип 2. С сужающимися концами (рис. 4, 7). Такие же перекрестия встречены в кремациях Северо-Западного Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XIV, 113]. Аналогии известны в мордовских древностях и материалах Южного Урала IX в. [Алихова, 1969. Рис. 2; Мажитов, 1977. Рис. 5, 1].

Наиболее распространёнными в среде исследуемого населения были перекрестия второго отдела. Несколько иной окажется картина, если посмотреть на встречаемость типов перекрестий в погребениях, совершённых по различным обрядам. Из таблицы видно, что в катакомбных погребениях чаще всего были встречены клинки с брусковидным перекрестием, в особенности прямоугольной формы (рис. 5). В свою очередь, в кремациях и связанных с ними поминальных комплексах наиболее часто были встречены перекрестия с плоскими окончаниями округлой формы. Немногим менее часто в кремациях находились перекрестия первого отдела. Всего у двух клинков из рассмотренной нами выборки, относящейся к ямным захоронениям, сохранились перекрестия и оба они относятся к перекрестиям с плоскими окончаниями округлой формы.

Исходя из этого, можно предположить существование различных традиций в изготовлении перекрестий, по меньшей мере, у носителей катакомбного и кремационного обрядов погребения.

При рассмотрении клинкового оружия внимания заслуживают детали ножен – скобы и наконечники, а также навершия рукоятей. Перечисленные предметы не всегда встречаются в комплексах с саблями. Тем не менее, мы располагаем материалами, позволяющими сделать некоторые наблюдения.

Навершия рукоятей находятся крайне редко. В исследуемой выборке погребений они представлены семью экземплярами. Среди них преобладают навершия грушевидной формы (рис. 6, 1-3). Встречаются также навершия

пятиугольной формы (рис. 6, 4) и прямоугольные с выступом и без (рис. 6, 5-7). Аналогии навершиям грушевидной формы распространены в древностях кавказских алан [Кузнецов, Рунич, 1974. Рис. 1, 1]. Подобные навершия, но с большей верхней частью известны на раннесредневековых саблях с территории Подунавья [V. Iotov, 2008. Fig. 1; 2].

Наконечники ножен служили для скрепления деревянных частей и повышения прочности нижней части ножен, контактировавшей с заострённым, часто с двух сторон, клинком. Среди рассмотренных нами остатков ножен в девяти случаях были встречены наконечники и их отдельные части. Чаще всего наконечник представлен согнутой металлической пластиной, шедшей по контуру окончания ножен (рис. 6, 8, 10, 13). В одном из случаев в нижней части наконечника располагалась цилиндрическая оковка (рис. 6, 9). Аналогия такому наконечнику известна в погребении могильника Мыдлань-Шай [Генинг, 1962. Табл. XIII, 6а]. Иногда такие оковки попадались отдельно от остальных пластин, поэтому остаётся неясным были ли они самостоятельными элементами или являлись частью рассмотренных выше наконечников в каждом конкретном случае (рис. 6, 12). Наконечники в виде цилиндров были распространены в раннее средневековье, например, в Поволжье [Генинг, Халиков, 1964. Рис. 16, 1] и на Кавказе [Саханев, 1914. Табл. IV, 21]. Другие наконечники имели L – образную форму, представляя собой тот же цилиндр с одной удлинённой по высоте стороной (рис. 6, 11).

Скобы от ножен встречаются в комплексах, как с саблями, так и без них, когда, видимо, в погребение помещались только ножны или сабля с ножнами с последующим извлечением клинка в ходе постпогребальных обрядов. Например, скобы от ножен были обнаружены в катакомбе №107 Маяцкого могильника, однако клинка в погребении не было [Флёров, 1993а. Рис. 53, 12]. Подобные случаи были отмечены в аланских катакомбах на Северном Кавказе [Рунич, 1970. С. 206].

В погребениях скобы чаще всего находятся в паре, но иногда и в единственном экземпляре, как например скоба из погребения №254 Красногоровского могильника (рис. 7, 7). Парные скобы, как правило, идентичны друг другу по форме, но есть исключения, например в погребении №252 Сухогомольшанского могильника в паре с пятиугольной скобой находилась П-образная скоба с округлым выступом и двумя выемками (рис. 7, 4). Среди рассмотренных скоб можно выделить полуовальные с шипами и без (рис. 7, 1, 5). Аналогии полуовальным скобам с шипами известны в аланских древностях [Уварова, 1900. Рис. 90; Кузнецов, Рунич, 1974. Рис. 1, 2; Хайнрих, 1995. Табл. XLV, 2], а также в материалах Южного Урала [Мажитов, 1977. Рис. 5, 3, 5]. Такие же скобы, но без шипов встречены на ножнах сабель из могильника Мыдлань-Шай [Генинг, 1962. Табл. XIII, 5] и Больше-Тарханского [Генинг, Халиков, 1964. Рис. 16, 1]. Выделяются пятиугольные скобы с прямыми и треугольными концами (рис. 7, 2, 7). Также арковидные трёхчастные (рис. 7, 3). Аналогичные скобы известны уже на ножнах аварских сабель второй половины VII в. [Гавритухин, 2001. Рис. 53, 1в,г; Комар, 2005. Рис. 38, 8]. П-образные скобы с округлым выступом (рис. 7, 6). Аналогия известна в материалах Борисовского могильника [Саханев, 1914. Табл. V, 19].

Можно отметить, что наиболее распространёнными в среде населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. были овалы и пятиугольные скобы. Практически все выделенные формы скоб встречены у носителей различных погребальных обрядов. Исключением являются П-образные скобы с округлым выступом, встреченные только в трупосождениях и связанных с ними поминальных комплексах, поэтому неслучайно, что ближайшая аналогия данным скобам была обнаружена в погребении Борисовского могильника.

В погребениях сабли и их остатки находились в комплексе с иным оружием: топоры, наконечники копий, кистени, предметы амуниции лучника

(накладки на лук, детали колчана, наконечники стрел), детали конской упряжи (сбруя, стремяна, удила, начельник). Данные о взаимовстречаемости клинкового оружия с вышеперечисленными предметами вооружения сведены в таблицу, при построении которой учтены данные о погребальном инвентаре тридцати двух захоронений, содержавших клинки, изображённые на рисунке (рис. 2; 3) (табл. 2). В таблицу не вошли данные о клинке из культурного слоя Кочетокского могильника.

В катакомбных погребениях клинки, если не считать ножи, чаще всего были найдены в комплексе с топорами, в кремационных и ямных погребениях – с наконечниками копий. Детали конской упряжи были встречены в двадцати пяти комплексах с клинковым оружием из тридцати восьми, учтённых нами в таблице. Иначе говоря, 66% клинков можно связать с всадниками. Однако, для погребений, совершённых по различным обрядам, процент взаимовстречаемости клинкового оружия и конской упряжи будет различным. Самым низким он является для катакомбных погребений – всего 29%. Для кремационных и ямных погребений этот показатель значительно выше – 94% и 75% соответственно. В связи с этим считаем возможным предположить использование клинкового оружия, в том числе и сабель, пешими воинами применительно к носителям катакомбного обряда погребения, о чём более подробно будет сказано в следующей главе.

Из данных, приведённых в таблице, также следует, что далеко не всегда клинковое оружие было встречено в погребениях с богатым инвентарём. В связи с этим делается сомнительным тезис о том, что сабли были характерны для воинов, занимавших высокое положение в обществе или воинской иерархии [Мерперт, 1955. С. 139]. Напротив, предполагается, что клинковое оружие, в частности сабля, было характерно и для рядовых воинов, что подтверждается наблюдениями над позднекочевническими саблями [Евглевский, Потёмкина, 2000. С. 153].

Местоположение клинков относительно погребённых можно определить лишь для ингумационных погребений. Достоверно удалось проследить в четырнадцати случаях. В семи случаях клинки с ножнами и без, располагались вдоль правой руки или бедра скелета, остриём к ступне (Дмитриевский могильник, кат. №109; Верхнесалтовский могильник, раскопки 1902 г., кат. №23; Верхнесалтовский IV могильник, кат. №99; Старосалтовский могильник, кат. №12; Нижнелубянский могильник, кат. №25, №29, №55). В семи случаях клинки размещались слева, также вдоль руки или бедра, остриём к ступне (Маяцкое селище, кат. №1 и кат. в яме №18; Дмитриевский могильник, кат. №5; Верхнесалтовский могильник, раскопки 1902 г., кат. №22; Красногоровский могильник, погр. №150; Ржевский могильник, погр. №11 и №12). Таким образом, какой-либо закономерности в размещении клинков относительно погребённого проследить не удалось. Можно лишь отметить, что в трёх ямных погребениях клинки располагались слева, однако это наблюдение не позволяет сделать определённых выводов из-за небольшой выборки.

Справа от погребённых сабля укладывалась в аланских памятниках Северного Кавказа [Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 150, 1], в погребениях новинковского типа [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 10, 1], в погребениях средневековой мордвы [Алихова, 1969. Табл. 50, 4]. Реже клинки помещались слева от погребённых [Алихова, 1969. Табл. 50, 1, 2,], однако на Больше-Тиганском могильнике положение клинков слева от погребённых было преобладающим [Халикова, 1976. С. 172]. Возможно, существовало как минимум две традиции положения клинков: справа и слева от погребённого. В первом случае клинок тяготел, видимо, к руке, которой чаще всего им пользовались. Положение слева отражало способ ношения клинка в ножнах – на поясе с левой стороны.

Иногда клинковое оружие помещалось в погребение преднамеренно деформированным. Но, если в кремациях все сабли согнуты, то в ямных

погребениях не встречено ни одного случая деформированной сабли. В катакомбных погребениях согнутые сабли встречаются, но крайне редко [Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 21, 8; Покровский, 1905. Табл. XX, 1]. Из территорий соседних с Доно-Донецким регионом согнутые клинки часто находятся в погребениях Северо-Западного Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XIV; XV], реже в древнерусских курганах IX-XI вв. [Корзухина, 1950. С. 64].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о кинжалах и боевых ножах. В погребениях, оставленных населением салтово-маяцкой культуры самой массовой находкой являются ножи. Вопрос об отнесении ножей к оружию до сих пор не решён и вряд ли стоит ожидать его окончательного решения, так как теоретически любые ножи могли быть использованы в бою. Ножи находят как в мужских, так и в женских погребениях. На этом основании В.С. Флёров считает ножи предметом ежедневного обихода [Флёров, 1993а. С. 24]. Этот же фактор, а именно большая распространённость ножей в мужских и женских захоронениях, позволила В.С. Флёрову сделать предположение о том, что ножи могли выполнять роль амулетов [Флёров, 1993а. С. 49], позднее некоторые исследователи также допустили, что ножи могли быть оберегами [Винников, Плетнёва, 1998. С. 202]. Напротив, М.Г. Магомедов, исследовавший памятники хазарского времени на территории Северо-Восточного Кавказа, ножи относит к оружию [Магомедов, 1983. С. 78]. Среди одиночных находок ножей встречались и такие, которые объединялись в обоймы. Однако относить такие ножи к боевым считаем не целесообразным, соглашаясь с мнением А.В. Крыганова, о том, что метательные ножи должны обладать специфическими свойствами, которые не присущи ножам салтово-маяцкой культуры [Крыганов, 2012. С. 57].

Не менее сложным является вопрос о принципах выделения кинжалов и боевых ножей из массы хозяйственных. Ряд авторов в качестве критерия

определения ножа как боевого называет длину его лезвия от 16 см. и больше [Аксёнов, 2014а. С. 15; Атавин, 1996. С. 210; Кирпичников, 1966а. С. 72; Кочкаров, 2008. С. 76; Магомедов, 1983. С. 78; Плетнёва, 1989. С. 91; Сланов, 2010. С. 66-67]. Однако отнесение больших или длинных ножей к боевым весьма умозрительно, так как такие ножи могли обладать специфическим функциональным назначением и использоваться в хозяйстве. Скептически к рассмотрению длинных ножей в качестве кинжалов относился А.В. Крыганов [Крыганов, 1989. С. 105]. Также У.Ю. Кочкаров считает не корректным учитывать размер клинка при его определении как кинжала, отдавая предпочтение признаку наличия перекрестия, необходимого для упора при сильном проникающем ударе [Кочкаров, 2010. С. 158].

Что касается непосредственно кинжалов, то в погребениях рассматриваемого населения было найдено два экземпляра и оба относятся к так называемым коленчатым кинжалам (рис. 8). Аналогии таким кинжалам известны как в аланских материалах [Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 129, 1], так и в древностях населения Северо-Западного Предкавказья, оставившего кремации [Кочкаров, 2008. Табл. XXXVIII, 1-5; Кочкаров, 2010. Рис. 2, 1-8]. Встречены такие кинжалы были в погребениях новинковского типа [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 23, 4, 4а], а также в Глодосах [Амброз, 1986. С. 61] и Шиловке [Комар, 2001. Рис. 3, 6]. Однако наибольшее распространение коленчатые кинжалы имели в древнетюркской среде, и их происхождение связывается с центрально-азиатским регионом [Кубарев, 2008. С. 71].

На представленных изображениях кинжалов видно, что оба они имеют разное сечение клинка: у экземпляра из Дмитриевского могильника клиновидное сечение (рис. 8, 1), у клинка из комплекса у с. Тополи пятиугольное (рис. 8, 2). Существование этих двух форм сечения лезвия характерно и для клинкового оружия, рассмотренного нами ранее (рис. 2; 3). Такие различия были отмечены на материале из аланских погребений

Северного Кавказа [Каминский, Каминская-Цокур, 1997. Рис. 2, 5, 6]. Возможно, что у клинков изначально было пятиугольное в сечении лезвие, однако в процессе заточки оно приобретало клиновидную форму.

Таким образом, население Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. использовало такое клинковое оружие как сабли, мечи и кинжалы. Вопрос о палашах остаётся открытым до тех пор пока не будут проведены эксперименты, доказывающие возможность или невозможность нанесения однолезвийными клинками с наклонённой в сторону лезвия рукоятью секущего удара. Без этого любое отнесение такого рода клинков к палашам или саблям будет не более чем личным мнением того или иного исследователя, имеющем умозрительный характер, в силу того, что отличия между саблями и палашом лежат в характере их удара, который нельзя определить лишь по внешней форме. В особенности это относится к раннесредневековым клинкам. Принимая общую схему эволюции клинков: меч-палаш-сабля мы обращаем внимание на важность выявления тех критериев, которые позволили палашу видоизмениться в саблю. И как представляется, это было не только искривление клинка.

Тем не менее, так как подавляющее большинство рассмотренных клинков имело изгиб, можно констатировать широкую распространённость в среде изучаемого населения именно сабли. Также можно сказать, что она была одинаково популярна среди носителей различных погребальных обрядов. Единичная находка меча в катакомбе Дмитриевского могильника, говорит о непопулярности двулезвийных клинков в среде населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. Кинжалы также были встречены редко. Видимо, функцию кинжалов как оружия ближнего, контактного боя заменяло другое оружие, например, топорик. В целом же, что касается клинкового оружия, то его набор аналогичен таковому у населения степей Восточной Европы предсалтовского периода второй половины VII – VIII вв., оставившего подкурганые захоронения, и

использовавшего как слабоизогнутые однолезвийные клинки, так и мечи, а также кинжалы.

§1.2. Топоры.

Наиболее распространённым из категории оружия ближнего боя у населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. был боевой топор.

Помимо боевых топоров среди рассмотренного нами материала встречены также топоры, относимые к рабочим. При отнесении того или иного топора к рабочему могут учитываться такие параметры как вес, общие размеры, размер обушного отверстия, форма обуха, наличие орнамента [Алешковский, 1960. С. 71; Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. С. 115; Кирпичников, 1966б. С. 28-29]. При определении функционального назначения топора, следует принимать во внимание и характер прочего погребального инвентаря [Ковач, 1989. С. 89; Крыганов, 2012. С. 66].

В то же время в литературе утвердился тезис об универсальных топорах, которые могли применяться как в хозяйстве, так и в бою. По нашему мнению, выделение категории универсальных топоров является весьма умозрительным, в силу того, что нет определённых признаков, по которым тот или иной топор можно было бы отнести к универсальным. При этом мы не отрицаем возможной полифункциональности топоров, в особенности тех, что были снабжены обухом с грибовидным расширением на конце. Однако относить такие топоры к универсальным не считаем верным, так как по нашему мнению, изначально они изготовлялись для применения в бою. Таким образом, в данной работе топоры по своему функциональному назначению подразделяются на боевые и рабочие.

В целом, что касается топоров салтово-маяцкой культуры, то существующие типологии учитывают стандартный набор признаков. С.А. Плетнёва, основываясь на материалах раскопок Дмитриевского могильника,

строила типологию топориков, отталкиваясь от таких признаков, как форма лезвия и форма обушка [Плетнёва, 1989. С. 74]. В.К. Михеев, специально рассматривая рабочие (хозяйственные) топоры, делил их на узколезвийные и широколезвийные [Михеев, 1985. С. 68-69]. А.В. Крыганов разделял топоры на типы по форме лезвия и подтипы по форме обуха [Крыганов, 1989. С. 103-104; Крыганов, 2012. С.66]. А.В. Комар и О.В. Сухобоков также разделяют топоры, использовавшиеся населением Хазарского каганата, на типы и подтипы по форме лезвия и обуха [Комар, Сухобоков, 2000]. Можно отметить, что исследователи, обращавшиеся к топорам салтово-маяцкой культуры, учитывали при построении типологии форму лезвия и обуха.

Следует обратить внимание также на типологии топоров, относящихся к культурам близким салтово-маяцкой в хронологическом и территориальном плане. При выделении типов древнерусских топоров А.Н. Кирпичников учитывал такие критерии как форма лезвия, особенности устройства обуха, а также форму щековиц [Кирпичников, 1966б. С. 29]. На материалах VIII-XIV вв. с территории Северо-Западного Предкавказья У.Ю. Кочкаров, помимо упомянутых выше формы лезвия и обуха, использовал при выделении типов топориков такой признак как «форма топора» [Кочкаров, 2008. С. 65]. Рассматривая мордовские боевые топоры-чеканы, С.В. Святкин основное внимание уделил форме обуха, однако учитывал и форму лезвия [Святкин, 1998. С. 261]. А.В. Липатов, также рассматривая мордовские топоры VIII-XI вв., главное внимание при типологии уделил форме лезвия, особенностям строения обуха и щековиц [Липатов, 2003. С. 314-315]. В работе, посвящённой оружию ближнего боя волжских болгар VIII-X вв., И.Л. Измайлов использует типологию топоров из Танкеевского могильника, учитывающую форму лезвия, форму обуха и общий вид бойка [Измайлов, 1989. С. 112]. Однако в последующей своей работе в типологии топориков автор выдвинул на первый план такой признак как форма обуха и щековиц, и только затем форму лезвия [Измайлов, 1993. С. 90]. При анализе топоров

венгров Л. Ковач также исходил из отличий этих топоров по форме лезвия и обуха [Ковач, 1980. С. 70]. А при изучении болгарских топоров VII-XI вв. в основу типологии был положен такой признак как вес, однако учитывались при этом форма лезвия, обуха и щековиц [Йотов, 2004. Табл. 16].

С учётом вышеназванных исследований, в качестве типобразующего признака при типологии топоров Доно-Донецкого междуречья второй половины VIII – начала X вв. была выбрана форма лезвия. Однако за отличиями в форме лезвия стоит факт наличия или отсутствия подпроушной выемки, за счёт которой и достигается специфическая форма лезвия. Согласно этому положению, в целях избегания путаницы в определении формы лезвия³, рассматриваемые топоры делятся на три отдела: отдел I – с лезвием без выемки; отдел II – с одной подпроушной выемкой; отдел III – с двумя подпроушными выемками. В тоже время лезвия топоров каждого отдела отличаются друг от друга второстепенными признаками: степенью оттянутости к топорищу, формой выемки и её расположением, формой внешнего края подпроушной части топора. Типы топоров выделены нами по форме окончания обуха: тип 1 – с расширением «грибовидной» или «пробковидной» формы; тип 2 – без расширения или обух уплощённой формы. Также выделены подтипы по признаку наличия наклона обуха к топорищу: подтип А – без наклона; подтип Б – с наклоном. Набор второстепенных признаков для обухов не менее обширный, чем для лезвия: сечение, форма площадки, расширение обуха от проушного отверстия, наличие орнаментации. Ещё одним признаком, присущим рассматриваемым топорам, являются щековицы. Среди учтённых в данной работе топоров чаще всего встречались топоры с округлыми парными щековицами разной

---

³ Например, С.А. Плетнёва выделяла топоры с треугольным лезвием, однако в правильности выбора именно такого определения сомневался А.В. Крыганов, называя форму лезвия тех же топоров трапециевидной.

степени выраженности, были встречены топоры только с внешней парой щековиц при отсутствии или крайне слабой выраженности внутренней пары, единичные топоры обладали двумя или одной парой подтреугольных щековиц. Учёт всех вышеперечисленных второстепенных признаков невозможен, по причине того, что он, в конце концов, привёл бы нас к ситуации, когда каждый топор представлял бы отдельную таксономическую единицу. Основные структурные компоненты топора представлены на рисунке (рис. 9).

Таким образом, рассмотренные нами топоры делятся на две группы по функциональному назначению – боевые и хозяйственные, на отделы по строению лезвия, на типы по форме обуха и подтипы по наличию наклона обуха к топористицу. Всего нами учтено 183 топора⁴: 142 из катакомбных погребений, 34 из кремаций и сопутствующих им поминальных комплексов, 7 из ямных погребений.

Группа боевых топоров (173 экз. – 95%).

Отдел I. Без подпроушной выемки (73 экз. – 42%⁵).

Тип 1. С молоточковидным обухом (11 экз. – 15%).

Подтип А. Без наклона обуха (3 экз. – 27%) (рис. 10, 1).

Подтип Б. С наклоном обуха к топористицу (8 экз. – 73%) (рис. 10, 2-5).

Аналогии в мордовских материалах [Алихова, 1969. Табл. 2, 11; Липатов, 2003. Рис. 1, 4; Святкин, 1998. Рис. 4, 2-5; Смирнов, 1952. Табл. XXXIX, 1]. Топоры данного подтипа известны в Прикамье, в частности, в погребениях Аверинского могильника [Голдина, Кананин, 1989. Рис. 58, 14]. Похожие топоры встречены в материалах с территории Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XXXII, 12-20; XXXIII, 21-23]. Также аналогии

---

⁴ Все найдены в погребальных или поминальных комплексах, за исключением одного, относящегося к подъёмному материалу с территории Кочетокского могильника.

⁵ Процентная доля группы указана от общего размера выборки, отдела от группы, типа от отдела, подтипа от типа.

находятся в древнерусском материале [Кирпичников, 1966б. Табл. XI, 3]. Подобные топоры были обнаружены в материалах с территории Поволжья [Генинг, Халиков, 1964. Рис. 21, 29; Измайлов, 1989. Рис. 2]. Помимо этого топоры данного подтипа известны в материалах дунайских болгар [Йотов, 2004. Табл. XLVIII, 563] и в древностях венгров [Ковач, 1980. Табл. 32, 1-6].

Среди топоров подтипа Б имеется экземпляр с обухом, украшенным горизонтальными рельефными линиями (рис. 10, 5). Известно, что наибольшее распространение такие топоры получили в среде мордовских племен, и считаются особой формой [Святкин, 1998. С. 262, Рис. 1; Липатов, 2003. Рис. 1, 3, 6; Воронина, 2007. Рис. 22, 1, 2].

Тип 2. С уплощённым обухом (59 экз. – 81%).

Подтип А. Без наклона обуха (17 экз. – 29%) (рис. 11, 1-5).

Аналогии известны в мордовских материалах [Липатов, 2003. Рис. 1, 1]. Многочисленные аналогии имеются также в материалах Северного Кавказа и Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XXXI, 5; Саханев, 1914. Табл. III, 16, 17; Уварова, 1900. Табл. LXVII, 5, 6]. Подобные топоры встречены в древнерусском материале [Кирпичников, 1966б. Табл. XI, 6]. Топор данного подтипа был найден в тюркском материале с территории Алтая [Худяков, 1986. Рис. 67, 9].

Подтип Б. С наклоном обуха к топорышу (42 экз. – 71%) (рис. 11, 6-9).

Аналогии находятся в материалах Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XXXI, 1, 3, 6]. Топоры данного подтипа известны в мордовских древностях [Липатов, 2003. Рис. 1, 2; Святкин, 1998. Рис. 2, 1-6; Смирнов, 1952. Табл. XXXIX, 2]. Также аналогии обнаружены в древнерусском материале, относимом к XI-XII вв. [Кирпичников, 1966б. Табл. XI, 1, 5]. Известны аналогии в погребениях салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону [Савченко, 1986. Рис. 7, 2]. Рассматриваемые топоры использовались дунайскими болгарскими [Йотов, 2004. Табл. L, 581] и венграми [Ковач, 1980. Табл. 34, 2, 3, 5].

Среди топоров данного подтипа имеется экземпляр, обух которого украшен циркульным орнаментом (рис. 11, 8). Что касается циркульного орнамента, то он был широко распространён в древностях салтово-маяцкой культуры, особенно на костяных изделиях, встречен и в материалах Маяцкого могильника [Флёрова, 1988. С. 91; Флёров, 1990а. Рис. 20: 7]. Позднее циркульный орнамент был распространён в лесостепном Поднепровье [Сергеева, 1998. С. 89]. Однако такого рода орнамент на металлических предметах комплекса вооружения встречается достаточно редко, например, на наконечниках копий. Топор с циркульным орнаментом на проушной части и лезвии известен среди подъёмного материала могильника Семигорье в Северо-Западном Предкавказье [Кочкаров, 2008. Табл. XXXI, 2].

К данному отделу относится также три топора (4%) с утраченным обухом, что затрудняет определение их типовой принадлежности.

Отдел II. С одной подпроушной выемкой (92 экз. – 53%).

Тип 1. С молоточковидным обухом (45 экз. – 49%).

Подтип А. Без наклона обуха (13 экз. – 29%) (рис. 12, 1-4).

Подтип Б. С наклоном обуха к топорищу (32 экз. – 71%) (рис. 12, 5-9).

Топоры данного подтипа встречены в материалах Предкавказья [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 13; Кочкаров, 2008. Табл. XXXIV, 27, 28, 31-34; Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 6, 8]. Аналогии известны в материалах древней мордвы [Липатов, 2003. Рис. 3, 1]. Также подобные топоры известны в материалах дунайских болгар [Йотов, 2004. Табл. XLVIII, 566, 567].

Тип 2. С уплощённым обухом (44 экз. – 48%).

Подтип А. Без наклона обуха (13 экз. – 30%) (рис. 13, 1-4).

Аналогии известны в материалах финно-угорских племён [Голдина, Кананин, 1989. Рис. 58, 12; Липатов, 2003. Рис. 2, 6] и могильника близ г. Стерлитамака [Ищерилов, 1952. Рис. 29, 2].

Подтип Б. С наклоном обуха к топорищу (31 экз. – 70%) (рис. 13, 5-8).

Аналогии известны в материалах Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XXXV, 35]. Также топоры данного подтипа найдены в мордовских древностях [Алихова, 1969. Табл. 18, 17; Липатов, 2003. Рис. 2, 5; Святкин, 1998. Рис. 2, 7; 4, 1]. Найдены рассматриваемые топоры в погребениях волжских болгар [Измайлов, 1989. Рис. 2] и в погребениях салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону [Савченко, 1986. Рис. 7, 1].

Три топора (3%) относящиеся к данному отделу находились в состоянии, не позволяющем определить их тип.

Отдел III. С двумя подпроушными выемками (6 экз. – 4%).

Тип 1. С молоточковидным обухом (4 экз. – 67%) (рис. 14, 1-4).

Принадлежность к данному типу трёх топоров может быть спорной (рис. 14, 1, 2, 4). По крайней мере, ранее они не относились и не фигурировали в качестве аналогий к «двубородчатым» топорам, причиной этому, видимо, была менее выраженная форма выемок данных топоров. Однако мы находим форму лезвия этих топоров соответствующей топорам данного отдела. Близкие аналогии известны в материалах с территории Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XXXVI, 45] и Поволжья [Старостин П.Н., Казаков Е.П., Габяшев Р.С., 1973. Рис. 2, 18].

Тип 2. С уплощённым обухом (2 экз. – 33%) (рис. 14, 5-6).

Топоры данного типа найдены на Золотарёвском поселении и в Пановском могильнике [Белорыбкин, 2003. Рис. 8, 1; Липатов, 2003. Рис. 3, 5]. Один из топоров известен в материалах Стерлитамакского могильника [Ахмеров, 1955. Табл. VI, 2]. Аналогии известны в северокавказских древностях [Дзаттиаты, Успенский, 2016. Рис. 5, 124; Уварова, 1900. Табл. LXXIV, 1]. Также похожие топоры обнаружены в древнерусском материале [Кирпичников, 1966б. Табл. XII, 5, 6]. Аналогии имеются в материалах дунайских болгар и древних венгров [Йотов, 2004. Табл. L, 582; Ковач, 1980. Табл. 30. 1-5].

В рассматриваемой выборке было встречено два молоточковидных обушка (1%), однако отсутствующее лезвие делает невозможным их отнесение к какому-либо определённом отделу.

Топоры, отнесённые к группе хозяйственных (10 экз. – 5%), делятся на два отдела без выделения типов, так как все топоры практически не имеют оттянутого обуха.

Отдел I. Без подпроушной выемки (8 экз. – 80%) (рис. 15, 1-4).

Аналогии топорам данного отдела находятся в мордовских материалах [Алихова, 1969. Табл. 16, 3; Белорыбкин, 2003. Рис. 4, 3; Липатов, 2003. Рис. 2, 3]. Также подобные топоры встречены в Танкеевском могильнике [Генинг, Халиков, 1964. Рис. 21, 30] и салтово-маяцких древностях степного Подонечья [Михеев, 1985. Рис. 17, 23; 24, 13-20].

Отдел II. С подпроушной выемкой (2 экз. – 20%) (рис. 15, 5, 6).

Аналогии известны в мордовских материалах [Липатов, 2003. Рис. 3, 2].

Размеры рассмотренных боевых и хозяйственных топоров варьируются по длинной оси от края обуха до края лезвия в пределах 12-31 см., по ширине лезвия от 2,5 см. до 7 см. Наибольшая ширина лезвия характерна, как правило, для топоров с выемками. Большинство топоров имеет длину 12-17 см., а ширину лезвия 2,5-3,5 см.

О положении топоров в погребении мы можем судить, опираясь в основном на результаты раскопок катакомбных могильников, отчасти ямных. Так в подавляющем большинстве случаев топоры помещались справа от погребённых: у головы, у плечевой кости, кисти, колена, ступней ног. Реже топоры были обнаружены слева от погребённого.

Среди рассмотренных боевых топоров большинство (92 экз./53%) относится ко второму отделу – с одной подпроушной выемкой. В качестве общих черт следует отметить преобладание во всех выделенных типах топоров с обухом, имеющим наклон к топорищу. Также удалось установить, что среди топоров первого отдела – без подпроушной выемки, большинство

(59 экз./81%) имело уплощённый обух. Таким образом, для топоров первого отдела – без подпроушной выемки, наметилась определённая корреляция между формой лезвия и наличием «грибовидного» расширения на конце обуха (табл. 3). Однако для топоров второго отдела – с одной подпроушной выемкой на лезвии, такая зависимость не прослеживается. Можно предположить, что в среде рассматриваемого населения существовала определённая устоявшаяся традиция изготовления топоров первого отдела.

Для проверки и уточнения данного положения была составлена таблица распределения типов боевых топоров, происходящих из комплексов, совершённых по различному погребальному обряду. При построении таблицы было учтено 165 топоров, оставшиеся шесть не были учтены из-за отсутствия типологической атрибуции, по причине утраченной обушной части. На основе данных таблицы составлены три диаграммы, по отделам рассмотренных нами боевых топоров (табл. 4).

Из данных диаграмм видно, что корреляция между отсутствием подпроушной выемки и уплощённым обухом характерна для топоров из катакомбных погребений. В кремационных погребениях количественное распределений топоров первого отдела – без подпроушной выемки, по типам примерно равно (табл. 4). Таким образом, мы можем говорить об определённой устоявшейся традиции изготовления топоров первого отдела только применительно к той части рассматриваемого населения, которая являлась носителем катакомбного обряда погребения. В связи с этим нельзя не упомянуть, что для территории Северо-Западного Предкавказья У.Ю. Кочкаров выделил особый «аланский» тип топоров [Кочкаров, 2008. С. 74].

Топоры второго отдела примерно поровну распределяются по типам и в катакомбных, и в кремационных погребениях. Исключением являются топоры второго отдела – с одной подпроушной выемкой из ямных погребений, относящиеся только ко второму типу – с уплощённым обухом, однако здесь следует учитывать малый размер выборки. Этот же фактор

следует учитывать при рассмотрении топоров третьего отдела – с двумя подпроушными выемками, среди которых преобладают топоры, относящиеся к первому типу – с молоточковидным обухом (табл. 4).

В тесной связи с выводом о существовании у части населения салтово-маяцкой культуры устоявшейся традиции изготовления топоров находится вопрос о генезисе данного оружия в среде рассматриваемой культуры.

Известно, что в предсалтовское время боевые топоры не были распространены на рассматриваемой территории и в соседних регионах. Так в Поволжье в погребениях новинковского типа VIII в. известен лишь один топор, и тот относимый к орудиям труда [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. С. 115; Рис. 24, 6]. У волжских болгар топор появляется в VIII в. [Измайлов, 1989. С. 111]. Известно, что в древностях ломоватовской культуры топоры с выемкой появляются в конце VIII-IX вв. [Голдина, 1985. Рис, 16]. Несколько раньше, примерно во второй половине VII в., топорик-чекан появляется в древнемордовских могильниках [Святкин, 1998. С. 260]. Редки топоры в древнетюркских комплексах на Алтае, где их появление относится к концу I тыс. н.э. [Худяков, 1986. С. 157-158].

Исходя из этого, мы склонны связывать распространение рассматриваемых топоров с переселением групп носителей катакомбного и кремационного обрядов погребения с территории Предкавказья в лесостепное Подонье, что подтверждают многочисленные аналогии рассмотренным топорам именно в материалах Северного Кавказа и Предкавказья. Подобной точки зрения придерживался Н.Я. Мерперт, утверждавший северокавказское происхождение топоров салтово-маяцкой культуры [Мерперт, 1951. С. 28].

Традиция изготовления топоров⁶ на Северном Кавказе корнями уходит в эпоху бронзы, с которой было связано и происхождение скифских топоров

---

⁶ Имеются ввиду топоры, сделанные из металла.

[Ллинська, 1961. С. 48; Мелюкова, 1964. С. 67; Табл. 21]. Действительно, в материалах поздней бронзы Северного Кавказа известны топоры-чеканы с одной и двумя выемками [Иессен, 1941. Табл. II, 2а; Иессен, 1951, Рис. 42, 2]. После скифов, в сарматское время, на юге Восточной Европы боевые топоры практически не употреблялись [Хазанов, 1971. С. 51]. Вновь топоры начинают распространяться на Северном Кавказе с VI в. и особенно широко в памятниках аланской культуры [Минаева, 1971. С. 147-148]. А.В. Крыганов считал возможным отводить главную роль в распространении топоров не аланам, а «аборигенному населению» Северного Кавказа, однако какому именно автор в своей работе не указал [Крыганов, 2012. С. 70-71]. Мы не исключаем, что аланы могли заимствовать топор у «аборигенного населения», однако широкое распространение данного вида оружия на Северном Кавказе склонны связывать именно с аланами.

В погребениях салтово-маяцкой культуры, расположенных в пределах Доно-Донецкой лесостепи, топоры были встречены в комплексе с другими вещами, в том числе предметами комплекса вооружения и деталями конской упряжи (табл. 5). При этом частота встречаемости топоров с указанными категориями предметов различается для погребений, оставленных носителями различных погребальных обрядов. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что из ста сорока двух учтённых нами топоров из катакомбных погребений, сто четырнадцать, то есть 80%, оказались в комплексах без предметов оружия или деталей конской упряжи. Для кремационных погребений этот показатель намного ниже: пять топоров из тридцати трёх⁷, иначе говоря, 15%. Выборка топоров из ямных погребений невелика, что является следствием в целом слабой распространённости данного типа оружия в среде населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшего ямный обряд погребения. Тем не менее, из семи топоров,

---

⁷ Топор из культурного слоя Кочетокского могильника не учтён при составлении таблицы.

обнаруженных в ямных погребениях, три находились в комплексах без оружия и деталей конской упряжи.

Высокий процент находок топоров в катакомбных погребениях без иных предметов вооружения, как нам кажется, не свидетельствует о применении таких топоров в качестве рабочих. Основным аргументом в пользу этого выступает аналогичность форм и размеров топоров в погребениях с оружием и без него. Причина же такого дисбаланса между количеством топоров в комплексах с оружием и без него для катакомбных погребений кроется, видимо, в особенностях организации войска населения, оставившего эти погребения, подробнее об этих особенностях будет сказано в следующей главе.

Нельзя не отметить разную степень встречаемости топоров в погребениях различных катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры. На Дмитриевском могильнике топоры оказались в пятидесяти восьми катакомбах (31%) из ста восьмидесяти шести погребений⁸, исследованных в ходе раскопок под руководством С.А. Плетнёвой и В.А. Сарапулкина, то есть практически в каждой третьей катакомбе. Хотя в работе С.А. Плетнёвой указано, что топоры находились почти в каждой второй катакомбе, но такой показатель соответствует отношению исследованных катакомб и общего количества топоров, без учёта случаев находок нескольких топоров в одном погребении, что искажает их общее соотношение. На Ютановском могильнике из двадцати трёх катакомб в четырнадцать были найдены топоры (61%). Из учтённых нами пятидесяти трёх погребений⁹ Нижнелубянского могильника в двадцати семи были обнаружены топоры (51%). На Старосалтовском могильнике из двадцати

---

⁸ Не учтена катакомба №187, у которой был исследован лишь дромос, а камера не была раскопана.

⁹ Материал оставшихся восьми погребений остался недоступен автору.

одной раскопанной катакомбы, топор был встречен в десяти (50%). В то же время, за пять полевых сезонов 1908-1912 гг. В.А. Бабенко вскрыл на Верхнесалтовском могильнике сто четырнадцать катакомб и лишь в одиннадцати (10%) из них были найдены топоры, иначе говоря, почти в каждой десятой. На Рубежанском могильнике топоры были найдены в четырёх (22%) катакомбах из восемнадцати. Ещё реже топоры встречены на Маяцком могильнике, где из ста пятидесяти одной катакомбы, только в двух были найдены топоры. В то же время топоры были найдены почти в каждой третьей катакомбе на территории Маяцкого селища. Разница в частоте находок топоров в погребениях перечисленных могильников очевидна, но чем она обусловлена? Из списка причин следует, видимо, исключить различия в степени вооружённости населения, оставившего могильники. Так при относительной редкости находок топоров, в погребениях Верхнесалтовского могильника были встречены сабли, что указывает на военизированность населения его оставившего.

Как нам кажется, различия были обусловлены комплексом причин, но прежде всего особенностями постпогребальных обрядов и организацией войска. Перечисленные выше причины и их комплексный характер, можно объяснить различной племенной принадлежностью населения, оставившего рассматриваемые могильники. На неоднородность «аланского» компонента салтово-маяцкой культуры лесостепи в одной из своих работ указывает Г.Е. Афанасьев [Афанасьев, 1993а. С. 92]. Видимо, аланы, переселившиеся в лесостепное Подонье в середине VIII в., сохранили племенные различия, существовавшие у них ещё на Кавказе [Коробов, 1998. С. 52-54].

Определённый интерес представляет вопрос, связанный с применением топора всадниками. На основе изучения древнерусского материала А.Н. Кирпичников пришёл к заключению, что хотя топор и являлся «традиционным оружием пехоты», он продолжал применяться конными воинами во время затяжного боя, в особенности это касалось лёгких боевых

топоров-чеканов [Кирпичников, 1966б. С. 45]. Напротив, известно, что в мордовских могильниках топоры-чеканы лишь два раза были встречены с предметами конского снаряжения [Святкин, 1998. С. 263]. Видимо, на применение топоров конными воинами влияли определённые традиции в военном деле, отличные для различных в культурно-историческом плане групп населения.

Для проверки данного предположения был проанализирован состав инвентаря из погребений с топорами на предмет наличия деталей конской упряжи (сбруя, стремяна, удила). Данные о погребениях, совершённых по различным обрядам, и содержащих топоры, сведены в таблицу (табл. 5).

Из таблицы видно, что детали конской упряжи были обнаружены в четырнадцати катакомбных погребениях. Следовательно, мы можем говорить о том, что в четырнадцати катакомбах с топорами находился инвентарь, связанный с захоронениями всадников, иначе говоря, в 11% от общего количества учтённых катакомбных погребений. В кремационных погребениях и связанных с ними поминальных комплексах топоры вместе с всадническим инвентарём были обнаружены в двадцати случаях, однако это составило 74% от общего количества учтённых топоров из памятников данного типа. В четырёх из семи ямных захоронений топоры находились в комплексе с деталями упряжи, однако объём выборки делает нецелесообразным сравнение доли этих погребений с описанными выше.

Приведённые данные позволяют говорить об использовании боевых топоров конными воинами, применительно к населению рассматриваемого региона, в указанный хронологический период. Наиболее ярко это проявляется на примере кремационных погребений, однако топор как оружие всадника использовался и населением, оставившем катакомбные погребения.

В ходе изучения топоров населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. удалось прийти к определённым выводам: во-первых, топоры были характерны, прежде всего, для носителей

катакомбного обряда погребения; во-вторых, было установлено, что степень распространённости топоров в различных катакомбных могильниках является неодинаковой; в-третьих, из рассмотренных боевых топоров был выделен тип, характеризующий определённую традицию в изготовлении данного вида оружия, существовавшую в среде населения, оставившего катакомбные могильники и связываемого с аланами; в-четвёртых, наиболее распространёнными в погребениях салтово-маяцкой культуры рассматриваемого региона оказались топоры с одной подпроушной выемкой.

Сопоставление изученной выборки топоров с ближайшими аналогиями позволяет предполагать, что изменение формы топоров во времени касалось обушной части: от топоров с уплощённым обухом без расширения на конце, к топорам с обушками, имеющими «грибовидное» или «пробковидное» окончание. Однако данный вывод нуждается в проверке. Подробное рассмотрение хронологии топоров салтово-маяцкой культуры приведено в следующем параграфе.

Анализ сопроводительного инвентаря в погребениях с топорами позволил сделать вывод о том, что топор в среде рассматриваемого населения использовался также конными воинами.

Что касается рабочих топоров, то они составляют малую долю от общей выборки. Возможно, малая распространённость рабочих топоров в среде рассматриваемого населения, была вызвана тем, что многие функции топора выполняли тесла-мотыжки, широко распространённые в древностях салтово-маяцкой культуры.

§1.3. Наконечники копий.

В состав вооружения населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. входило древковое оружие, представленное копьями.

В целом, следует отметить, что не многие исследователи в своих работах обращались к изучению наконечников копий салтово-маяцкой культуры. На наш взгляд, можно выделить три работы, в которых более-менее подробно были освещены вопросы хронологии, типологии и бытования копий в среде салтовского населения лесостепи [Крыганов, 1989. С. 101-103; Комар, Сухобоков, 2000; Аксёнов, Михеев, 2006. С. 110-112]. При этом в двух из них использовался материал, ограниченный одним памятником или серией погребений, совершённых по одному обряду [Аксёнов, Михеев, 2006. С. 110-112; Крыганов, 1989. С. 101-103]. А статья А.В. Комара и О.В. Сухобокова по определению самих авторов была подготовлена в «облегчённом» варианте, доступном не только специалистам-археологам, но и широкому кругу заинтересованных лиц, то есть статья носит научно-популярный характер [Комар, Сухобоков, 2000]. Это усиливает необходимость обращения к изучению копий, как составной части боевого набора, характерного для населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.

В нашем распоряжении находится пятьдесят девять наконечников копий, происходящих из погребений салтово-маяцкой культуры, расположенных в лесостепи и совершённых по различному обряду. Исследователи, касавшиеся в своих работах вопроса типологии наконечников копий салтово-маяцкой культуры, в качестве типобразующих признаков выбирали форму лезвия копья и его сечения [Плетнёва, 1967. С. 160; Крыганов, 1989. С. 101; Комар, Сухобоков, 2000; Аксёнов, Михеев, 2006. С. 110].

Необходимо также учитывать опыт исследователей, обращавшихся к типологии наконечников копий, близких рассматриваемым в данной работе в хронологическом, территориальном и культурно-историческом планах. Так Г.А. Фёдоров-Давыдов, рассматривая наконечники копий кочевников Восточной Европы X-XIV вв., в качестве первичного признака для

составления их типологии использовал форму пера [Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 24]. А.Н. Кирпичников изучая древнерусские наконечники копий IX-XIII вв. помимо формы лезвия учитывал ширину пера, способ крепления, а также соотношение длины лезвия и втулки [Кирпичников, 1966б. С. 6]. А.В. Циркин на мордовском материале, относящемся к I тыс. н.э., при типологии наконечников копий учитывал форму пера, сечение пера, особенности втулки и функциональную разновидность наконечников [Циркин, 1984. С. 124]. Ю.С. Худяков при анализе и типологии наконечников копий древних тюрок обращался к сечению и форме пера [Худяков, 1986. С. 156-157]. И.Л. Измайлов, рассматривая оружие ближнего боя волжских болгар VIII-X вв. при типологии наконечники копий использовал такие признаки как сечение и форму пера, а обращаясь к аналогичному материалу X-XIII вв. учитывал уже и характер насада, а также особенности сечения и строения пера [Измайлов, 1989. С. 112; Измайлов, 1993. С. 77]. В. Йотов, рассматривая наконечники копий болгар VII-XI вв., в своей работе обращает внимание на сечение пера, форму острия и «низа», форму втулки [Йотов, 2004. С. Табл. 11]. У.Ю. Кочкаров в основу выделения типов наконечников копий территории Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. положил соотношение общей длины наконечника к длине его пера [Кочкаров, 2008. С. 46].

Таким образом, мы можем отметить, что большинство исследователей для составления типологии наконечников копий, использовали, прежде всего, форму и сечение лезвия, при необходимости учитывая и другие признаки.

В своей работе при типологии наконечников копий населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. мы предлагаем в качестве первичного признака использовать сечение лезвия, учитывая при этом форму лезвия и характер перехода от втулки к перу. С нашей точки зрения, именно изменение формы сечения пера отражало перемены,

происходившие в военном деле населения Доно-Донецкого междуречья в рассматриваемый период.

Забегаая вперёд, следует отметить, что все рассмотренные в данной работе наконечники копий втульчатые (за исключением наконечника из погребения №482 Нетайловского могильника, атрибуция которого затруднительна из-за отсутствующего насада), поэтому такой признак как характер насада нами не был учтён. Таким образом, среди рассматриваемых наконечников копий были выделены отделы по сечению лезвия, типы по форме лезвия и подтипы по особенностям строения наконечника. Основные структурные части наконечника копья указаны на рисунке (рис. 16).

Отдел I. С ромбическим сечением лезвия (44 экз. – 75%).

Тип 1. С удлинённо-конической формой лезвия или пиковидные наконечники (34 экз. – 77%).

Подтип А. С уступами-плечиками на месте перехода втулки в лезвие.

К данному подтипу относятся двадцать экземпляров (59%) (рис. 17, 1-20). Подобные наконечники были достаточно широко распространены в Восточной Европе. Они представлены в материалах с территории Самарской Луки [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 1-3, С. 164], а также в материалах волжских болгар. [Измайлов, 1989. Рис. 3; Измайлов, 1993. Рис. 2, 2-4; 3, 4-7]. Аналогии можно найти среди древнерусских наконечников [Кирпичников, 1966б. Табл. IX, 9-11, 13]. Также данный подтип встречается в финно-угорских материалах [Алихова, 1969. Табл. 20, 11; Генинг, 1962. Табл. XII, 5; Циркин, 1972. Рис. 2, 9а; Циркин, 1984. Рис. 2, 6]. Аналогии содержатся в Елыкаевском кладе [Могильников, 1968. Рис. 1, 14]. В ранней группе погребений могильника Казазово [Тарабанов, 1983. Рис. 1, 4] и в могильниках Северо-Западного Предкавказья эпохи раннего средневековья [Кочкаров, 2008. Табл. XXVIII, 58-65, 67, 68].

Внутри данного подтипа четыре наконечника выделяются от остальных оформлением лезвия, однако в меньшей степени они отличаются и друг от

друга (рис. 17, 11-14). Этот факт не позволяет отнести их к отдельному подтипу. Наконечники из погребений №101 и №254 Красногоровского могильника аналогичны наконечнику из погребения №15 могильника Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 1] и погребения №52 могильника Мыдлань-Шай [Генинг, 1962. Табл. XII, 7]. Наконечник из комплекса XVI Сухогомольшанского могильника также имеет практически полные аналогии из погребений №26 и №31 могильника Дюрсо [Кочкаров, 2008. Табл. XXV, 34; XXIX, 74]. То же относится к наконечнику из погребения №1 могильника Лысый Горб, однако у него отсутствуют желобки вдоль лезвия.

Подтип Б. Без плечиков, с плавным переходом от втулки к лезвию.

Данный подтип представлен одиннадцатью наконечниками (32%) (рис. 18, 1-11). Аналогии находятся в материалах волжских болгар X-XIII вв. [Измайлов, 1993. Рис. 2, 5]. Похожие экземпляры известны в древнерусском материале [Кирпичников, 1966б. Табл. IV, 11, 13; VII, 3; XXI, 7]. Аналогичные наконечники находятся в материалах мордвы [Алихова, 1969. Табл. 9, 10; Циркин, 1984. Рис. 2, 3, 5]. Также данный подтип обнаружен в средневековом материале территории Верхней Камы [Голдина, Кананин, 1989. Рис. 57, 4]. Встречены подобные наконечники в погребениях Верхнего Чир-юрта [Магомедов, 1983. Рис. 22, 10]. К более позднему времени относится находка наконечника в кургане 4 курганной группы Гилево VII [Могильников, 2001. Рис. 46, 10].

Подтип В. С резким переходом от втулки к лезвию.

К данному подтипу относятся три наконечника (9%) (рис. 18, 12-14). Ближайшая аналогия происходит с территории юго-восточного Крыма [Майко, Гаврилов, Гукин, 2008. Рис. 2, 3]. Аналогии известны в древнерусском материале [Кирпичников, 1966б. Табл. IV, 3; VII, 12]. Похожие экземпляры находятся в материалах, относящихся к древностям мордвы [Алихова, 1969. Табл. 24, 5; 25, 3; Воронина, 2007. Рис. 54,2; Циркин, 1984. Рис. 2, 1, 2; С. 130]. С территории Абхазии происходит несколько

отдалённых аналогий [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 2, 20, 27]. Точная аналогия происходит из погребения №106 могильника Казазово [Тарабанов, 1983. Рис. 1, 3], а также из погребений могильников Дюрсо [Кочкаров, 2008. Табл. XXVI, 43, 45, 48, 49] и Молдавановка [Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 6, 6, 12]. Подобный наконечник найден в кургане 1 могильника Ближние Елбаны VIII [Худяков, 1981. Рис. 2, 3].

Тип 2. С ромбовидной формой лезвия (2 экз. – 5%).

Тип представлен двумя экземплярами (рис. 18, 15, 16). Аналогии находятся в древнерусском материале [Кирпичников, 1966б. Табл. VII, 5-7; VIII, 1-4]. Сходные наконечники встречены в раннесредневековых древностях мордвы, в частности, в материалах из погребений Крюковско-Кужновского [Смирнов, 1952. Табл. XXXV, 3] и Аверинского могильников [Голдина, Кананин, 1989. Рис. 57, 2]. Точная аналогия наконечнику из погребения №233 Сухогомольшанского могильника происходит из Быстрого Истока [Худяков, 1981. Рис. 2, 2; С. 119].

Тип 3. С пламевидной формой лезвия (2 экз. – 5%).

Тип представлен двумя наконечниками (рис. 18, 17, 18). Аналогия известна с территории Абхазии [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 2, 33]. Один похожий наконечник был обнаружен в погребении Крюковско-Кужновского могильника [Смирнов, 1952. Табл. XXXVIII, 11].

Степень сохранности шести наконечников (13%), отнесённых к первому отделу, не позволяет достоверно определить их тип и подтип (рис. 18, 19-24).

Отдел II. С двухлопастным в сечении лезвием (9 экз. – 15%).

Тип 1. С листовидным лезвием (6 экз. – 67%).

Представлен шестью экземплярами (рис. 19, 1-6). Аналогия известна в подъёмном материале могильника Молдавановка [Кочкаров, 2008. Табл. XXIII, 16].

Тип 2. С лезвием пламевидной формы (3 экз. – 33%).

Тип представлен тремя наконечниками (рис. 19, 7-9). Практически полная аналогия найдена в погребении №2 Молдавановки [Кочкаров, 2008. Табл. XXIII, 15]. Также аналогии с более короткой двухлопастной частью известны в материалах IV-VII вв. с территории Абхазии [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 2, 8, 34]. Одна отдалённая аналогия с более чёткими изгибами лезвия находится в мордовском материале [Алихова, 1969. Табл. 21, 9; Циркин, 1984. С. 130].

Наконечники второго отдела могут быть разделены по признаку наличия или отсутствия отверстий в лопастях. Однако наличие отверстий носило, вероятно, какое-то функциональное значение, которое могло возникнуть в любое время, в любой историко-культурной среде. Поэтому использование данного признака для типологических построений считаем не уместным. Например, существование подобных наконечников с отверстиями у основания лезвия установлено и для предскифской эпохи [Мелюкова, 1964. С. 12].

Отдел III. С линзовидным в сечении лезвием (4 экз. – 7%).

Тип 1. С ланцетовидной формой лезвия (2 экз. – 50%).

В исследуемой выборке представлен двумя наконечниками (рис. 19, 10, 11). Наконечники близкой формы известны в материалах древних тюрок [Худяков, 1986. Рис. 67, 6], а также с территории Правобережного Цимлянского городища [Плетнёва, 1967. Рис. 43, 6]. Два наконечника происходят с территории северо-западных предгорий Алтая [Могильников, 2001. Рис. 18, 6; 213, 1]. Аналогия известна в древностях мордвы [Алихова, 1969. Табл. 25, 7].

Тип 2. С остролистной формой лезвия (2 экз. – 50%).

Данный тип представлен двумя экземплярами (рис. 19, 12, 13). Втулка наконечника из погребения №1 Ржевского могильника не полностью сомкнута в верхней части, тогда как у большинства остальных наконечников несомкнутой была нижняя часть втулки. Аналогии мы находим в материалах

Правобережного Цимлянского городища [Плетнёва, 1967. Рис. 43, 5]. Два схожих экземпляра обнаружены в древностях волжских болгар [Измайлов, 1989. С. 112; Рис. 3, С. 121; Измайлов, 1993. Рис. 4, 6, С. 87].

Отдел IV. С овальным в сечении лезвием (2 экз. – 3%).

Отдел представлен двумя экземплярами (рис. 19, 14, 15). Достаточно ранняя аналогия происходит из Колосковского клада [Ляпушкин, 1961. Рис. 87]. Также подобные наконечники входили в состав Елыкаевского клада [Могильников, 1968. Рис. 1, 12, 13]. Ближайшую аналогию наконечнику данного отдела мы находим в степных древностях салтово-маяцкой культуры, происходящих из слоя Правобережного Цимлянского городища [Плетнёва, 1967. Рис. 43, 4]. Известны такие наконечники и в степях Алтая [Худяков, 1981. Рис. 2, 1, 4]. Также отдельная находка относится к древнетюркскому материалу [Худяков, 1986. Рис. 67, 5]. Есть аналогии в трупосожжениях Северо-Западного Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XXIII, 20].

Рассмотренные наконечники копий отличались друг от друга оформлением края втулки: с валиком и без него. А также по расположению отверстия для крепления наконечника к древку: отверстие у края втулки и отверстие на небольшом выступе втулки, при этом форма выступов была различной. Указанные различия не были использованы нами при типологии наконечников в силу того, что более чем у трети рассмотренных наконечников повреждён край втулки, так что расположение отверстия проследить не удаётся. Однако следует отметить, что втулка почти половины наконечников (27 экземпляров) из рассматриваемой выборки была снабжена валиком.

Положение наконечников копий целесообразно определять только для ямных погребений. При кремации на стороне, характерной для практиковавшей обряд трупосожжения части населения салтово-маяцкой культуры, древко копий (если было) сгорало в погребальном костре, а

наконечники с остальными предметами собирались и погребались вместе с золой. В нескольких ямных погребениях удалось зафиксировать положение наконечников. В погребениях №20 и №31 Ржевского могильника справа у виска погребённого, остриём вверх, также в погребениях №150 и №293 Красногоровского могильника. Наконечник у левого виска погребённого, остриём вверх, располагался в погребении №25 Ржевского могильника и №377 Нетайловского могильника. У левой голени, остриём вниз наконечники располагались в погребении №37 Ржевского могильника, №342 Нетайловского могильника. В погребении №150 Красногоровского могильника, где было найдено два наконечника копья, одно лежало справа у верхней части гроба, остриём вверх. В перечисленных случаях предполагается положение в погребение целого копья вместе с древком. Напротив, для погребений №437, №491, №522, №525 Нетайловского могильника, в которых наконечники находились сбоку в районе тазовых костей, справедливо предположить помещение копья со сломанным древком. В двух случаях, погребение №39 Ржевского могильника и №466 Нетайловского могильника, наконечники и вовсе могли помещаться в погребение без древка или их первоначальное положение было нарушено, так как первый из них находился над головой погребённого, а второй в районе пояса, перпендикулярно костяку.

Таким образом, в среде рассматриваемого населения существовало, по крайней мере, две традиции положения копья в погребение: с древком и без него. Сходные наблюдения можно сделать на материалах захоронений кочевников Северного Прикаспия [Круглов, 2001. Рис. 8, 15; 14, 1], древней мордвы [Алихова, 1969. Табл. 49, 1], волжских болгар [Измайлов, 1989. С. 112].

В погребениях наконечники копий находились вместе с различными вещами, в том числе с оружием, в отличие от более позднего времени. Так,

например, у $\frac{3}{4}$ древнерусских воинов, погребённых в XI-XII вв. с копьями, последнее являлось единственным оружием [Кирпичников, 1966б. С. 19].

Из пятидесяти девяти учтённых нами наконечников копий не все могли быть использованы для построения таблицы с целью выделения боевых наборов, в состав которых входили копьё. Так четыре наконечника представляют собой подъёмный материал с территории Сухогомольшанского, Кочетокского и могильника Кицевка (рис. 18, 11, 18, 21, 22), один наконечник из дромоса не до конца исследованной катакомбы Дмитриевского могильника (рис. 18, 9). Таким образом, при построении таблицы было учтено пятьдесят четыре наконечника: тридцать из погребений и поминальных комплексов, населения, практиковавшего трупосожжение; двадцать четыре из ямных погребений (табл. 6).

Из таблицы видно, что в комплексах, оставленных населением салтовомаяцкой культуры рассматриваемого региона, наконечники копий находились с другим оружием и деталями конского снаряжения (табл. 6). Однако в некоторых погребениях и комплексах наконечники копий были единственным оружием, прежде всего, это относится к ямным погребениям (11 наконечников), реже к кремациям (2 наконечника). Не считая ножей, чаще всего наконечники копий были встречены с клинковым оружием. Немного реже с топорами и дистанционным оружием. В двух случаях наконечник находился в комплексе с кистенем.

Следует обратить внимание на распространённость в комплексах с наконечниками копий деталей конской упряжи. Стремена, удила, начальники, детали сбруи (подпружные пряжки, фалары) были встречены в тридцати шести погребениях и комплексах из сорока шести, использованных при построении таблицы. Таким образом, 79% погребений с наконечниками копий из рассмотренных нами, принадлежали всадникам. Тем не менее, такой высокий процент не исключает возможность применения копьё пешими воинами, о чём подробнее будет сказано в следующей главе.

Данные об использовании копий населением Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. содержат граффити салтово-маяцкой культуры. На меловом блоке Маяцкой крепости изображена сцена боя всадника, вооружённого копьём и клинковым оружием, и пешего воина [Флёрова, 1997. Табл. II, 27]. На костяном реликварии из городища Маяки изображён бой двух всадников, один из которых вооружён копьём [Флёрова, 1997. Табл. X, 6]. Также есть изображение, на котором копьём орудует пеший воин [Флёрова, 1997. Табл. II, 34].

Распределение наконечников по погребениям свидетельствует, что наиболее распространёнными были наконечники копий первого отдела, первого типа как в кремациях (18 экз.), так и в ямных погребениях (16 экз.) (табл. 7)¹⁰. Наконечники второго отдела чаще (7 экз.) встречаются в погребениях по типу трупосожжения. Что касается отделов III и IV, то они достаточно малочисленны, чтобы на их основе делать какие-либо выводы, отметим лишь, что среди наконечников копий, относящихся к данным отделам, встречаются наконечники как из кремационных, так и из ямных погребений.

Важным для нас является вопрос об истоках форм наконечников копий населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. Дело в том, что в подкурганых погребениях второй половины VII – начала VIII вв., расположенных на юге Восточной Европы и связываемых с населением Хазарского каганата, крайне редки находки наконечников копий. Насколько нам известно, исключением является копье, происходящее из комплекса вещей у Глодос [Плетнёва, 2003. С. 40]. Редки находки копий и для древностей «праболгар» Средней Волги, не выходящих за рамки VIII в. [Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998]. Для населения, оставившего подкурганые «погребения с ровиками» наконечники копий не

---

¹⁰ В таблице не отражены данные по 6 наконечникам копий, относящихся к Отделу I, чья типовая принадлежность не определена ввиду их плохой сохранности.

были характерны и были найдены лишь в одном погребении [Иванов, 2002. С. 38; Копылов, 1983. С. 121]. Также исследователи неоднократно подчёркивали редкость находок наконечников копий в тюркских погребениях IX-X вв. [Худяков, 1981. С. 119; Худяков, 1986. С. 156]. Всё это говорит о крайне низкой востребованности копья как оружия не только в лесостепной, но и в степной зоне Восточной Европы в предсалтовский период. Однако с середины-второй половины VIII в. в погребениях на территории лесостепи частой находкой становятся наконечники копий, в особенности с ромбовидным сечением лезвия.

Распространение копий на рассматриваемой территории связано с появлением в лесостепном Подонье и Подонцовье новых групп населения. Частые находки копий можно было бы связать с военными функциями рассматриваемого населения, однако этому предположению противоречит тот факт, что в катакомбах, помимо кат. №187 Дмитриевского могильника, достоверно известно лишь два случая находки наконечников копий [Бабенко, 1911. С. 226]. Хотя Н.Я. Мерперт в одной из своих работ упомянул о трёх наконечниках копий Верхнесалтовского могильника [Мерперт, 1955. С. 142]. В нашей выборке присутствует только один наконечник копья из катакомбного погребения. При всём этом в военных функциях населения, оставившего катакомбные могильники в лесостепи, сомневаться не приходится: об этом говорит его пограничное расположение и частые находки оружия в погребениях. Причины распространения копий именно в среде населения, оставившего кремации и ингумации в ямах, возможно, следует искать в происхождении этого населения, его историко-культурном окружении до переселения в Доно-Донецкую лесостепь.

Для прояснения этого вопроса могут быть использованы аналогии. Вообще, что касается наконечников с ромбовидным сечением (Отдел I), то такого рода наконечники были распространены на огромных пространствах, в различных культурных средах. Соответственно причина такой

«популярности» имела не локальный, а общий характер и была связана с распространением воинских доспехов, для пробивания которых лучше всего подходили наконечники с ромбовидным сечением. В особенности это относится к наконечникам первого и третьего типов, которые можно назвать пиками. Наконечники второго типа, видимо, имели две функции: в силу широкого лезвия они были эффективны при нанесении режущих ран, а ромбовидное сечение делало их эффективными при борьбе с воинами, защищёнными доспехами. Однако нельзя не учитывать возможность того, что бытование этих наконечников могло быть обусловлено попытками приспособить старые формы, наконечники с уплощённым пером, к изменившимся реалиям в военном деле. Тем не менее, наконечники первого отдела не подходят для определения истоков форм, ввиду своего широкого распространения.

Исключение составляют четыре наконечника первого типа с лезвием, украшенным желобками и циркульным орнаментом, имеющие аналогии в материалах могильников Дюрсо и Молдавановка, расположенных на территории Северо-Западного Предкавказья, а также в могильнике Мыдлань-Шай. Третий тип первого отдела может оказаться условным, так как одной из вероятных причин пламевидной формы лезвия могла быть его неоднократная заточка.

Наконечники второго отдела имеют многочисленные аналогии, происходящие с территории Абхазии. Также представительная серия аналогий данным наконечникам известна из кремаций Северо-Западного Предкавказья эпохи раннего средневековья. Одиночные аналогии, однако, без отверстий в лопастях, имеются в материалах древней мордвы. Несмотря на находки наконечников второго отдела в материалах раннего средневековья, принято считать их архаичными, так как они существовали в скифское [Мелюкова, 1964. Табл. 12, 4-14] и сарматское время [Хазанов, 1971. Табл. XXIV, 1, 2].

Наконечники с отверстиями второго отдела были найдены в комплексе с наконечниками первого отдела. Наличие двух копий в одном погребении говорило о различии в их назначении: второе копьё для охоты или для поражения противника с иным доспехом. Воин мог переменить копьё в битве или в случае поломки воспользоваться вторым наконечником [Кирпичников, 1966б. С. 19]. Отверстия в лопастях наконечников копий могли быть предназначены для подвешивания лент или флажков [Крыганов, 1989. С. 103]. Однако, судя по изображениям всадников Сулекской писаницы, флажки прикреплялись к древку копья, у основания наконечника [Евтюхова, 1948. Рис. 193]. О наличии и применении «знамён» в войске Хазарского каганата сообщает Гардизи [Заходер, 1962. С. 221].

Наконечники третьего отдела тяготеют в большей мере к степным, кочевническим древностям, в том числе салтово-маяцкой культуры. Следует отметить находки аналогий наконечника второго типа в материале волжских болгар, что может отражать контакты между населением салтово-маяцкой культуры и волжскими болгарами.

Наконечники четвёртого отдела также тяготеют к степи, хотя имеют в лесостепи более ранние аналогии.

В результате изучения наконечников копий населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. были сделаны следующие выводы.

В первую очередь следует отметить, что копьё как вид наступательного оружия был распространён, прежде всего, в среде населения, практиковавшего трупосожжения, а также среди части населения, оставившего ямные могильники. У населения, оставившего катакомбные могильники и связываемого с аланами, копьё не получили распространения и практически отсутствовали в наборе вооружения.

С большой долей уверенности можно также сказать, что копьё в среде рассматриваемого населения входило в набор вооружения всадника. Находки

наконечников копий в комплексе с другими предметами оружия, говорят скорее об отсутствии в воинской среде какой-либо специализации, связанной с использованием копья.

Наибольшее распространение получили копья с ромбическим сечением лезвия, предназначенные для пробивания доспехов. При этом сосуществовали с ними наконечники с плоским и уплощённым лезвием, эффективные для борьбы с незащищённым доспехами противником.

Истоки форм наконечников копий, бытовавших в среде населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв., прежде всего, следует искать в материалах Северо-Западного Предкавказья предшествовавшего и синхронного существованию салтово-маяцкой культуры времени. Другие формы наконечников связаны с кочевым миром степей Восточной Европы и, возможно, имеют местные корни. Вопрос о роли древней мордвы и в целом финно-угорского населения в процессе сложения и эволюции форм наконечников копий салтово-маяцкой культуры лесостепи пока не может быть решён: позиции некоторых аналогий не дают определённого ответа на вопрос, предшествовали финно-угорские наконечники салтово-маяцким или наоборот были заимствованы у носителей данной или иной культуры.

§1.4. Кистени.

Ударное оружие населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. представлено кистенями. Кистень состоял из металлической, каменной или костяной гирьки, подвешенной на кожаном ремне или цепочке, которые могли крепиться к деревянной рукояти. До нас, как правило, доходят лишь гирьки.

Данный вид оружия рассматривался исследователями, как в обобщающих работах, так и в специальных, посвящённых анализу материалов салтово-маяцкой культуры. В ходе изучения кистеней в

литературе сложилось два подхода к их типологии. Один из них базируется на выборе материала изготовления в качестве типобразующего признака. А.В. Крыганов, внёсший значительный вклад в изучение кистеней салтово-маяцкой культуры, для построения типологии использовал в качестве первичного признака материал изготовления, и только затем способ крепления и форму [Крыганов, 1987. С. 63; Крыганов, 1989. С. 104; Крыганов, 2012. С. 72]. Иного подхода, а именно разделения кистеней на типы по способу крепления, придерживаются А.В. Комар и О.В. Сухобоков [Комар, Сухобоков, 2000]. Также следует отметить, что В.К. Михеев выделил две основные формы кистеней – грушевидная и шаровидная, но также разделил кистени по способу крепления на петлевые и канальные, и по материалу изготовления, не отдавая явного предпочтения какому-либо из перечисленных признаков [Михеев, 1985. С. 91]. Что касается исследователей, изучавших материалы с территорий смежных рассматриваемой в данной работе, то, например, У.Ю. Кочкаров, а также В. Йотов, выделили типы кистеней по материалу изготовления [Кочкаров, 2008. С. 80; Йотов, 2004. С. 109]. А.Н. Кирпичников, исследуя древнерусские кистени, часть типов выделил по материалу изготовления, часть по форме, сгруппировав их, видимо, по времени бытования [Кирпичников, 1966б. С. 59, 62-63].

В данном случае мы придерживаемся мнения А.В. Комара и О.В. Сухобокова и в качестве первичного признака при построении типологии используем способ крепления гирьки. Этому есть причины: во-первых, на наш взгляд, материал изготовления как таковой является второстепенным признаком; во-вторых, различия в материале изготовления могут быть объяснены отличиями в сырьевой базе групп населения салтово-маяцкой культуры, проживавших на различной территории. В соответствии с этим, имеющиеся в нашем распоряжении кистени, в количестве двадцати

экземпляров, разделяются на два отдела по способу крепления, на типы по форме гирьки. Также учитывается материал изготовления.

Отдел I. С долевым каналом (17 экз. – 85%) (рис. 20; 19).

Тип 1. Шаровидной форма (7 экз. – 41%) (рис. 20, 1-7).

Бронзовый кистень подобной формы обнаружен в погребении новинковского типа [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 24, 7]. Ещё один экземпляр найден в погребении VIII-X вв. на территории Северо-Западного Предкавказья [Кочкаров, 2008. Табл. XXXIX, 1]. Кистени аналогичной формы бытовали и в среде населения салтово-маяцкой культуры степной территории [Красильников, Руженко, 1981. Рис. 4; Красильников, 1990. С. 138].

Тип 2. Оттянутые к одному из полюсов (3 экз. – 18%) (рис. 20, 8-10).

Аналогия, но из камня, известна в раннесредневековых материалах с территории Предкавказья [Виноградов, 1970. Рис.3, 14], а также в могильнике Казазово [Кочкаров, 2008. Табл. XXXIX, 5].

Тип 3. Биконической формы (2 экз. – 12%) (рис. 21, 1-2).

Кистени аналогичной формы известны на Средней Волге [Измайлов, 1989. Рис. 4, II] и в Предкавказье [Каминский, 1987. Рис. 8, 35].

Тип 4. Грушевидной формы (1 экз. – 5,5%) (рис. 21, 3).

Аналогия, но костяная, известна в погребении Больше-Тарханского могильника [Генинг, Халиков, 1964. Рис. 15, 2; Измайлов, 1989. Рис. 4, I].

Тип 5. Бочковидной формы (1 экз. – 5,5%) (рис. 21, 4).

К данному отделу отнесено также три кистеня (18%), чья типовая принадлежность затруднена отсутствием сведений об их форме в разрезе (рис. 21, 5-7).

Большая часть выделенных нами типов кистеней, а именно шаровидные, биконические и грушевидные были распространены в среде дунайских болгар, но большинство из них было изготовлено из кости [Йотов, 2004. С. 25; 110].

Отдел II. С петлёй (3 экз. – 15%) (рис. 22).

Все кистени данного отдела имеют шаровидную форму, но отличаются по расположению петли: петля не отделена от гирьки (рис. 22, 1); петля отделена от гирьки перехватом (рис. 22, 2-3).

Аналогия известна в кремации на могильнике Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 18]. Медный шаровидный кистень с петлёй был найден в раннесредневековом погребении на территории северо-западных предгорий Алтая [Могильников, 2002. Рис. 217, 11]. Костяной кистень с металлическим стержнем и петлёй был обнаружен также в хазарском слое Саркела [Артамонов, 1962. С. 429].

Подавляющее большинство рассмотренных нами кистеней относится к первому отделу, то есть наиболее распространёнными в среде изучаемого населения были кистени с долевым каналом. Чаще всего использовались кистени с шаровидной формой гирьки. Исключительно редко были встречены экземпляры грушевидной и бочковидной формы. Какой-либо корреляции между формой кистеня и погребениями, совершёнными по различным обрядам, не обнаружено, возможно, из-за относительно небольшой выборки.

Интересным является вопрос о причинах, обусловивших существование двух вариантов крепления кистеней: доленое отверстие и петля. Возможно, доленое отверстие в гирьке было предназначено для крепления к кожаному ремню, а петля к цепи. Однако единственный известный нам вариант крепления гирьки при помощи цепи, применительно к эпохе раннего средневековья, происходит из кремации могильника Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 18]. Существует гипотеза о том, что кистени с петлёй использовались исключительно всадниками [Комар, Сухобоков, 2000]. В нашей выборке находится всего три кистеня с петлёй, чего явно недостаточно для проверки данной гипотезы, но, следует отметить, что два кистеня находились в комплексе с деталями конской упряжи (табл. 8).

Можно сказать, что в среде рассматриваемого населения чаще использовались железные кистени. Так большинство кистеней использованной выборки изготовлено из железа (8 экз. – 40%). К аналогичному выводу пришёл и А.В. Крыганов, отмечавший характерность для лесостепной территории распространения салтово-маяцкой культуры именно железных кистеней [Крыганов, 1993. С. 57]. Немногим менее часто были встречены кистени из бронзы (6 экз. – 30%) и свинца (5 экз. – 25%), один кистень (5%) был сделан из камня. Связь между материалом изготовления кистеня и погребениями, совершёнными по различному обряду выявить не удалось. Стоит лишь отметить, что большинство бронзовых кистеней было обнаружено в кремационных захоронениях. Железные и свинцовые кистени были одинаково распространены среди групп рассматриваемого населения, практиковавших разные обряды погребения (табл. 9).

В силу находок кистеней в погребениях без иных предметов оружия, А.В. Крыганов предполагал возможным использование кистеня не столько воинами, сколько «гражданским населением» [Крыганов, 2012. С. 75]. К.И. Красильников и Л.И. Красильникова, поддерживая данный тезис, всё же уточнили, что металлические кистени и кистени, найденные в погребениях, следует считать воинским оружием [Красильников, Красильникова, 2008. С. 14]. Большинство кистеней из нашей выборки, а именно четырнадцать экземпляров, были найдены в комплексе с иными предметами вооружения или деталями конской упряжи (табл. 8)¹¹. Также использование кистеня гражданским населением, преобладавшим над воинским, предполагало бы более частые случаи находок этого вида оружия, чем мы имеем на самом деле. Об использовании кистеней в военных конфликтах косвенно

---

¹¹ В таблице 8 отражены данные по восемнадцати кистеням, так как два оставшихся происходят из культурного слоя могильника Сухая Гомольша и Ютановки.

свидетельствует черепные травмы, нанесённые этим оружием [Красильников, Красильникова, 2008. С. 14].

Что касается применения кистеней воинами, то на древнерусском материале было доказано использование данного оружия пешими воинами, но чаще всадниками [Кирпичников, 1966б. С. 65]. Из нашей выборки мы можем достоверно говорить о принадлежности всадникам лишь шести кистеней, обнаруженных в комплексах с деталями конской упряжи (табл. 8).

Тот факт, что кистени на рассматриваемой территории не были обнаружены в предшествующие эпохи, говорит об их появлении здесь вместе с населением салтово-маяцкой культуры. Кистени отсутствуют в тюркских древностях, у финно-угорских народов эпохи раннего средневековья, а древнерусские материалы свидетельствуют о том, что кистени на юге Восточной Европы появились раньше, чем на территории древнерусских княжеств [Кирпичников, 1966б. С. 59]. Следовательно, наиболее вероятной территорией, с которой связано распространение кистеней в Восточной Европе, является Северный Кавказ. К раннему средневековью на Кавказе относятся находки кистеней, как из металла [Каминский, 1987. Рис. 8, 35], так и из камня [Виноградов, 1970. Рис.3, 1], но оба с долевым отверстием. К выводу о северо-кавказских истоках кистеней, использовавшихся населением салтово-маяцкой культуры, пришли и другие авторы [Крыганов, 2012. С. 74].

Более сложным нам представляется вопрос о времени распространения кистеней у населения Восточной Европы. А.В. Крыганов в статье, посвящённой кистеням салтово-маяцкой культуры, предположил, что данный вид оружия появился в Подонье не ранее середины VIII в., вероятнее, в начале IX в. [Крыганов, 1987. С. 66]. Данное положение автора было подвергнуто критике со стороны А.В. Комара и О.В. Сухобокова, предложивших датировать появление кистеней на юге Восточной Европы началом VIII в. [Комар, Сухобоков, 2000]. Позднее в своей монографии А.В. Крыганов в качестве даты появления кистеней в Восточной Европе

остановился на времени не ранее второй половины VIII в., не упоминая уже о начале IX в. [Крыганов, 2012. С. 74]. Некоторое изменение позиции автора в сторону удревнения связаны, судя по всему, с введением в научный оборот данных о подкурганных погребениях Восточной Европы эпохи раннего средневековья, по большей мере предсалтовского и раннесалтовского времени, в которых были обнаружены боевые гири. Также, по мнению И.Л. Измайлова, высказанному в работе 1989 г., болгары, придя на Волгу в начале VIII в., уже знали кистень [Измайлов, 1989. С. 113].

Действительно, железные и каменные кистени с продольным отверстием известны в подкурганных захоронениях с ровиками на Нижнем Дону [Иванов, 2002. С. 38], а также в подкурганных захоронениях астраханских степей [Круглов, 1990. Рис. 2, 5] и в погребениях новинковского типа [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 24, 7, 8]. Как нам кажется, это свидетельствует о наличии у населения, оставившего данные памятники, сложившейся традиции использования кистеня. Исходя из этого, мы придерживаемся точки зрения о появлении кистеней в степях Восточной Европы не позднее первой трети VIII в. Широкое же распространение на юге Восточной Европы кистень получил с середины VIII в., что было связано, прежде всего, с населением салтово-маяцкой культуры. Следует отметить, что в постсалтовское время кистени не были распространены среди кочевников Восточной Европы [Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 32].

Таким образом, кистень появился в Восточной Европе в начале VIII в., будучи заимствован кочевниками Хазарского каганата у племён Северного Кавказа. Широкое же распространение кистеня в Восточной Европе было связано в свою очередь с притоком населения с территории Северного Кавказа в лесостепное Подонье и Подонечье. Через представителей салтово-маяцкой культуры кистень проник на территорию расселения восточнославянских племён, где позднее получил широкое распространение.

В самой же среде населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. практически абсолютно преобладали металлические кистени с долевым каналом при небольшой доли кистеней с петлёй. Кистень являлся, прежде всего, воинским оружием и мог использоваться как пешими, так и конными воинами, о чём более подробно будет сказано в следующей главе.

§2. Дистанционное оружие.

§2.1. Лук и стрелы.

В воинских погребениях населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. частой находкой являются предметы, относимые к дистанционному оружию, в частности, накладки на лук, наконечники стрел и детали колчана.

У рассматриваемого населения в эпоху раннего средневековья бытовал сложносоставной лук. Такие луки, снабжённые костяными накладками, появились, предположительно, во второй половине I тыс. до н.э. [Хазанов, 1966. С. 31]. Вопросы, связанные с конструкцией и эволюцией сложносоставных луков Восточной Европы достаточно полно освещены в специальной литературе. Различные исследователи выделяли луки «тюркской», «аварской», «гунно-болгарской», «хазарской», «венгерской», «салтовской» конструкции и т.д. [Измайлов, 1998а. С. 200; Измайлов, 1998б. С. 249; Круглов, 2004. С. 63; Савин, Семёнов, 1989. С. 104; Савин, Семёнов, 1990. С. 169]. Различия между этими разновидностями луков прослеживаются в конструкции тех или иных накладок и их сочетании друг с другом. Особенностью «салтовских» луков является концевая фронтальная накладка-челнок с вырезом для тетивы [Круглов, 2005. С. 81; Савин, Семёнов, 1990. С. 169]. На материале волжских болгар И.Л. Измайлов характерными для накладок «салтовского» лука определил пару срединных боковых и пару концевых [Измайлов, 1998а. С. 203]. При этом «салтовская»

технология является разновидностью «хазарской», на происхождение которой есть две основные точки зрения: технология была привнесена извне; технология появилась в ходе эволюции предшествовавших форм луков под действием факторов экологического и военно-политического характера [Савин, Семёнов, 1998. С. 293; Круглов, 2005. С. 99].

В погребениях населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. сохранились накладки от луков. Однако, в силу того, что большая часть погребений в ямах и катакомбах была потревожена ещё в древности, мы не можем утверждать, что имеем дело с полными комплектами накладок, изначально находившихся в погребениях. Кремации на стороне, практиковавшиеся частью рассматриваемого населения, также не позволяют с уверенностью говорить, что после пребывания лука (целого или сломанного) в погребальном костре до нас дошли все накладки, бывшие в нём. Поэтому соотнесение накладок с той или иной технологией, выделяемой исследователями, обладает известной долей условности. Определённо можно говорить о своего рода маркерах «салтовского» типа лука – концевых фронтальных накладок.

Такие накладки были обнаружены в трёх катакомбах [Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 22, 4, 5; 30, 5; 33, 11] и одном ямном погребении Маяцкого селища [Сарапулкин, 2014. Рис. 2, 28], трёх катакомбах Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989. Рис. 32, 106, 169, 173; С. 69], в одной катакомбе Старосалтовского могильника [Аксёнов, 1999. Рис. 2, 21-24], одной кремации Сухогомольшанского могильника [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 78, 3], трёх ямных и одном кремационном погребениях Красногоровского могильника [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 2, 2; 3, 2; 5, 2, 3; 6, 2]. Другие накладки, без концевых фронтальных, были найдены ещё в катакомбах Дмитриевского могильника, в ямных погребениях Маяцкого селища, Мандровского и Красногоровского могильников, а также в кремациях Сухогомольшанского и Красногоровского могильников [Аксёнов,

Михеев, 2006. Рис. 63, 6; Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 1, 21-23; 2, 17-20; 7, 7; Винников, Сарапулкин, 2008. Рис. 22, 10-13; Плетнёва, 1989. Рис. 32, 5, 140, 143, 148; Сарапулкин, 2006. С. 10-11; Сарапулкин, 2014. Рис. 4, 8]. При этом следует отметить, что концевые фронтальные накладки в материалах салтово-маяцкой культуры хотя и преобладали, но не исключали использование лука с концевыми боковыми накладками, доказательством чему служит находка двух пар таких накладок в катакомбе Нижнелубянского могильника [Николаенко, 1975. Фото 56, 1-4].

В целом, следует отметить относительную редкость находок накладок на лук, на что могла повлиять плохая сохранность тонких костяных пластин в грунте, условия помещения в погребение. Возможно, в могилу помещались лишь отдельные части сломанного лука [Крыганов, 2012. С. 27]. Тем не менее, на основе имеющегося материала можно утверждать, что население Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. использовало сложносоставные луки с костяными накладками. Отличительной чертой этих луков было наличие пары концевых фронтальных накладок с вырезом для тетивы.

О распространённости в среде изучаемого населения дистанционного оружия мы можем судить не только по остаткам луков. Наиболее многочисленной категорией находок, относящихся к дистанционному оружию и обнаруженных в погребениях населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв., являются наконечники стрел.

Прежде чем перейти к типологии материала, следует отметить, что она затрудняется большим разнообразием форм, присущих наконечникам стрел. Такое разнообразие, было обусловлено массовостью материала, приводившей к появлению многочисленных вариаций и типов, сочетавших в себе особенности конструкции различных наконечников. Иные наконечники были заимствованы или привнесены извне, что заслуживает особого внимания ввиду присутствия на рассматриваемой территории в указанный

хронологический период как минимум трёх групп населения не имевших местные корни. Помимо этого, к сожалению, не все наконечники стрел опубликованы, не всегда имеется точная информация о месте их нахождения в погребении, размерах, форме, сохранности и т.д.

Подходы к типологии наконечников стрел, происходящих с территорий близких региону и хронологическому периоду исследования, во многом схожи. В подавляющем большинстве случаев исследователи при типологии наконечников стрел в качестве типобразующих признаков использовали сечение и форму пера [Йотов, 2004. С. 23-25; Козлов, 1998. С. 214; Медведев, 1966. С. 37-38; Могильников, 2002. С. 109; Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 25; Худяков, 1981. С. 123; Худяков, 1986. С. 143]. При этом в зависимости от объёма и разнообразия выборки, учитывался характер насада, материал изготовления, сечение и форма черешка или втулки, переход от пера к насаду. Исследователи, обращавшиеся непосредственно к материалам салтово-маяцкой культуры, также основное внимание уделяли сечению и форме пера наконечников стрел [Крыганов, 1989. С. 98; Мерперт, 1949. С. 9; Плетнёва, 1967. С. 161].

С учётом опыта предыдущих исследований была проведена типология наконечников стрел населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. Сначала были отобраны наконечники стрел пригодные для типологического определения, прежде всего, учитывалась степень их сохранности. Всего было отобрано 155 наконечников стрел. Затем имеющийся в нашем распоряжении материал был разбит на отделы по сечению лезвия, на типы по форме лезвия и на подтипы и варианты по конструктивным особенностям наконечника: форма упора, форма плеч, сечение черешка, наличие отверстий в лопастях. Выделяемые подтипы соответствуют отдельным вариациям, в появлении которых могли лежать как объективные, так и субъективные причины. Такой признак как форма насада при типологии не был учтен в силу того, что все рассмотренные наконечники

были черешковыми. Исключением может быть лишь один наконечник стрелы, обнаруженный в погребении Дмитриевского могильника, однако он играл роль подвески и был отнесён к скифскому времени [Плетнёва, 1989. С. 113; Рис. 58]. Основная часть терминологического аппарата при описании наконечников стрел была заимствована нами из работы А.Ф. Медведева [Медведев, 1966]. Строение наконечника стрелы представлено на рисунке (рис. 23).

Отдел I. Трёхлопастные (127 экз. – 81%) (рис. 24).

Тип 1. Треугольные (51 экз. – 40%) (рис. 24, 1-5).

Подтип А. Со скошенными плечами (46 экз. – 90%) (рис. 24, 1-4).

Выделяется четыре варианта данного подтипа: с небольшим упором в плане четырёхугольным; с упором овальной в плане формы (колечко); с вытянутым упором; с вытянутым упором, имеющем расширяющееся окончание (колечко). Первый вариант (29 экз.) (рис. 24, 1). Второй вариант (4 экз.) (рис. 24, 2). Третий вариант (7 экз.) (рис. 24, 3). Четвёртый вариант (6 экз.) (рис. 24, 4).

Подтип Б. С горизонтальными плечиками. Представлен пятью экземплярами (10%) из катакомбы в яме 18 Маяцкого селища (рис. 24, 5).

Сама традиция употребления железных трёхлопастных треугольных наконечников стрел уходит корнями в сарматскую эпоху [Хазанов, 1971. С. 36-41; Белоусов, 2010. С. 19]. Аналогии наконечникам данного типа имеют очень широкую географию. Например, подобные наконечники мы находим в материалах финно-угров раннего железного века и раннего средневековья [Иванов, 1984. Рис. 3, 4, 5, 7; Генинг, 1953. Рис. 33, 9; С. 98; Голдина, Кананин, 1989. Рис. 56, 8]. Аналогии известны в кочевнических древностях Центральной Азии [Левашова, 1952. Рис. 5, 19-22; Могильников, 2002. Табл.

5; Худяков, 1986. Рис. 64, 5, 7], в материалах волжских болгар¹² [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 26, 5, 6; Матвеева, 1997. Рис. 6; Халикова, 1976. Рис. 4, 15], в погребениях дунайских болгар [Йотов, 2004. Табл. XXIII, 334-336]. Аналогичные наконечники встречены в погребениях у аула Казазово [Тарабанов, 1983. Рис. 1, 7]. В катакомбе могильника Клинь-Яр III, относящейся к концу VII – началу VIII вв., также были обнаружены подобные стрелы, но без упора [Флёров, 2000. Рис. 37, 16; С. 44]. Аналогичные наконечники обнаружены в погребениях Восточной Европы предсалтовского времени, оставленных кочевниками [Флёрова, 2001. Рис. 6] и населением пеньковской культуры [Приходнюк, 1998. Рис. 61, 5]. Также аналогии известны в материалах с памятников салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону и в Крыму [Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 50, 14-17; С. 180; Ляпушкин, 1958. Рис. 16; Савченко, 1986. Рис. 7, 11].

Тип 2. Килевидные (58 экз. – 45%) (рис. 24, 6-16).

Подтип А. С узким пером (21 экз. – 36%). Внутри данного подтипа выделяется три варианта по форме острия наконечника: «треугольной»; шиповидной; закруглённой. Первый вариант (16 экз.) (рис. 24, 6). Второй вариант (3 экз.) (рис. 24, 7). Третий вариант (2 экз.) (рис. 24, 8).

Аналогии первому варианту находятся в материалах с территории Абхазии [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 1, 16].

Подтип Б. С широким пером (32 экз. – 55%). По форме плечиков и упора выделяется три варианта: с упором, имеющим расширяющееся окончание; с вытянутым упором; с коротким упором. Первый вариант (23 экз.) (рис. 24, 9-12). Второй вариант (6 экз.) (рис. 24, 13, 14). Третий вариант (3 экз.) (рис. 24, 20, 15, 16).

---

¹² Вопрос отнесения подкуранных погребений на Самарской Луке к «ранним болгарам» является дискуссионным, требует отдельного рассмотрения и выходит за рамки темы исследования. В данном случае мы оставляем этническую интерпретацию такой, какой она была дана авторами указанных работ.

У пяти наконечников (9%) отсутствует основание черешка, что делает затруднительным их отнесение к какому-либо варианту.

Аналогии известны в материалах Абхазии IV-VII вв. [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 1, 17, 18, 24], в погребениях второй половины VIII – начала IX вв. могильника Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 6]. Подобные наконечники встречены в материалах, относящихся к древним тюркам [Худяков, 1986. Рис. 64, 8, 11]. Отдельно следует отметить наконечник второго типа с отверстиями в лопастях (рис. 21, 14), аналогии которому известны в погребениях Борисовского могильника [Саханев, 1914. Табл. III, 9], в материалах предсалтовского времени на территории Предкавказья [Магомедов, 1983. Рис. 19, 7] и степей Восточной Европы [Флёрова, 2001. Рис. 4]. Наконечник со свистулькой (рис. 24, 10) имеет аналогию в Шиловке [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 26, 3]. В целом, исходя из разнообразия форм и размеров, можно согласиться с мнением А.В. Крыганова о том, что полностью одинаковых наконечников стрел данного типа практически нет [Крыганов, 2012. С. 35].

Тип 3. Остролистные (15 экз. – 12%) (рис. 24, 17-20).

Подтип А. С закруглёнными плечами (4 экз. – 27%) (рис. 24, 17).

Подтип Б. Со скошенными плечами (11 экз. – 73%) (рис. 24, 18-20).

Данный подтип может быть разделён на два варианта: с отверстиями в лопастях и без отверстий. Первый вариант (5 экз.) (рис. 24, 18, 19). Второй вариант (6 экз.) (рис. 24, 20).

Аналогии данному подтипу известны в хазарском слое Саркела [Артамонов, 1958. Рис. 29, 2] и в материалах Больше-Тарханского могильника [Генинг, Халиков, 1964. Табл. XII, 14].

Тип 4. Пламевидные (3 экз. – 2%) (рис. 24, 21).

Отдел II. Плоские (14 экз. – 9%) (рис. 25, 1-9).

Тип 1. Килевидные (4 экз. – 29%) (рис. 25, 1, 2).

Аналогии известны в материалах Верхне-Чирюртовского могильника [Магомедов, 1983. Рис. 19, 10, 14] и Правобережного Цимлянского городища [Ляпушкин, 1958. Рис. 16; Флёров, 1994. Рис. 15, 4]. Подобные наконечники найдены в погребениях неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LXIX, 65] и материалах ломоватовской культуры [Голдина, 1985. Табл. XXVI, 42].

Тип 2. Фигурные (5 экз. – 36%) (рис. 25, 3-5).

Подтип А. С прорезью (4 экз. – 80%) (рис. 25, 3, 4).

Подобные наконечники встречены в погребениях Борисовского могильника [Саханев, 1914. Табл. III, 7], Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 5, 17] и могильника у аула Казазово [Тарабанов, 1983. Рис. 1, 13]. Аналогии известны в материалах Правобережного Цимлянского городища [Ляпушкин, 1958. Рис. 16; Плетнёва, 1994. Рис. 40, 33] и подкурганных погребениях на Нижнем Дону [Безуглов, Науменко, 2007. Рис. 3, 10; Копылов, Иванов, 2007. Рис. 16, 1].

Подтип Б. Без прорези (1 экз. – 20%) (рис. 25, 5).

Аналогии известны в материалах Верхне-Чирюртовского могильника [Магомедов, 1983. Рис. 19, 5, 6].

Тип 3. Ромбовидные (1 экз. – 7%) (рис. 25, 6).

Аналогия известна в погребении Щукинского могильника с территории Верхнего Прикамья [Голдина, Кананин, 1989. Рис. 56, 21] и Лядинского могильника в верховьях р. Цны [Воронина, 2007. Рис. 21, 3].

Тип 4. Остролистные удлинённые (2 экз. – 14%) (рис. 25, 7).

Подобные наконечники были найдены в погребениях Аверинского II могильника [Голдина, Кананин, 1989. Рис. 56, 26]. Похожий экземпляр найден в одном из курганов Южного Урала эпохи раннего средневековья [Мажитов, 1977. Табл. I, 292; С. 32]. Аналогии известны в материалах Молдовановского могильника [Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 8, 31, 32].

Тип 5. Ромбические с прорезью и расширением в нижней части (2 экз. – 14%) (рис. 25, 8, 9).

Несколько подобных наконечников обнаружено в одном из комплексов Молдовановского могильника [Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 8, 22-24, 27-30]. Также аналогии известны в погребениях могильника Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 8].

Отдел III. Квадратные (6 экз. – 4%) (рис. 26, 1-2).

Тип 1. Шиловидные (4 экз. – 67%) (рис. 26, 1).

Аналогии имеются в материалах «ранних болгар» Поволжья и памятниках новинковского типа [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 26, 12, 13; Матвеева, 1997. Рис. 115, 5, 6]. Похожий наконечник найден в погребении Больше-Тарханского могильника [Генинг, Халиков, 1964. Табл. XII, 17]. Подобные наконечники бытовали в среде финно-угорского населения эпохи раннего средневековья [Генинг, 1962. Табл. XI, 11]. Также подобные наконечники встречены в материалах дунайских болгар [Йотов, 2004. Табл. XXIII, 338, 343, 347]. Аналогии известны в материалах с территории Абхазии [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 1, 5].

Тип 2. Пятиугольные (2 экз. – 33%) (рис. 26, 2).

Отдел IV. Треугольные (4 экз. – 3%) (рис. 26, 3-5).

Тип 1. Остролистные с закруглёнными плечами (2 экз. – 50%) (рис. 26, 3).

Аналогия известна в материалах раннесредневековых кочевников северо-западных предгорий Алтая [Могильников, 2002. Табл. 5].

Тип 2. Удлиненные (2 экз. – 50%) (рис. 26, 4, 5).

Подобные наконечники встречены в материалах предсалтовского периода Восточной Европы [Комар, 2009. Рис. 2, 7] и в погребениях у аула Казазово [Тарабанов, 1983. Рис. 1, 9].

Отдел V. Ромбовидные (4 экз. – 3%) (рис. 26, 6).

Аналогия известна в материалах Больше-Тиганского могильника [Халикова, 1976. Рис. 4, 16].

В литературе можно встретить разделение наконечников стрел на охотничьи и боевые. Такое деление весьма условно, так как и трёхлопастные, и плоские наконечники стрел могли применяться при охоте. Можно лишь выделить наконечники стрел, которые с наименьшей долей вероятности могли применяться в бою, и в нашем случае это наконечники второго типа второго отдела, все остальные достаточно уверенно можно отнести к боевым. Из числа боевых следует выделить так называемые бронебойные, иначе говоря, предназначенные для пробивания доспеха. К ним относятся все гранёные, то есть наконечники третьего, четвёртого и пятого отделов. По нашему мнению к бронебойным относятся и килевидные узкие – наконечники второго типа первого отдела, у которых верхняя часть наконечника (примерно треть длины) треугольная в сечении. В пользу этого говорит и их узкая форма. Принято считать, что распространение гранёных наконечников стрел было связано с распространением доспеха. Подобные наконечники найдены в Вознесенке, где были обнаружены и обрывки кольчужного плетения [Гринченко, 1950. Табл. II, 2].

Судя по аналогиям, можно заключить, что в процессе сложения форм наконечников стрел, бытовавших в среде населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв., основную роль сыграли племена, обитавшие в Предкавказье и на Кавказе. Особое внимание следует обратить на близость, а порой и идентичность форм наконечников, обнаруженных в кремационных погребениях салтово-маяцкой культуры, с наконечниками из погребений Северо-Западного Предкавказья, совершённых по тому же обряду захоронения. Также немало аналогий наконечники салтово-маяцкой культуры имеются в материалах, связываемых с кочевниками Восточной Европы предсалтовского периода. Некоторые из выделенных нами типов наконечников имели очень широкое

распространение, например, треугольные трёхлопастные, поэтому связать их популярность у населения салтово-маяцкой культуры с влиянием конкретной культурно-исторической общности или определённым регионом весьма затруднительно, если возможно. Следует лишь отметить, что треугольные трёхлопастные наконечники стрел были распространены у кавказских алан. Что касается встречаемости тех или иных типов наконечников стрел среди групп населения салтово-маяцкой культуры с различной погребальной обрядностью, то здесь необходимо отметить отсутствие гранёных или бронебойных наконечников стрел в катакомбных погребениях.

§2.2. Детали колчана.

Помимо лука и стрел, обязательным атрибутом снаряжения лучника был колчан. От колчанов в погребениях сохраняются, как правило, железные скобы, петли, шпеньки и крюки. Редкие находки истлевших колчанов позволяют предположить, что их корпус был сделан из дерева, и, возможно, из кожи [Винников, Афанасьев, 1991. С. 15; Николаенко, 1974. С. 52; Плетнёва, 1989. С. 71]. Из тюркских древностей раннего средневековья [Худяков, 1986. С. 151] и материалов поздних кочевников Восточной Европы [Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 29] известно, что колчаны изготовлялись чаще всего из бересты. В то же время в катакомбе могильника у Рим-Горы был обнаружен кожаный колчан [Рунич, 1970. С. 204]. К сожалению, мы не располагаем пока находками колчанов из погребений салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкой лесостепи, которые бы позволили с точностью говорить о материале изготовления. Можно лишь предположить, что обе конструкции могли использоваться в среде населения салтово-маяцкой культуры.

По вопросу расположения стрел в колчане существует две точки зрения: стрелы расположены наконечниками вниз и наконечниками вверх. Последняя точка зрения предполагает существование колчанов с

«карманом». Наличие в среде населения салтово-маяцкой культуры таких колчанов было взято за основу С.А. Плетнёвой при реконструкции колчанов Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989. Рис. 33, А, Б]. Против такого подхода высказались в своей работе А.В. Комар и О.В. Сухобоков, аргументируя свою позицию тем, что неизвестно ни одного случая находки в салтовских погребениях колчана, в котором бы стрелы вкладывались остриём вверх [Комар, Сухобоков, 2000]. Тем не менее, данные раскопок того же Дмитриевского могильника позволяют нам говорить, что в среде населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. существовали колчаны, в которые стрелы укладывались наконечниками вверх [Плетнёва, 1989. С. 71]. Колчан со стрелами, расположенными наконечниками вверх также был обнаружен в одной из катакомб на Маяцком селище [Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 4], в погребении Старосалтовского могильника [Аксёнов, 1999. Рис. 2, 1].

Расположение стрел наконечниками вверх прекрасно демонстрирует погребальный инвентарь катакомбы №25 Нижнелубянского могильника [Николаенко, 1974. Рис. 144]. Погребение мужчины сопровождалось луком, который, судя по расположению концевых накладок, был положен в катакомбу целиком, что редко удаётся зафиксировать (рис. 27, 1). Рядом лежали остатки колчана: две скобы (рис. 27, 2), дно колчана (рис. 27, 3), а в противоположной от дна стороне, то есть в устье колчана, наконечники стрел (рис. 27, 4). Из катакомбных погребений кавказских алан в качестве аналогии можно привести погребение могильника у Рим-Горы [Рунич, 1970. Рис. 5, 1] и катакомбу Мощёвой Балки [Каминский, 1982. С. 50], в которых, судя по чертежам, находились колчаны со стрелами, помещёнными наконечниками вверх.

Более характерными такие колчаны с «карманами» являются для кочевников Центральной Азии и Алтая эпохи раннего средневековья [Худяков, 1981. Рис. 5, 2-4; Худяков, 1991. С. 39; Могильников, 2002. Рис. 24,

4; 41,7; Овчинникова, 1990. С. 75-76]. Распространение такого рода колчанов со стрелами, помещёнными наконечниками вверх, было связано с увеличением количества форм стрел. Лучнику же в бою нужно было быстро выбирать стрелу с необходимым наконечником, что легче было сделать, если стрелы располагались остриём вверх [Крыганов, 2012. С. 44; Овчинникова, 1990. С. 75].

От системы крепления колчана сохраняются скобы и петли (рис. 28). По поводу функциональной атрибуции последних есть и иное мнение [Крыганов, 2012. С. 30]. Далеко не во всех погребениях остатки луков и наконечники стрел сопровождаются находками деталей колчанов. В этом случае мы можем говорить о том, что колчан не был помещён в погребение. Однако нельзя исключать крепление колчана к поясу при помощи одних только ремешков или существование петелек и скоб, сделанных из материалов, которые не сохранились до настоящего времени.

Чаще всего в погребениях обнаруживают по одному экземпляру скобы от колчана. Однако в четырёх случаях в погребении находились парные скобы и петли, в единичном случае в комплексе были обнаружены три скобы (рис. 28, 1-3). Также в катакомбе №6 Нижнелубянского могильника находилось четыре одинаковые П – образные скобы, одна из которых изображена на рисунке (рис. 28, 9).

Среди предметов, относимых к системе крепления колчана, выделяются петли (рис. 28, 20; 29, 7, 9). К деталям крепления колчана они отнесены в силу того, что были обнаружены на колчане или в непосредственной близости от него. На возможность использования петелек данной формы не только в системе крепления колчана указывали в своей работе В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков, при анализе материалов Больше-Тарханского могильника, среди которых находятся ближайшие аналогии указанным выше петлям [Генинг, Халиков, 1964. С. 49; Табл. XIII, 5, 6].

Представленные скобы имеют достаточно широкий спектр аналогий в Восточной Европе и на сопредельных территориях. Известны они в материалах предсалтовского периода юга Восточной Европы [Алейников, Кузьмин, 2013. Рис. 4, 2, 3; Безуглов, Науменко, 2007. Рис. 3,7; Ларенок, 2013. Рис. 4, 5; Ильюков, 2013. Рис. 3, 6; Круглов, 1992. Рис. 4, 18] и Предкавказья [Магомедов, 1983. Рис. 19, 18-21, 23-25]. Наиболее ранней для данного круга памятников является скоба из погребения у с. Арцыбашево [Монгайт, 1951. Рис. 43, 12]. Также аналогичные салтово-маяцким колчаные скобы встречены в синхронных материалах Северо-Западного Предкавказья [Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 9, 14, 15], Поволжья [Халикова, 1976. Рис. 5, 15; Генинг, Халиков, 1964. Табл. XIII, 6, 8, 9], в древностях мордвы [Смирнов, 1952. Табл. XXV, 1]. Бытуют они и в постсалтовское время [Фёдоров-Давыдов, 1966. Рис. 4, 8; Мажитов, 1977. Табл. I, 297, 298; Парусимов, 2007. Рис. 1,8; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. Рис. 42, 1, 3]. Следует отметить, что в поздних погребениях скобы были более длинными, по сравнению со скобами второй половины VIII – начала X вв.

Все рассмотренные колчаные скобы относятся к одной форме – П образных. Однако практически каждая из них имеет отличия друг от друга в размере, форме окончаний, конструктивных особенностях, вследствие чего среди них не выделяется устойчивых типов, хотя попытка составления типологии колчаных скоб предпринималась [Крыганов, 2012. С. 45-46]. То же относится и к петлям, представленным в нашей выборке тремя экземплярами различной формы (рис. 28, 20; 29, 7, 9).

Помимо скоб и петель к системе крепления колчана относятся колчаные крюки. Здесь следует отметить, что колчаный крюк встречается далеко не во всех погребениях, содержащих предметы амуниции лучника. Одним из объяснений чего может выступать положение, поддержанное рядом исследователей о том, что колчаные крюки предназначались для закрепления колчана во время верховой езды, то есть были характерны для

конных лучников [Генинг, Халиков, 1964. С. 48; Медведев, 1966. С. 17]. Данное положение было использовано С.А. Плетнёвой при реконструкции колчанов из погребений Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989. Рис. 33, А, Б]. Однако существует и иное мнение по поводу функциональной роли колчанного крюка [Кубарёв, 1998. С. 190; Матрёнин, 2011. С. 141]. А.В. Комар, хотя и для более раннего периода, относит колчаные крюки к поясным деталям [Комар, 2005. С. 105], что противоречит реконструкциям колчанов, сделанных С.А. Плетнёвой, где крюки помещались на ремешках, прикреплённых ко дну колчанов. Крюки, похожие по форме на колчаные, определяются в разных случаях и разными авторами по-разному: как поясные пряжки, бляшки или как застёжки [Генинг, 1953. Рис. 34, 2; Плетнёва, 1962а. Рис. 4; Колода, 2004. Рис. 8, 45].

Для прояснения вопроса, является ли тот или иной крюк деталью колчана, необходим учёт состава погребального инвентаря в захоронениях с колчанными крюками и чёткая фиксация местоположения колчанного крюка в погребении. Если первое возможно, то второе, применительно к погребениям салтово-маяцкой культуры в лесостепи, вызывает затруднения. Так кремационные захоронения не позволяют провести такие наблюдения, а многие катакомбные погребения были потревожены ещё в древности [Аксёнов, 2012а. С. 20-44; Плетнёва, 1999. С. 9-20; Флёров, 2007. С. 181-185].

Тем не менее, мы располагаем выборкой колчаных крюков в количестве двадцати одного экземпляра¹³ (рис. 30). Все крюки происходят из погребений салтово-маяцкой культуры, расположенных на территории Доно-Донецкой лесостепи.

---

¹³ Ещё два крюка из катакомб Ютановского и Нижнелубянского могильников не учтены нами при типологии, т.к. один из них изображён лишь в профиль, а от второго сохранился лишь низ ножки с крючком. Однако данные о погребениях с этими крюками использованы при построении таблицы взаимовстречаемости. Таким образом, при типологии учтён двадцать один колчаный крюк, а при построении таблицы двадцать три.

Крюки изготовлены в основном из бронзы, железа и меди. Чаще всего колчаные крюки находятся в комплексе с другими деталями колчана, а также с наконечниками стрел и накладками на лук. Однако встречаются захоронения, где отсутствуют вышеназванные предметы, но присутствует колчаный крюк. Так в катакомбе №23 Верхнесалтовского IV могильника колчаный крюк (рис. 30, 19) являлся единственным предметом, связанным не только с амуницией лучника, но и вооружением. Тем не менее, он был обнаружен на тлене от колчана [Колода, 2004. С. 226], который в иных погребениях мог вовсе не сохраниться или не был зафиксирован.

Двенадцать из двадцати колчаных крюков находились в комплексах с деталями конской упряжи, такими как стремяна, удила, сбруя (табл. 10)¹⁴. Следовательно, можно говорить о том, что двенадцать из двадцати колчаных крюков, учтённых в таблице, принадлежали конным лучникам.

Таким образом, на материалах салтово-маяцких древностей территории лесостепи пока не находит подтверждение упомянутый выше тезис о принадлежности колчаных крюков конным лучникам. Однако, если допустить преимущественно конный характер войска населения салтово-маяцкой культуры, то нет ничего удивительного в том, что колчаные крюки в большей части были обнаружены в комплексах с инвентарём, относящимся к конным воинам. Хотя колчаные крюки могли использоваться и пешими воинами.

Местоположение крюков удалось проследить в шести случаях. В двух из них колчаные крюки располагались среди остатков конской упряжи (погр. №17 Мандровского могильника, кат. №5 Подгоровского могильника), в одном случае среди костей погребённого (кат. в постройке №28 Маяцкого селища), а также непосредственно на колчане (кат. №1 Маяцкого селища, кат. №23 Верхнесалтовского IV могильника, кат. №6 Нижнелубянского

---

¹⁴ Три крюка из некрополя у с. Кицевка, а также Кочетокского и Сухогомольшанского могильников происходят не из комплексов.

могильника). Разброс в местоположении колчаных крюков и небольшое количество случаев, когда это положение удалось зафиксировать, не позволяет сделать достоверные выводы об особенностях крепления крюка к колчану.

Теперь перейдём непосредственно к типологии колчаных крюков. В основных чертах классификация колчаных крюков для отдельных памятников салтово-маяцкой культуры была изложена в работах А.В. Крыганова [Крыганов, 1989. С. 100], В.С. Аксёнова и В.К. Михеева [Аксёнов, Михеев, 2006. С. 115]. В качестве типобразующего признака здесь выступает способ крепления к ремешку. В соответствие с этим, рассматриваемые нами колчаные крюки распадаются на два отдела, внутри каждого из которых выделяются типы по форме рамки или щитка крюка.

Отдел I. Рамчатые (11 экз. – 52%) (рис. 30, 1-11).

Тип 1. С пятиугольной рамкой (6 экз. – 55%) (рис. 30, 1-6).

Тип 2. С треугольной рамкой (5 экз. – 45%) (рис. 30, 7-11).

Отдел II. Щитковые (10 экз. – 48%) (рис. 30, 12-21)..

Тип 1. С шестиугольным щитком (2 экз. – 20%) (рис. 30, 12, 13);

Тип 2. С пятиугольным щитком (6 экз. – 60%) (рис. 30, 14-19);

Тип 3. С овальным щитком (2 экз. – 20%) (рис. 30, 20, 21).

Следует отметить, что колчаные крюки внутри типов обладают некоторыми отличиями (размер отверстия, оформление отверстия и конца крюка, материал изготовления и т.д.), которые, видимо, отражали локальные особенности каждого из производителей колчаных крюков. Поэтому данные отличия не могут в полной мере использоваться как хронологические или этнокультурные маркеры.

Аналогии приведённым выше крюкам первого отдела охватывают достаточно обширную территорию. Ближайшими в хронологическом и культурном планах к рассмотренным выше, являются два рамчатых крюка, происходящих из слоя Правобережного Цимлянского городища [Плетнёва,

1999. Рис. 93] и городища Маяки [Михеев, 1985. Рис. 30, 3, 4]. Два рамчатых крюка были найдены в погребениях курганного могильника Ливенцовский 7 на Нижнем Дону [Ильюков, 2013. Рис. 3, 8; Ларенок, 2013. Рис. 4, 4]. Аналогии известны также и на Средней Волге [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 26, 23, 25; Генинг, Халиков, 1964. Табл. XIII, 1-3]. Подобные крюки встречены в материалах древней мордвы [Алихова, 1969. Табл. 20, 9; 36, 4].

Щитковые колчаные крюки имеют аналогии в материалах Молдовановского могильника [Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 9, 13]. В древностях предсалтовского периода территории Нижнего Дона [Алейников, Кузьмин, 2013. Рис. 3, 11; Безуглов, Науменко, 2007. Рис. 3,8]. Также крюки с шестиугольным щитком имеют аналогии в Верхнечирюртовских курганах [Магомедов, 1983. Рис. 19, 22; 20, 3] и Больше-Тарханском могильнике [Генинг, Халиков, 1964. Табл. XVII, 6], Галиатском склепе [Кадиева, 2012. Рис. 2, 5], могильнике близ г. Стерлитамака [Ищериков, 1952. Рис. 30]. Что касается колчанного крюка с прорезным орнаментом из катакомбы Подгоровского могильника, то отдалённая аналогия ему происходит из курганного захоронения у с. Столбище [Афанасьев, 1987б. Рис. 2, 4].

Таким образом, можно отметить, что выделенные нами типы колчаных крюков в своих формах уходят корнями в предсалтовский период. Колчаные крюки первого отдела, распространённые среди населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшего различные погребальные обряды, больше всего аналогий имеют в подкурганных захоронениях Северного Причерноморья и Средней Волги. Колчаные крюки второго отдела, найденные преимущественно в кремациях и ямных погребениях, находят аналогии в подкурганных захоронениях «соколовского» типа, кремациях Прикубанья и поминальном комплексе, связываемом с тюркским влиянием [Кузнецов, 1985. С. 212]. Примечательно, что среди десяти учтённых нами щитковых крюков лишь два были обнаружены в катакомбах.

§3. Хронология предметов вооружения.

Вопрос о хронологии древностей салтово-маяцкой культуры остаётся одним из наиболее актуальных в изучении истории юга Восточной Европы эпохи раннего средневековья. Нижняя граница салтово-маяцкой культуры определяется точно и соотносится с последствиями неудачной войны хазар с арабами 737 г., а переселение носителей катакомбного обряда погребения в Доно-Донецкую лесостепь относится к 40-м годам VIII в. [Плетнёва, 1989. С. 169]. При этом открытым остаётся вопрос о характере заселения Доно-Донецкого региона: единовременном или волновом [Аксёнов, 2012б. С. 411]. Попытки отнесения начала формирования культуры к концу VII – началу VIII вв. [Флёров, 1983. С. 106] по мнению А.В. Комара «грешат отсутствием хронологической аргументации» [Комар, 1999. С. 111]. Сложнее обстоит дело с верхней границей, определяемой в целом серединой X в. и связываемой с походом Святослава 965 г. и взятием им Саркела. Но по большому счёту, как уже было отмечено в специальной литературе, отличие саркельских материалов от салтово-маяцких бассейна Дона и Северского Донца оставляет открытым вопрос о верхней границе салтово-маяцкой культуры в лесостепи.

Таким образом, и в определении хронологических рамок существования салтово-маяцкой культуры остаются нерешённые вопросы. Во многом решение вопросов зависит от разработки внутренней хронологии. Отсутствием полноценной хронологии древностей салтово-маяцкой культуры также затрудняется изучение эволюции форм оружия и предметов вооружения населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв.

В то же время имеются могильники с разработанной относительной хронологией погребений. В данном случае имеются в виду Дмитриевский [Плетнёва, 1989] и Сухогомольшанский могильники [Аксёнов, Михеев, 2006]. Что касается относительной хронологии Маяцкого могильника, то в её

основу была положена хронология Дмитриевского могильника, несмотря на её недостатки, указанные В.С. Флёровым [Флёров, 1993а. С. 60-61].

Основные принципы составления хронологии комплексов Дмитриевского могильника были изложены С.А. Плетнёвой в работе 1967 г. [Плетнёва, 1967. С. 135-144] и развиты в монографии, отдельно посвящённой Дмитриевскому археологическому комплексу [Плетнёва, 1989. С. 146-172]. В основе составления хронологии первоначально лежала корреляция, прежде всего, бус, затем серёг, перстней, копоушек и топоров [Плетнёва, 1967. С. 135]. В следующей работе этот список был дополнен браслетами, амулетами, пуговицами, бубенчиками и зеркалами [Плетнёва, 1989. С. 146]. Следует отметить отсутствие в этом списке деталей поясной гарнитуры, которые являются основой для периодизации древностей населения Восточной Европы VII-VIII вв. Если в первой из рассматриваемых работ автор использовала данные исследования 33 катакомб, то в работе 1989 г. С.А. Плетнёва использовала 91 погребение [Плетнёва, 1989. С. 168]. В результате удалось выделить три группы погребений: раннюю, позднюю и промежуточную [Плетнёва, 1989. Табл. 23]. Однако в дальнейшем работы некоторых исследователей показали, что ряд хронологических комплексов, выделенных С.А. Плетнёвой, требует корректировки, а порой и пересмотра [Гавритухин, 2005. С. 394; Комар, 2000. С. 42].

Следует отметить, что некоторые учтённые нами погребения имеют достаточно чёткую хронологическую привязку, благодаря находкам в них монет или вещей, хронология которых достаточно хорошо разработана на материале, синхронном салтово-маяцкой культуре. В этой связи заслуживает внимания работа В.С. Аксёнова, в которой он рассматривает ранние погребения (середины – второй половины VIII в.) с территории некоторых могильников салтово-маяцкой культуры в лесостепном Подонечье [Аксёнов, 2012б]. Также имеются и разработки по хронологии отдельных видов оружия и предметов вооружения населения салтово-маяцкой культуры [Медведев,

1966; Плетнёва, 1989. С. 155-163]. Например, хронологией топоров, разработанной С.А. Плетнёвой на материалах раскопок Дмитриевского могильника, некоторые исследователи пользуются при датировке погребений [Колода, 2004. С. 221].

Также нельзя не отметить работы А.В. Комара [Комар, 1999] и О.И. Гавритухина [Гавритухин, 2005], в которых нашли отражение некоторые ранние комплексы салтово-маяцкой культуры. Учитывая указанные работы, базирующиеся в основном на анализе поясной гарнитуры, работы В.С. Аксёнова [Аксёнов, 1999; 2001; 2009; 2010а; 2010б; 2010в; 2011; 2014а; 2014б], а также работу по Сухогомольшанскому могильнику [Аксёнов, Михеев, 2005], была сделана выборка датированных погребений, содержащих предметы вооружения. На основе данной выборки, а также учёта аналогий нами предпринята попытка определить хронологические рамки бытования выделенных типов и видов оружия в рамках второй половины VIII – начала X вв.

Выборка погребений представлена в таблицах (табл. 11, 12). Учтено 32 комплекса, содержащих предметы вооружения, и относящихся в целом ко второй половине VIII в. (табл. 11). Комплексов с оружием, относящихся к IX в., насчитывается 22 (табл. 12).¹⁵ Большее количество ранних комплексов можно объяснить тем, что исследователей, как правило, больше интересовало выделение ранних комплексов салтово-маяцкой культуры, нежели поздних. Таким образом, для хронологических построений в данной работе используется 54(24%) комплекса с предметами вооружения из 233 учтённых.

Наиболее представительной из данных погребений является выборка *топоров*, а именно 43 экземпляра: 21 из ранних погребений, 22 из поздних.

---

¹⁵ Далее для удобства комплексы второй половины VIII в. будут называться ранними, а комплексы IX в. поздними.

Распределение типов топоров по комплексам представлено в таблице (табл. 13).

Из таблицы видно, что в группе ранних комплексов топоры первого и второго отдела были распространены практически одинаково – встречены в 10 и 11 комплексах соответственно. Что же касается типов, то в два раза чаще (в 14 комплексах) были встречены топоры второго типа – с уплощённым обухом (рис. 11; 13).

В погребениях поздней группы отмечается преобладание топоров второго отдела – с подпроушной выемкой (рис. 12; 13), найденных в 14 комплексах из 22. В распределении типов в поздних комплексах, в отличие от ранних, наблюдается иная картина: несколько чаще (в 13 комплексах) встречены топоры первого типа – с молотковидным обухом, имеющим «грибовидное» или «пробковидное» расширение (рис. 10; 12).

Таким образом, если в ранних комплексах топоры первого и второго отделов одинаково распространены, то в поздних чаще встречены топоры с подпроушной выемкой. В распределении типов наблюдается переход от преобладания топоров с уплощённым обухом в ранних комплексах, к преобладанию топоров с молотковидным обухом в поздних. Что касается подтипов, то топоры подтипа А – без наклона обуха в сторону рукояти, менее распространены для обеих групп комплексов, хотя несколько чаще встречены в ранних комплексах. Следует отметить, что в силу неполной выборки данные наблюдения являются предварительными и требующими проверки на основе более широкой источниковой базы.

Вывод о преобладании топоров с уплощённым обухом на ранних этапах салтово-маяцкой культуры и с молотковидным на поздних входит в противоречие с выводом С.А. Плетнёвой, сделанным на основе изучения топоров Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989. С. 155, 160]. Одним из объяснений этого противоречия может быть различная традиция выбора форм оружия для носителей разного обряда погребения. Применительно к

топорам данное наблюдение было сделано У.Ю. Кочкаровым на материалах Северо-Западного Предкавказья, где традиции изготовления и использования данного оружия у населения, оставившего кремации, отличались от традиций, существовавших в аланской среде [Кочкаров, 2008. 74].

Бесспорным на наш взгляд является тот факт, что выделенные типы боевых топоров первого и второго отделов сосуществовали во второй половине VIII – начале X вв. в среде населения салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкой лесостепи. Аналогии, приведённые во второй главе данной работы¹⁶, не позволяют внести ясность в вопрос периодизации различных типов топоров, так как они датируются достаточно широко и одинаково находят соответствия в поздних материалах X-XI вв. Причём это относится как к боевым, так и к хозяйственным топорам.

Что же касается боевых топоров третьего отдела (рис. 14), то они пока не обнаружены в комплексах ранее IX в. Более того, аналогии [Дзаттиаты, Успенский, 2016. Рис. 5, 124; Йотов, 2004. Табл. L, 582; Кирпичников, 1966б. Табл. XII, 5, 6; Ковач, 1980. Табл. 30. 1-5; Старостин П.Н., Казаков Е.П., Габяшев Р.С., 1973. Рис. 2, 18] говорят о тяготении данных топоров к концу IX – началу X вв. Также следует отметить, что топоры, у которых слабо выражена вторая подпроушная выемка (рис. 14, 1, 2, 4), имеют аналогию с топором VIII-IX вв. из Тарского могильника [Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXXVI, 2], что позволяет говорить о них, как о переходной форме к топорам с двумя чётко выраженными подпроушными выемками.

С *наконечниками копий* дело обстоит не менее сложно. Копья первого отдела первого типа - с ромбовидным сечением пера удлинённо-конической формы (рис. 17; 18, 1-14) являлись наиболее распространёнными в древностях салтово-маяцкой культуры. Аналогичные им наконечники использовались населением Восточной Европы на протяжении нескольких

---

¹⁶ Повторять их все здесь нецелесообразно.

веков: с VII-VIII вв. [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 1-3, С. 164; Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 2, 20, 27; Магомедов, 1983. Рис. 22, 10] по XIII в. [Измайлов, 1993. Рис. 2, 2-4; 3, 4-7], то есть они не могут выступать в качестве датирующих предметов. Наконечники второго типа – с ромбовидной формой пера (рис. 18, 15, 16), были обнаружены в погребениях Сухогомольшанского могильника, относящихся ко второй половине VIII – началу IX вв. [Аксёнов, Михеев, 2006. С. 163-167]. Однако аналогии не исключают существования данных наконечников на протяжении IX в. [Кирпичников, 1966б. Табл. VII, 5-7; VIII, 1-4; Худяков, 1981. Рис. 2, 2; С. 119]. Один из наконечников третьего типа – с пламевидной формой лезвия (рис. 18, 17), был обнаружен в погребении второй половины VIII в. (у с. Тополи). Ранней датировке наконечников копий данного типа не противоречат и аналогии [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 2, 33]. Однако, если пламевидная форма наконечников была следствием многократной заточки, о чём упоминалось в предыдущей главе, то данные наконечники не могут применяться в качестве датирующего материала.

Наконечники копий второго отдела – с плоским лезвием (рис. 19, 1-9), по аналогиям тяготеют к раннему периоду салтово-маяцкой культуры, а именно ко второй половине VIII в. [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 2, 8, 34; Кочкаров, 2008. Табл. XXIII, 15, 16]. Но тот факт, в погребении Сухогомольшанского могильника, датированном серединой IX в., был встречен данный наконечник (комплекс XVI), говорит об использовании данных наконечников и в IX в.

Наконечники копий третьего отдела – с линзовидным в сечении лезвием (рис. 19, 10-13). Наконечники первого типа по аналогиям достаточно точно датируются IX в. [Могильников, 2001. Рис. 217, 46; Плетнёва, 1967. Рис. 43, 6; Худяков, 1986. Рис. 67, 6], хотя один из наконечников был обнаружен в погребении №482 Нетайловского могильника, относящемся к концу VIII в. Второй тип данного отдела по аналогиям [Плетнёва, 1967. Рис.

43, 5] и датировке Ржевского могильника [Сарапулкин, 2006. С. 202] тяготеет в большей степени к IX в.

Наконечники копий четвёртого отдела – с овальным в сечении лезвием (рис. 19, 14, 15). Подобные наконечники были встречены в Восточной Европе уже в материалах VII в. [Ляпушкин, 1961. Рис. 87] и VII-VIII [Могильников, 1968. Рис. 1, 12, 13], встречаются также в IX-X вв. [Худяков, 1981. Рис. 2, 1, 4]. Однако факт нахождения ближайшей аналогии в слое Правобережного Цимлянского городища [Плетнёва, 1967. Рис. 43, 4] и находка самого наконечника в комплексе с наконечником второго отдела (1 км. от Сухогомольшанского могильника, комплекс 3), позволяет датировать его концом VIII - первой половиной IX вв.

Что касается *клинкового оружия*, большинство которого представлено раннесредневековыми саблями, то следует согласиться с мнением об изменении длины и изгиба сабельных клинков в сторону их увеличения [Евглевский, Потёмкина, 2000. С. 150; Крыганов, 2012. С. 54]. Однако эти изменения происходили достаточно медленно, напротив, более точным хронологическими индикаторами следует признать гарду и детали ножен, даже в изучаемой выборке проявляющие достаточно большое разнообразие.

Прежде чем перейти к характеристике перекрестий и деталей ножен клинков, хотелось бы отдельно рассмотреть такие редкие для населения салтово-маяцкой культуры виды оружия, как меч и кинжал. Меч был обнаружен в одном погребении, относящемся ко второй половине VIII в. (Дмитриевский могильник, кат. №52) (рис. 2, 15). Ближайшие аналогии данному мечу происходят из комплекса VII – начала VIII вв. [Атавин, 2008б. Табл. 3, 10] и комплекса начала VIII в. [Комар, 2005. С. 115; Рис. 44, 10]. Видимо, находка из Дмитриевки была своего рода анахронизмом, так как ни в одном погребении салтово-маяцкой культуры, кроме названного, мечи не были найдены. В связи с этим следует отметить, что мечи у кавказских алан доживают до VII-VIII вв. [Сланов, 2007. С. 46].

Кинжалы представлены в выборке всего двумя экземплярами (рис. 8) и один из них находился в комплексе второй половины VIII в. (у с. Тополи). Находки аналогий в Глодосах [Амброз, 1986. С. 61], Шиловке [Комар, 2001. Рис. 3, 6] и погребениях новинковского типа [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 23, 4, 4а], позволяют относить коленчатые кинжалы в рамках древностей салтово-маяцкой культуры ко второй половине VIII в.

Что касается оформления гарды, то *перекрестия* первого отдела – с утолщением в центре без выступающих концов (рис. 4, 1-3), были встречены на клинках в трёх ранних погребениях (Дмитриевский могильник кат. №5; Сухогомольшанский могильник, комплексы I, XV). Такое же перекрестие было у кинжала из комплекса у с. Тополи. Перекрестия второго отдела – с плоскими окончаниями (рис. 4, 4, 5), встречены дважды в поздних погребениях (Верхнесалтовский могильник, кат. №99; Дмитриевский могильник, кат. №126), один раз в раннем (Сухогомольшанский могильник, погр. №252). Исходя из этого, можно уверенно говорить о сосуществовании перекрестий данных отделов с более ранней позицией перекрестий первого отдела. Косвенно данное наблюдение подтверждается тем, что перекрестия первого отдела находят аналогии в предсалтовское время на клинке начала VIII в. из погр. 248 могильника Дюрсо, на сабле из Галиатского склепа, датирующегося по последним наблюдениям второй-третьей четвертью VIII в. [Кадиева, 2012. С. 110]. Такие же перекрестия встречены в древностях среднеаварского периода, однако на аварских экземплярах утолщение больше, чем на салтовских аналогах [Комар, 2006. Рис. 30, 26; 38, 8]. Перекрестие аналогичной формы найдено в комплексе VIII в. могильника Молдовановка [Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 6, 1]. Напротив, перекрестия второго отдела были наиболее распространёнными у венгров X в. [Ковач, 1980. С. 42-43].

Перекрестия третьего отдела – брусковидной формы (рис. 4, 6, 7) по аналогиям [Алихова, 1969. Рис. 2; Голдина, Кананин, 1989. Рис. 56, 36, 37;

Кочкаров, 2008. Табл. XIV, 113; Мажитов, 1977. Рис. 5, 1] бытовали как в VIII в., так и в IX в. В учтённых комплексах с хронологической привязкой, перекрестие такой формы встречено в погребении IX в. (Старосалтовский могильник, кат. №12). Однако следует сказать, что одно брусковидное перекрестие было обнаружено также и на мече из раннего погребения (Дмитриевский могильник кат. №52). Такое же перекрестие было на мече начала VIII в. из Заплавки [Комар, 2005. С. 115; Рис. 44, 10].

Не исключено, что отличия в оформлении гарды у клинков салтовско-маяцкой культуры были обусловлены не различиями в периодах бытования, но историко-культурными причинами, на что указывает распределение форм перекрестий по погребениям с различной обрядностью (рис. 5).

Скобы от ножен являются ещё одним элементом, используемым при хронологии и так или иначе относящимся к деталям клинкового оружия. Первое, на что следует обратить внимание, это взаимные сочетания скоб разных форм. Как было отмечено в предыдущей главе, чаще всего в одном комплексе находятся парные скобы одной формы. Но есть исключения. Так в погребении 252 Сухогомольшанского могильника, датированном третьей четвертью VIII в. [Аксёнов, Михеев, 2006. С. 163], пятиугольная скоба находилась в паре с П-образной, имеющей округлый выступ (рис. 7, 4). Это говорит о том, что данные формы сосуществовали как минимум в конце VIII в. Полуовальные скобы по материалам памятников Северного Кавказа [Уварова, 1900. Рис. 90; Кузнецов, Рунич, 1974. Рис. 1, 2], Южного Урала [Мажитов, 1977. Рис. 5, 3, 5], а также Больше-Тарханского могильника [Генинг, Халиков, 1964. Рис. 16, 1] датируются IX в., однако встречаются и в X в. [Мажитов, 1977. Табл. I, 231]. Такая скоба была обнаружена в одном из поздних погребений (Верхнесалтовский могильник, кат. №99) (рис. 7, 5). Что касается П-образных скоб (рис. 7, 6), то аналогии и факт их находки в двух ранних погребениях, свидетельствуют об их ранней позиции в отношении овальных. Арковидные трёхчастные скобы хотя и находят аналогии в ранних

материалах, но в рамках рассматриваемых в данной работе памятников были обнаружены в погребениях Маяцкого комплекса, время существования которого пока является дискуссионным, но укладывается в период второй половины VIII – начала X вв. [Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 121; Винников, Плетнёва, 1998. С. 176; Флёров, 1993а. С. 64; Флёров, 2000. С. 85].

Проблема времени появления *кистеней* на юге Восточной Европе, связанная с истоками распространения данного оружия, была рассмотрена во второй главе. В частности, было установлено, что кистень использовался кочевниками Восточной Европы с начала VIII в., подтверждением чему могут служить находки из подкурганых погребений с ровиками [Иванов, 2002. С. 38; Круглов, 1990. Рис. 2, 5; Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 24, 7, 8].

Что касается хронологии выделенных отделов кистеней, то из учтённых в работе датированных погребений, кистени были обнаружены в шести комплексах (Табл. 14). При этом два из трёх кистеней второго отдела – с петлёй, были встречены в ранних погребениях второй половины VIII в. Не противоречит этому аналогия из погребения могильника Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 18]. Другие аналогии происходят либо из отдалённых районов [Могильников, 2002. Рис. 217, 11], либо были изготовлены из другого материала, как экземпляр из Саркела [Артамонов, 1962. С. 429]. Таким образом, кистени с петлёй (рис. 22) могут быть датированы второй половиной VIII – началом IX в.

Также в ранних комплексах найдены кистени первого отдела – с долевым каналом, то есть они сосуществовали с кистенями второго отдела (Табл. 4). Об этом говорят и аналогии, относящиеся к VIII в. [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 24, 7; Каминский, 1987. Рис. 8, 35]. Помимо этого, кистени с долевым каналом были найдены в комплексах IX в. (Табл. 14). Кистеням данного отдела имеются аналогии в материалах IX-X вв. [Красильников, Руженко, 1981. Рис. 4; Красильников, 1990. С. 138]. Это

позволяет нам сделать вывод о том, что кистени с долевым каналом (рис. 20; 21) продолжали использоваться в среде исследуемого населения на протяжении IX в.

Какой-либо зависимости материала изготовления кистеней от времени на имеющихся материалах проследить не удалось.

Дистанционное оружие, как уже указывалось, представлено накладками на лук, наконечниками стрел, а также остатками колчанов (скобы, петли и колчаные крюки). В предыдущей главе уже указывалось, что в подавляющем большинстве исследуемое население использовало сложносоставные луки «салтовского» типа, то есть с концевыми фронтальными накладками. Лишь в одном погребении (Нижнелубянский могильник кат. №25) были обнаружены концевые боковые накладки. Хронология и эволюция накладок луков «салтовского» не разработана, поэтому накладки пока что не могут быть использованы в качестве датирующих материалов. В выборке датированных комплексов концевые фронтальные накладки были встречены лишь в погребениях, относимых к IX в. (Дмитриевский могильник, кат. №106 и №169; Старосалтовский могильник, кат. №12). Однако не исключено, что такие накладки использовались уже во второй половине VIII в., но на рассмотренных в данной работе материалах этого не удалось проследить в силу определённых причин, таких как: материал изготовления; нахождение концевых накладок не в каждом комплексе с остатками луков; относительно небольшое число комплексов с накладками и погребений, датированных второй половиной VIII в. Использование концевых фронтальных накладок во второй половине VIII в. подтверждается эволюционной схемой роговых накладок степей Восточной Европы, разработанной Е.В. Кругловым [Круглов, 2005. Рис. 35].

Установление хронологии *наконечников стрел* затруднено обширной географией распространения их отдельных типов и нахождением аналогий как в комплексах предсалтовского периода, так и в комплексах X-XI вв.

К таковым относятся трёхлопастные наконечники с треугольной формой пера (рис. 24, 1-5), распространённые на протяжении всего времени существования салтово-маяцкой культуры. То же относится к трёхлопастным наконечникам килевидной формы (рис. 24, 6-16). Однако среди них отдельное внимание заслуживает экземпляр со свистулькой (рис. 24, 10), судя по аналогии из Шиловки [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 26, 3], тяготеющий ко второй половине VIII в. Также ко второй половине VIII в. относится наконечник килевидной формы с отверстиями в лопастях, что подтверждается его находкой в раннем комплексе (Сухогомольшанский могильник, погр. №17) и аналогиями, относящимися к VIII в. [Магомедов, 1983. Рис. 19, 7; Флёрова, 2001. Рис. 4]. Аналогии остролистным наконечникам со скошенными плечами (рис. 24, 17-20) были встречены в хазарском слое Саркела [Артамонов, 1958. Рис. 29, 2] и материалах Больше-Тарханского могильника [Генинг, Халиков, 1964. Табл. XII, 14] второй половины VIII – первой половины IX вв., что допускает бытование таких наконечников как минимум в первой половине IX в. Один из наконечников с пламевидной формой пера находился в комплексе второй половины VIII в. (Дмитриевский могильник, кат. №52), что говорит о применении наконечников данного типа на раннем этапе становления салтово-маяцкой культуры.

Наконечники стрел второго отдела – плоские (рис. 25), также имели широкую географию распространения. Наконечники данного отдела с килевидной формой пера (рис. 25, 1, 2) находят ближайšie аналогии на Северном Кавказе, относящиеся к VIII в. [Магомедов, 1983. Рис. 19, 10, 14], а также в материалах неволинской культуры конца VIII – первой половины IX вв. [Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LXIX, 65]. Аналогии известны и в слое Правобережного Цимлянского городища [Ляпушкин, 1958. Рис. 16; Флёров, 1994. Рис. 15, 4], время существования которого не выходит за рамки первой половины IX в. [Флёров, 1994. С. 487]. Один из наконечников был найден в

погребении IX в. (Старосалтовский могильник, кат.№12). Таким образом, наконечники данного типа могут быть датированы в рамках древностей салтово-маяцкой культуры второй половиной VIII – первой половиной IX вв. Наконечники второго типа – фигурные (рис. 25, 3-5), ближайшие аналогии им известны в материалах с территории Северного Кавказа [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 5, 17; Магомедов, 1983. Рис. 19, 5, 6; Тарабанов, 1983. Рис. 1, 13] и Нижнего Дона [Безуглов, Науменко, 2007. Рис. 3, 10; Копылов, Иванов, 2007. Рис. 16, 1]. Все они происходят из комплексов VIII в., преимущественно его второй половины. Однако подобные наконечники были обнаружены на Правобережном Цимлянском городище [Ляпушкин, 1958. Рис. 16; Плетнёва, 1994. Рис. 40, 33]. Наиболее вероятным периодом использования наконечников данного типа населением салтово-маяцкой культуры является вторая половина VIII – первая половина IX вв. Датировка третьего типа – с ромбовидной формой пера (рис. 25, 6), пока затруднительна в силу того, что в рассматриваемой выборке он представлен одним экземпляром. Наконечники стрел четвёртого типа – остролистные удлинённые (рис. 25, 7), хотя и представлены двумя экземплярами, но аналогии им известны как в комплексе с территории Северного Кавказа второй половины VIII в. [Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 8, 31, 32], так и в комплексах, относимых к X-XI вв. [Мажитов, 1977. Табл. I, 292; С. 32]. Наконечники пятого типа – ромбические с прорезью и расширением в нижней части (рис. 25, 8-9), по аналогиям в материалах VIII в. могильника Молдовановка [Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 8, 22-24, 27-30] и в материалах второй половины VIII – начала IX вв. могильника Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 2, 8], также могут быть датированы в рамках древностей салтово-маяцкой культуры второй половины VIII – начала IX вв.

Наконечники стрел третьего отдела – квадратные в сечении (рис. 26, 1, 2), находят аналогии в ранних материалах. К ним относятся наконечники VIII в., найденные в комплексах новинковского типа [Багаутдинов, Богачёв,

Зубов, 1998. Рис. 26, 12, 13; Матвеева, 1997. Рис. 115, 5, 6], в погребениях Больше-Тарханского могильника [Генинг, Халиков, 1964. Табл. XII, 17] и материалах финно-угров второй половины VIII – первой половины IX вв. [Генинг, 1962. Табл. XI, 11]. Наиболее близкие и ранние аналогии известны на территории Абхазии и относятся к IV-VII вв. [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 1, 5]. Также один наконечник был встречен в датированном комплексе второй половины VIII в. (у с. Тополи). Исходя из этого, наконечники стрел данного отдела можно датировать второй половиной VIII – началом IX вв.

Наконечники стрел четвёртого отдела – треугольные в сечении (рис. 26, 3-5), находят наиболее близкие аналогии в материалах VIII в. [Комар, 2009. Рис. 2, 7] и в комплексах могильника у аула Казазово, относимых к концу VII – IX вв. [Тарабанов, 1983. Рис. 1, 9; С. 155]. В тоже время аналогичный наконечник найден в комплексе X в. [Могильников, 2002. Табл. 5]. Для более узкой датировки наконечников данного отдела необходимы дополнительные данные.

Датировка наконечников стрел пятого отдела – с ромбовидным в сечении пером (рис. 26, 6), затруднена, так как аналогия известна лишь в Больше-Тиганском могильнике, датирующемся концом VIII – первой половиной IX вв. [Халикова, 1976. Рис. 4, 16; С. 178].

Колчаные крюки были разделены на два отдела – рамчатые и щитковые. Рамчатые крюки были встречены в двух датированных комплексах: в одном из них второй половины VIII в. (Дмитриевский могильник, кат. №5), в другом IX в. (Старосалтовский могильник, кат. №12). Аналогии крючкам данного отдела в Восточной Европе встречаются на Нижнем Дону [Ильюков, 2013. Рис. 3, 8; Ларенок, 2013. Рис. 4, 4] и на Средней Волге [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Рис. 26, 23, 25], в погребениях предсалтовского времени, датированных VIII в. Также аналогии были встречены на Правобережном Цимлянском городище [Плетнёва, 1994. Рис. 40, 37, 40, 41], на городище Маяки [Михеев, 1985. Рис. 30, 3, 4], то есть использовались

населением Хазарского каганата в IX в. Таким образом, колчаные крюки первого отдела (рис. 30, 1-11) применялись на всём протяжении существования салтово-маяцкой культуры.

Из колчаных крюков, отнесённых к отделу щитковых, лишь один был найден в датированном погребении, которое относится ко второй половине VIII в. (Сухогомольшанский могильник, погр. №252). Аналогии щитковым колчаным крюкам известны в подкурганных захоронениях на Нижнем Дону, относимым к VIII в. [Алейников, Кузьмин, 2013. Рис. 3, 11; Безуглов, Науменко, 2007. Рис. 3, 8]. Аналогии крюкам данного отдела с шестиугольной формой щитка известны в катакомбах Верхнечирютовского могильника VIII в. [Магомедов, 1983. Рис. 19, 22; 20, 3] и в комплексе VIII в. Молдовановского могильника [Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 281; Рис. 9, 13], в Галиатском склепе второй-третьей четверти VIII в. [Кадева, 2012. Рис. 2, 5], обломок нижней части крюка с пяти или шестиугольным щитком обнаружен в погребении начала VIII в. могильника Дюрсо [Комар, 2005. Рис. 30, 24]. Ближайшая аналогия колчанному крюку из катакомбы Подгоровского могильника, как представляется, происходит из курганного захоронения второй половины VIII в. у с. Столбище [Афанасьев, 1987б. Рис. 2, 4]. Исходя преимущественно из аналогий, на данный момент следует относить бытование щитковых колчаных крюков (рис. 30, 12-21) в среде рассматриваемого населения ко всему времени существования салтово-маяцкой культуры.

Скобы от колчанов, судя по аналогиям, имеют достаточно широкий хронологический диапазон бытования. Так П-образные скобы были встречены в комплексах конца VII – первой половины VIII вв. [Алейников, Кузьмин, 2013. Рис. 4, 2, 3], VIII в. [Ильюков, 2013. Рис. 3, 6; Ларенок, 2013. Рис. 4, 5; Магомедов, 1983. Рис. 19, 18-21, 23-25; Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 9, 14, 15], в погребении кургана 13 могильника Барановка I с монетой середины VIII в., по которой само погребение относится ко второй половине

VIII в. [Круглов, 1992. Рис. 4, 18]. Скобы такой же формы были характерны для комплексов второй половины VIII – первой половины IX вв. [Генинг, Халиков, 1964. Табл. XIII, 6, 8, 9; Халикова, 1976. Рис. 5, 15], встречались в материалах рубежа X-XI вв. [Мажитов, 1977. Табл. I, 297, 298], а также в комплексах более позднего времени [Фёдоров-Давыдов, 1966. Рис. 4, 8].

Среди учтённых нами датированных погребений были встречены скобы от колчана. Они находились как в комплексах второй половины VIII в. (Дмитриевский могильник, кат. №52 и кат. №55; Сухогомольшанский могильник, погр. №252), так и в комплексах, относящихся к IX в. (Дмитриевский могильник, кат. №87; Старосалтовский могильник, кат. №12). Исходя из вышесказанного, скобы от колчанов на данном этапе изучения не могут использоваться для датировки материалов салтово-маяцкой культуры.

Таким образом, использование аналогий и учёт погребальных комплексов с определённой датировкой, позволили выявить периоды распространения тех или иных предметов вооружения среди населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. Также были установлены датирующие возможности отдельных предметов, относящихся к комплексу вооружения. Следует подчеркнуть, что рассмотренные предметы вооружения и их типы в разной степени могут использоваться в хронологических построениях и для датировки комплексов салтово-маяцкой культуры. Это продиктовано тем, что некоторые типы оружия были достаточно распространены в Восточной Европе на протяжении всего раннего средневековья, другие же, будучи принесёнными на территорию Доно-Донецкой лесостепи переселенцами с Кавказа и Предкавказья, просуществовали лишь некоторое время и в дальнейшем их формы не воспроизводились. На отдельных видах оружия, в частности на топорах, удалось проследить эволюцию, которая, тем не менее, должна быть проверена на более обширной источниковой базе.

Глава III: Социальная структура и состав войска населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.

§1. Социальная структура войска.

Реконструкция социальных отношений является одной из главных целей изучения древних обществ. При этом важнейшей характеристикой развития общества является социальная стратификация. Она означает разделение людей на классы в иерархическом ранге, в основе которого лежит неравномерность распределения прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия и отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества [Коробов, 2003. С. 15]. Источниками для изучения социальной стратификации являются поселенческие и погребальные памятники. При этом погребальные памятники обладают бóльшим потенциалом [Успенский, 2015. С. 205].

Попытки построения социальной стратификации предпринимались и в отношении населения салтово-маяцкой культуры. Постоянной составляющей в таких построениях выступали различия в погребальном инвентаре, в состав которого входили и предметы вооружения.

Пожалуй, первым, кто на основе различий в погребальном инвентаре сделал выводы о социальной структуре населения салтово-маяцкой культуры, был В.А. Бабенко. Основываясь на материалах раскопок Верхнесалтовского могильника, он предположил разделение населения, оставившего могильник на классы [Бабенко, 1911. С. 239]. В частности, он счёл возможным выделить отдельный «военный класс» [Бабенко, 1914. С. 439] по обилию находок оружия и сбруи, различая при этом погребения «военачальников» по наличию богатых сбруйных наборов [Бабенко, 1911. С. 239; Бабенко, 1914. С. 443]. Находки же скорченных захоронений, втиснутых в погребение послужили автору поводом для вывода о существовании рабов в среде населения Верхнесалтовского комплекса

[Бабенко, 1914. С. 443]. Позднее этот тезис был повторен в работах С.А. Плетнёвой [Плетнёва, 1989. С. 273; Плетнёва, 1993. С. 168]. Косвенно в пользу наличия рабов в среде рассматриваемого населения может говорить сообщение Ибн Фадлана о хазарах: что, если кто-либо из предводителей войска предавался бегству, то его семью продавали в рабство [Ковалевский, 1956. С. 147].

Следующей работой, в которой оружие использовалось в определениях социального и имущественного статуса погребённых, является исследование Н.Я. Мерперта [Мерперт, 1955]. Так автор считал возможным относить саблю к показателям высокого ранга погребённого [Мерперт, 1955. С. 139]. Выделение оружия, характерного для «богатых» погребений (сабля) и для менее богатых (кинжал, топор) послужило основой для вывода Н.Я. Мерперта о наличии у населения салтово-маяцкой культуры военных дружин, имевших внутреннюю иерархию [Мерперт, 1955. С. 140]. Однако следует иметь в виду, что исследователь строил свои выводы на материалах раскопок лишь одного могильника – Верхнесалтовского.

Проблема социальной стратификации населения салтово-маяцкой культуры была затронута С.А. Плетнёвой в работе «От кочевий к городам». На основе анализа погребального инвентаря из катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры, мужское население было разделено автором на два класса: земледельцы, ремесленники, беднейшие кочевники; всадники [Плетнёва, 1967. С. 170]. При этом среди всадников были как богатые, так и бедные, что отражалось на составе погребального инвентаря, но обязательной принадлежностью погребений всех воинов был боевой пояс [Плетнёва, 1967. С. 170]. В качестве показателя высокого статуса погребённого С.А. Плетнёва рассматривала саблю, однако отмечала, что во многих «богатых» аланских погребениях воинов сабли отсутствовали [Плетнёва, 1967. С. 157].

Тезис о взаимосвязи богатства убранства воинского пояса и рангом воина был развит С.А. Плетнёвой в последующих работах [Археология СССР, 1981. С. 74; Плетнёва, 1989. С. 280]. Но в последствие некоторыми исследователями трактовка поясной гарнитуры как показателя социального ранга была подвергнута сомнению [Афанасьев, 1993б. С. 141; Флёров, 1993б. С. 128].

Выводы о социальной структуре войска населения салтово-маяцкой культуры содержатся в работе А.В. Крыганова [Крыганов, 1989]. Автор использовал данные из кремационных захоронений населения Доно-Донецкой лесостепи. На основе сопоставления погребального инвентаря А.В. Крыганов разделил войско рассматриваемого населения на две группы, каждая из которых делилась ещё на две подгруппы [Крыганов, 1989. С. 109].

Подробно процедуру выделения социально-экономических групп С.А. Плетнёва изложила в монографии, посвящённой результатам исследования Дмитриевского археологического комплекса. Основными критериями выделения стали погребальный инвентарь, погребальные обряды и устройство погребального сооружения [Плетнёва, 1989. С. 273]. Всего С.А. Плетнёвой было выделено пять категорий для мужского и женского населения, при этом автором был отмечен высокий процент военизации населения [Плетнёва, 1989. С. 273, 276-278]. Согласно наблюдениям С.А. Плетнёвой, наборы оружия характеризуют наиболее богатые захоронения, которые представлены погребениями воинов [Плетнёва, 1989. С. 273]. В целом, по мнению С.А. Плетнёвой, аланы Подонья были на стадии становления раннефеодальных отношений [Плетнёва, 1989. С. 270].

Данные раскопок Дмитриевского комплекса послужили основой для работы С.А. Плетнёвой, специально посвящённой вопросам социальной и имущественной дифференциации населения Дмитриевского комплекса [Плетнёва, 1993]. В статье более детально раскрыты учтённые автором «признаки богатства» погребального инвентаря для мужского населения и

это, прежде всего, набор оружия [Плетнёва, 1993. С. 160]. В данной статье автор акцентирует внимание на факторах, значительно затрудняющих изучение социальной стратификации даже для отдельного памятника [Плетнёва, 1993. С. 170]. В остальном выводы С.А. Плетнёвой повторяют сделанные ей в монографии 1989 г., однако сомнение относительно их корректности высказал Г.Е. Афанасьев [Афанасьев, 1993в. С. 12].

Ряд интересных наблюдений относительно социальных отношений у населения Подонья и Приазовья в VIII-X вв. содержится в отдельной работе В.К. Михеева [Михеев, 1991]. В частности, автор определил Хазарский каганат как раннефеодальное государство, в котором классовое членение не нашло окончательного оформления [Михеев, 1991. С. 47]. Население Подонья находилось в даннической зависимости по отношению к правящему классу Хазарии и эксплуатировалось посредством местной социальной верхушки [Михеев, 1991. С. 47-48]. Это последнее положение заслуживает внимания, так как предполагает обогащение местной знати за счёт организации сбора дани, что влияло на темпы имущественной и социальной стратификации в среде рассматриваемого населения. Однако это касалось лишь знати.

В.С. Флёров в одной из своих работ также отметил, что процессы социального расслоения в Хазарском каганате затронули только верхи общества [Флёров, 1990б. С. 86]. Частично данный тезис был подтверждён в результате исследования социальной структуры населения Маяцкого комплекса, предпринятого В.С. Флёровым [Флёров, 1993б]. При определении статуса погребённых автор учитывал не только состав сопровождающего инвентаря, но и размеры погребений. Автор отметил, что оружие может выступать определённым социальным показателем для мужских погребений, но на Маяцком могильнике предметы вооружения были обнаружены лишь в трёх одиночных мужских захоронениях [Флёров, 1993а. С. 127-128]. Сам факт малоинвентарности катакомб Маяцкого могильника в известной мере

затрудняет выделение социальных групп населения археологически, однако автор на основе анализа погребений пришёл к выводу о социальной однородности «маяцкого населения» [Флёров, 1993а. С. 131]. Более того, В.С. Флёров скептически относится к попыткам изучения социального расслоения на основе различий в наборе приношений [Флёров, 2011. С. 210].

Попытку выявить степень социальной стратификации мужского населения донских алан предпринял Г.Е. Афанасьев [Афанасьев, 1993б]. При анализе автором был учтён материал 130 катакомбных захоронений из пяти катакомбных могильников и катакомб Маяцкого селища [Афанасьев, 1993б. С. 132]. Сравнение проводилось по восьми признакам, соответствующим деталям сопровождающего инвентаря мужских захоронений: конские начальники, остатки конского оголовья, стремяна, наконечники стрел, сабли, боевые топоры, тесла-мотыжки, поясные наборы [Афанасьев, 1993б. С. 133-134]. Причиной выбора именно этих признаков, было то, что они встречены во всех катакомбных могильниках, следовательно, лишены специфики локальной обрядности [Афанасьев, 1993б. С. 133]. В результате анализа погребений автор выделил две основные группы мужского населения, каждая из которых делилась на две подгруппы [Афанасьев, 1993б. С. 142]. Для подтверждения справедливости именно такого деления, Г.Е. Афанасьев обращается к результатам исследования лингвистами алаано-осетинского общества, согласно которым у осетин в древности было два социальных статуса мужчин: алдар – соответствующий знати и афсад – «войско», «масса» [Афанасьев, 1993б. С. 142].

Определённые наблюдения, касающиеся социальной структуры, сделал В.С. Аксёнов, основывавшийся на материалах Сухогомольшанского и Красногоровского могильников [Аксёнов, 1998]. В частности, автор выделил группы воинов по набору и составу оружия, входившего в состав сопровождающего инвентаря, отметив возможную роль конского начальника как внешнего атрибута командного состава [Аксёнов, 1998. С. 40]. Также

В.С. Аксёнов счёл возможным определить характер Красногоровского могильника как дружинного [Аксёнов, 1998. С. 48]. Выявив разницу в уровне вооружённости населения Сухогомольшанского и Красногоровского комплексов, автор объяснил её степенью удалённости от зон конфликтов [Аксёнов, 1998. С. 50].

Таким образом, можно отметить, что в работах, затрагивающих вопросы социальной стратификации населения салтово-маяцкой культуры, оружие и предметы вооружения выступали в качестве одних из основных признаков – показателей имущественного достатка или социального ранга погребённого. В особенности это характерно для мужского населения. Также и при изучении социальной структуры войска, исследователи опирались, прежде всего, на различия в составе наборов вооружения, сопровождавших погребённых воинов.

В своём исследовании мы также исходим из методической посылки, заключающейся в том, что различия в наборе погребального инвентаря в определённой степени отражают различия в социальных рангах, занимаемых погребёнными при жизни. Соответственно, определив степень различия в богатстве наборов, можно выделить группы погребений воинов, занимавших разное место в иерархии войска населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII - начала X вв.

Для определения степени градации погребений на основе различий в погребальном инвентаре были использованы методы многомерного статистического анализа. Впервые для изучения социальной структуры общества, применительно к салтово-маяцкой культуре, методы многомерного статистического анализа были использованы Г.Е. Афанасьевым [Афанасьев, 1993а; 1993б].

Суть методики, разработанной Г.Е. Афанасьевым, заключается в определении специфических черт обряда и вещевого набора, присущих мужским и женским погребениям. После этого при помощи методов

многомерного статистического анализа проводится поиск и выделение иерархической градации погребений [Афанасьев, 1993б. С. 132-136]. В дальнейшем данная методика нашла применение при изучении социальной структуры алан Северного Кавказа [Коробов, 2003. С. 17-20; Коробов, 2016. С. 51], кочевников Восточноевропейских степей X-XIII вв. [Атавин, 2008а] и населения Северо-Западного Кавказа VIII-XIII вв., оставившего кремационные погребения [Успенский, 2015. С. 211-214].

Первым этапом работы по определению социальной структуры войска населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв., стал отбор воинских погребений для последующего анализа. Погребения отбирались в три группы, по различию способа погребения.

На втором этапе были отобраны признаки, соответствующие категориям предметов вооружения, которые могли бы служить показателями социального статуса погребённых. Количество и состав данных признаков также отличаются для погребений с различной обрядностью. Следует лишь указать, что отобранные признаки встречались в погребении как минимум два раза.

На третьем этапе работы отобранные признаки изучались при помощи методов многомерного статистического анализа. В частности, были использованы факторный и кластерный анализы из пакета многомерного статистического анализа программы Statgraphics Centurion XVI.I.

Среди перечня этапов работы отсутствует выделение половозрастных групп. Проблема заключается в том, что не для всех учтённых погребений проводились антропологические определения. Зачастую они давались авторами раскопок, исходя из собственных наблюдений над позой погребённых и составом сопровождающего инвентаря. Соответственно такой подход не исключает ошибок, которые могут повлиять на результаты исследования. С другой стороны факт наличия оружия в некоторых женских

погребениях, позволяет включить их в число воинских захоронений, учитывая их наравне с мужскими погребениями.

Изучение социальной стратификации воинских погребений осуществлялось в соответствии с тремя группами памятников салтово-маяцкой культуры, оставленных населением, практиковавшим различные погребальные обряды: катакомбный, кремационный, ямный.

При исследовании социальной структуры войска населения салтово-маяцкой культуры, оставившего *катакомбные погребения*, для анализа было отобрано 174 комплекса: 12 катакомб Маяцкого селища, 6 из Маяцкого могильника, 61 из Дмитриевского могильника, 38 из Верхнесалтовского, 14 из Ютановского, 25 из Нижнелубянского, 10 из Старосалтовского, 4 из Рубежанского, 3 из Подгоровского и 1 из Афоньевского.

При изучении и учёте погребального инвентаря из катакомб главная трудность состоит в его отнесении к тому или иному захоронению. Причиной этого служат два фактора: во-первых, большинство катакомбных погребений являются коллективными усыпальницами и содержат от двух и более захоронений; во-вторых, многие катакомбы имеют следы повторного проникновения, в результате чего анатомический порядок костяков и положение инвентаря в погребении оказываются нарушенными. По этой причине при составлении выборки катакомбных погребений не учитывались те из них, в которых по упомянутым выше причинам невозможно было определить принадлежность предметов вооружения тому или иному захоронению.

Для анализа социального статуса отобранных воинских погребений использовалось 10 признаков (табл. 15). Из предметов вооружения в них не вошёл кинжал, обнаруженный в погребении №143 Дмитриевского могильника, а также наконечник копья в дромосе не до конца исследованной катакомбы №187 Дмитриевского могильника [Сарапулкин, 2004. С. 32].

Для выяснения вопроса о взаимосвязи выделенных признаков был применён метод факторного анализа. В результате проведения факторного анализа была получена факторная матрица, включающая четыре фактора с сильными межгрупповыми связями между использованными признаками (рис. 31).

- фактор 1 (с собственным значением 3,4): топор, сбруя, стремяна, удила, начальник;
- фактор 2 (1,6): наконечники стрел и детали колчана;
- фактор 3 (1,3): оказался слабозагруженным и включает только остатки лука, представленные костяными и роговыми накладками;
- фактор 4 (1): клинковое оружие и кистень.

Факторный анализ показал, что наиболее сильным является первый фактор, однако для дальнейшего исследования будут использоваться все четыре фактора, так как они имеют высокие собственные значения.

После метода факторного анализа был применён метод кластерного анализа для разбиения исследуемой выборки воинских погребений на классы по степени связи между ними. В результате применения метода кластерного анализа удалось выделить два кластера погребений (рис. 32).

Кластер I составляют погребения с предметами, наполняющими наиболее сильный фактор 1, факторы 2 и 3, отдельный признак фактора 4 (клинковое оружие). Данный кластер может быть разделён на два подкластера: на формирование подкластера Ia наибольшее влияние оказывает фактор 4, а также фактор 2, 3, что касается фактора 1, то следует отметить, что все его признаки, кроме начальника, участвуют в формировании данного подкластера, но наибольшее влияние оказывает только топор, так как сбруя, стремяна и удила встречены всего лишь в четырёх погребениях из 33; на формирование подкластера Ib наибольшее влияние оказывает фактор 1, в особенности такие его признаки как, сбруя, удила, стремяна и начальник. Основное отличие между подкластерами в

частоте встречаемости деталей конского снаряжения, характерного, прежде всего, для подкластера Ib.

Кластер II формируется лишь одним признаком фактора 1 (топор).

Таким образом, результаты кластеризации воинских погребений населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшего катакомбный обряд захоронения, позволяют говорить о существовании двух основных рангов воинов:

– первый ранг – воины, которые были захоронены с различными предметами вооружения и предметами конского снаряжения, данный ранг разделяется на группу пеших и конных воинов;

– второй ранг – воины, вооружённые топором.

К погребениям первого ранга относится 55 погребений, из них 34 к группе пеших воинов и 21 к группе конных. Ко второму рангу относится большинство комплексов, а именно 119 погребений.

В тоже время нельзя не отметить, что погребения выделенных групп первого ранга также являются не однородными, однако что лежало в основе этих различий сказать сложно. Это могли быть как социальные факторы, так и воинские, отражавшие принадлежность воина к определённой категории, например, лучникам и т.д.

Среди комплексов, соотносимых с пешими воинами первого ранга, выделяются катакомба №1 Маяцкого селища, катакомба №25 Нижнелубянского могильника и катакомба №12 Старосалтовского могильника, содержавшие наиболее полные наборы вооружения для погребений данной группы и включавшие клинковое оружие, топоры, наконечники стрел, накладки на лук и детали колчана. Среди погребений конных воинов первого ранга набором предметов вооружения и конского снаряжения выделяется катакомбное захоронение в яме №18 Маяцкого селища, содержавшее все учитываемые предметы кроме кистеня и начальника. Также выделяются захоронения в катакомбе №106

Дмитриевского могильника и катакомбе №5 Подгоровского могильника, в которых помимо предметов вооружения и конского снаряжения, находились начальники.

О роли последних в научной литературе существует достаточно устоявшееся мнение. Г.Е. Афанасьев считает, что они присущи погребениям представителей элиты [Афанасьев, 1993б. С. 140], В.С. Аксёнов предполагает использование начальника в качестве наиболее яркого внешнего атрибута командного состава [Аксёнов, 1998. С. 40]. Также П.С. Успенский считает начальники маркерами наиболее высокого социального ранга [Успенский, 2015. С. 215]. Из учтённых погребений лишь два вышеназванных комплекса подтверждают роль начальника как маркера захоронения представителя социальной верхушки. Однако погребение в катакомбе №4 Верхнесалтовского могильника из раскопок 1910 г. с предметами конского снаряжения, в том числе и начальником, из оружия содержало лишь топорик. Также и в катакомбе №25 Верхнесалтовского IV могильника из оружия был обнаружен лишь топорик, но в тайничке находились начальник с предметами конского снаряжения [Аксёнов, 2005б. С. 247]. Эти примеры на наш взгляд не позволяют рассматривать начальник в качестве безусловного маркера захоронений представителей верхушки воинской иерархии. Но в целом, следует сказать, что предметы конского снаряжения, как правило, являются показателем более богатых погребений первого ранга.

Погребения второго ранга однообразны по составу инвентаря и объединяют комплексы, в которых из предметов вооружения находился лишь боевой топор. Погребения данного ранга мы склонны интерпретировать как захоронения представителей ополчения, то есть мужчин имевших право носить оружие, но не являвшихся профессиональными воинами. Под последними подразумеваются воины, входившие в состав дружин и состоявшие в гарнизоне крепостей, то есть нёсшие постоянную службу, в отличие от ополчения, привлекавшегося лишь

в экстренных случаях. В связи с этим следует отметить вывод А.А. Сланова о том, что регулярные войска у алан формируются в VII-IX вв., но под началом различных феодалов продолжали находиться сильные дружины [Сланов, 2007. С. 26].

Безусловно, полученная схема отражает лишь общие принципы социальной иерархии войска населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв., практиковавшего катакомбный обряд погребения. Основной причиной является то, что за рамками исследования остались коллективные погребения в катакомбах, инвентарь которых в ходе вторичного проникновения был сильно перемешан. Также следует учитывать влияние погребальных и постпогребальных обрядов, в ходе которых некоторые предметы вооружения могли быть не помещены в погребение или изъяты из него. Однако представленная выборка погребений нивелирует такие частные случаи, достоверно отражая общие принципы социальной иерархии воинских захоронений.

Социальная дифференциация воинских захоронений населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшего катакомбный обряд погребения, требует сравнения с результатами изучения погребений донских и кавказских алан. Но при этом следует учитывать тот факт, что в работах Г.Е. Афанасьева и Д.С. Коробова выводы касались всего мужского населения, а не только воинов.

Полученная двухранговая система деления воинских погребений находит соответствие с результатами изучения мужских погребений донских алан [Афанасьев, 1993б. С. 142]. Однако Г.Е. Афанасьев в своём исследовании использовал и мужские погребения без предметов вооружения, содержавшие лишь мотыжку или детали поясной гарнитуры. Также двухранговая система была получена Д.С. Коробовым при изучении социальной структуры мужской части аланского населения Кисловодской котловины в первой половине VIII в. [Коробов, 2003. С. 253].

Выборка *кремационных* погребений населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. включает 50 комплексов: 25 из могильника Сухая Гомольша, 3 комплекса в 1 км. от Сухой Гомольши, 1 комплекс у Сухой Гомольши, 4 погребения из Красногоровского могильника, 4 из Кочетокского могильника, 3 из могильника Кицевка, 3 из могильника Лысый Горб, 2 комплекса из Государева Яра, 2 из Новопокровского могильника, 1 комплекс у с. Кочеток, 1 у с. Тополи и 1 у с. Пятницкое.

Для анализа погребений использовалось 11 признаков (табл. 15). Из числа предметов вооружения в состав признаков не вошёл кинжал, найденный в составе комплекса у с. Тополи.

После проведения факторного анализа была получена факторная матрица, включающая четыре фактора с сильными межгрупповыми связями между использованными признаками (рис. 33).

– фактор 1 (имеет собственное значение 3,5): клинковое оружие, наконечник копья, стремяна, удила;

– фактор 2 (1,5): наконечники стрел, детали колчана, сбруя;

– фактор 3 (1,2): оказался слабозагруженным, к нему относится только топор;

– фактор 4 (1,1): накладки на лук, начельник.

Факторный анализ показал, что наиболее сильным является первый фактор, однако для дальнейшего исследования будут использоваться все четыре фактора, так как они имеют высокие собственные значения. Однако кистень получил отрицательную факторную нагрузку во всех факторах, поэтому данный признак не будет использован при проведении кластерного анализа.

Методом кластерного анализа изучаемая выборка воинских погребений была разделена на два кластера (рис. 34).

Кластер I составляют погребения с предметами, входящими в состав наиболее сильных факторов 1 и 2, в меньшей степени факторами 3 и 4.

Кластер II формируется признаками фактора 1, в особенности наконечником копья, стременами и удилами, влияние клинкового оружия крайне слабо, так как оно встречено лишь в одном погребении из 33. Также в формировании кластера принимают участие признаки факторов 2, 3 и 4. Влияние признака «начальник» крайне слабо, он встречен лишь в одном погребении. Данный кластер может быть разделён на два подкластера: наибольшее влияние на формирование подкластера IIa оказывают признаки фактора 1 (наконечник копья), фактора 2 (наконечники стрел, детали колчана), фактора 3 и 4 (лук); подкластер IIб формируется признаками фактора 1 (наконечник копья, стремя, удила), фактора 2, в том числе и сбруей, фактора 3 при слабом влиянии фактора 4. Основное отличие между подкластерами наблюдается в распространённости деталей конского снаряжения, характерного для подкластера IIa.

Результаты кластеризации воинских погребений населения салтовомаяцкой культуры, практиковавшего обряд трупосожжения, позволяют говорить о существовании двух основных рангов воинов:

– первый ранг – конные воины, вооружённые саблей, копьём, топором и луком со стрелами;

– второй ранг – пешие и конные воины, в набор вооружения которых входило, как правило, один два вида оружия, представленных топором, копьём и луком со стрелами.

Погребения первого ранга включают 17 комплексов. Ко второму рангу относится 33 погребения, 20 из них к группе «пеших» воинов, 13 к группе конных.

Среди комплексов первого ранга выделяется три погребения с начальниками: погребение №101 Красногоровского могильника, погребение №175 Сухогомольшанского могильника и погребение №1 могильника Лысый Горб. В двух последних находилось также по два наконечника копья, одно ромбическое в сечении и одно плоское. В комплексах встречаются

начальники без наконечников копий (погребение №216 Красногоровского могильника), и два наконечника копья без начальника (погребения №150 и №254 Красногоровского могильника; погребение №252 и комплекс XVI Сухогомольшанского могильника; комплекс №3 в 1 км. от Сухой Гомольши; комплекс у Сухой Гомольши). Возможно, именно сочетание этих двух признаков, начальника и двух наконечников копий, маркирует захоронения воинских начальников. Практически все погребения первого ранга имеют в составе от двух и более видов вооружения, исключение составляют два комплекса, содержащих сабли и наборы конского снаряжения (комплекс I Сухогомольшанского могильника и комплекс 1 Новопокровского могильника).

Погребения второго ранга делятся на две группы. Первая из них (IIa) по преимуществу объединяет погребения пеших воинов, лишь в пяти из двадцати комплексов были найдены детали сбруи или стремяна (погребение №6 и комплекс XVI Сухогомольшанского могильника; погребения №1, №3 и №5 могильника Кицевка). Также данная группа отличается тем, что в большинстве её погребений находится по одному виду оружия, исключение составляют три комплекса, содержащих топор и наконечник копья (погребение №233 и комплекс XVI Сухогомольшанского могильника; погребение №3 Кочетокского могильника). Вторая группа (IIб) состоит из погребений конных воинов, все комплексы включают детали конского снаряжения. Половина погребений содержит два вида оружия. Основное различие между группами второго ранга наблюдается в наличии деталей конского снаряжения и в количестве видов оружия в комплексах.

Таким образом, можно говорить о существовании двух основных рангов воинов у населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв., практиковавшего обряд трупосожжения. Однако нельзя не отметить, что мы не можем чётко разделить кремационные погребения на две резко отличающиеся группы профессиональных воинов и «ополчения», как

это удалось для катакомбных погребений. В этом смысле практически все кремационные воинские погребения можно относить к захоронениям профессиональных воинов. Основное различие между которыми наблюдалось не столько в наличие или отсутствии деталей конского снаряжения, сколько в составе предметов вооружения и их количестве. Хотя и для кремационных погребений характерна принадлежность комплексов с конским снаряжением к более богатым.

Полученные результаты могут быть сравнены с результатами изучения социальной стратификации мужских погребений населения Северо-Западного Кавказа VIII – X вв., практиковавшего обряд трупосожжения. В частности, среди мужских погребений Северо-Западного Кавказа также выделяются два ранга, в основе выделения которых лежит место погребённого в системе воинской организации [Успенский, 2015. С. 214]. Однако главным отличием двух рангов было наличие в погребении конского снаряжения, соответственно П.С. Успенский получил схему не столько социальной стратификации, сколько военной, отражавшей деление на пеших и конных воинов. Выше уже отмечалось, что конское снаряжение характерно, как правило, для более богатых комплексов. Но в исследуемой выборке детали конского снаряжения встречены в 35 погребениях (70%), что не позволяет считать этот признак социальным маркером, в отличие от катакомбных погребений, в которых детали конского снаряжения находились в 25 комплексах (14%). Поэтому считаем более корректным проводить разделение изучаемой выборки воинских погребений на основе различий в составе предметов вооружения и их количестве.

В то же время нельзя не согласиться с П.С. Успенским в том, что часть комплексов без предметов конского снаряжения в кремационных погребениях могла являться захоронениями воинов-всадников, для которых не было предусмотрено право помещения в погребение конской упряжи в силу причин ритуального или иного характера [Успенский, 2015. С. 215].

Перейдём к исследованию выборки *ямных* погребений населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв., которая включает 49 комплексов: 28 из Нетайловского могильника, 1 с территории селища Нетайловка 2, 9 из Ржевского могильника, 4 из биритуального Красногоровского могильника, 3 из Мандровского, 2 с территории Маяцкого селища, 1 из Волоконовского могильника и 1 из Нижнелубянского.

Для многомерного статистического анализа погребений использовалось 10 признаков (табл. 15). Из числа предметов конского снаряжения в состав признаков не вошёл начальник, обнаруженный в погребении №482 Нетайловского могильника.

В результате проведения факторного анализа была получена факторная матрица, включающая четыре фактора с сильными межгрупповыми связями между использованными признаками (рис. 35).

- фактор 1 (имеет собственное значение 2,6): наконечник копья, сбруя, стремяна, удила;
- фактор 2 (1,7): наконечники стрел, накладки на лук;
- фактор 3 (1,2): клинковое оружие, детали колчана;
- фактор 4 (1,1): топор и кистень.

По результатам факторного анализа следует сделать вывод, что наиболее сильными являются первые два фактора. Незагруженных факторов не выявлено, поэтому в дальнейшем целесообразно использовать все четыре фактора.

После проведения факторного анализа исследуемая выборка изучалась методом кластерного анализа (рис. 36). В итоге имеющиеся погребения удалось разделить на два кластера.

Кластер I составляют погребения с предметами, входящими, прежде всего, в состав наиболее сильных факторов 1 и 2, а также фактора 3 (сабля). Признаки фактора 4 слабо повлияли на формирование кластера.

Кластер II формируют погребения с отдельными предметами всех четырёх факторов. Однако сбруя, стремяна и удила оказали слабое влияние, будучи встречены в 5 погребениях из 28, при сильном влиянии такого признака, как наконечник копья. Также слабое влияние на формирование кластера оказали признаки фактора 3, например, сабля встречена в 4 погребениях из 28, а детали колчана вовсе отсутствовали в комплексах данного ранга.

Кластеризация воинских погребений населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшего обряд труположения в ямах, позволяет выделить два основных ранга воинов:

– первый ранг – конные воины, вооружённые копьём, саблей, топором и луком со стрелами;

– второй ранг – в массе своей пешие воины, в набор вооружения которых входили копьё, топор, кистень, лук со стрелами, редко сабля.

К первому рангу относится 22 погребения. Погребения второго ранга включают 27 комплексов.

Среди погребений первого ранга выделяются два комплекса: №150 и №264 Красногоровского могильника, которые содержали наиболее полные наборы вооружения, содержавшие саблю, топор, копьё, лук со стрелами и детали конского снаряжения. Большинство погребений, а именно 13 (59%) комплексов, помимо конского снаряжения содержали один вид оружия. Редко в комплексах находилось по два вида оружия (5 случаев), ещё реже по три и четыре (4 случая).

Выборка погребений второго ранга выглядит более однородно по сравнению с погребениями первого ранга (рис. 36). Подавляющее большинство комплексов данного ранга, представленное 22 (81%) погребениями, содержали 1 вид оружия. В оставшихся пяти погребениях было встречено по 2 (4 случая) и 3 (1 случай) вида оружия. В частности,

следует выделить погребение №376 Нетайловского могильника, в котором находилось клинковое оружие, кистень и наконечники стрел.

Проведённый анализ позволяет говорить о существовании в войске населения, практиковавшего ямный обряд погребения, двух рангов, основное различие между которыми наблюдается в их принадлежности конным или пешим воинам. Также погребения первого ранга чаще сопровождались двумя и более видами оружия, чем погребения второго ранга.

Однако следует признать, что полученные результаты для населения, практиковавшего обряд трупоположения в ямах, обладают большой долей субъективности. Причиной этому является разбросанность ямных могильников по территории Доно-Донецкой лесостепи: одни из них располагались глубоко в лесостепи, другие ближе к границе степи и лесостепи, и хотя бы этим могло быть продиктовано преобладание захоронений пеших воинов в первом случае и конных во втором. Также, судя по составу погребального инвентаря, не всё население, оставившее ямные погребения, было одинаково вовлечено в выполнение воинских функций. Здесь следует сравнить хотя бы Волоконовский могильник и Ржевский, располагавшиеся недалеко от катакомбных могильников (Нижнелубянского-Ютановского и Дмитриевского), в погребениях которых достаточно часто находились предметы вооружения. Так на территории Волоконовского могильника было исследовано 28 погребений и лишь в одном было найдено оружие – кистень [Плетнёва, Николаенко, 1976. С. 291], в то время как на Ржевском могильнике оружие находилось в 9 погребениях из 41 исследованного, то есть практически в каждом пятом, причём оружие представлено саблями, наконечниками копий и т.д. Хотя нельзя исключать здесь и действие разных погребальных традиций, продиктованных различной этнической принадлежностью групп населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшего обряд трупоположения в ямах. Также в нашей выборке учтено 8 погребений, которые располагались на территории катакомбных

могильников (Маяцкое селище, Верхнесалтовский, Нижнелубянский) и биритуального (Красногоровский), на состав инвентаря которых могли соответственно повлиять традиции населения, практиковавшего обряд трупоположения в катакомбах и трупосожжения. Исходя из этого, мы не можем рассматривать воинские погребения, совершённые в ямах, как одно целое.

Всё это позволяет лишь с большой долей условности распространять результаты социальной стратификации войска на всё население салтово-маяцкой культуры, оставившее ямные погребения на территории Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.

В результате предпринятого исследования социальной дифференциации воинских захоронений была выявлена двухчастная структура, характерная для населения, практиковавшего катакомбный, кремационный и ямный обряды погребения. Однако в случае с катакомбными погребениями помимо группы «профессиональные воины» удалось выявить группу «ополчение», характеризующуюся большой численностью и стабильным составом вооружения, представленного одним топором. Группа «ополчение» отсутствовала у носителей кремационного и ямного обрядов, у которых все воинские погребения принадлежали группе «профессиональные воины».

Также нельзя не отметить разницы в принципах деления группы «профессиональные воины». Для населения, практиковавшего катакомбный обряд погребения, основным признаком деления является факт наличия или отсутствия в комплексе деталей конского снаряжения. В случае же с кремационными погребениями, на наш взгляд, главным признаком выступают различия в составе набора оружия. Что же касается ямных погребений, то с известной долей условности, обусловленной указанными выше причинами, основным признаком деления воинских захоронений

следует признать, как и в случае с катакомбными, факт наличия или отсутствия в комплексе деталей конского снаряжения.

В целом, указанная система социальной дифференциации и её признаки находят соответствие в материалах кавказских алан и населения Северо-Западного Предкавказья VIII-X вв., практиковавшего обряд трупосожжения.

§2. Состав войска и тактика ведения боя.

В специальной литературе содержатся разные точки зрения относительно состава войска населения салтово-маяцкой культуры.

Первым попытку охарактеризовать состав салтовского войска предпринял В.А. Бабенко. Основываясь на результатах раскопок Верхнесалтовского могильника, он предположил наличие пехоты, вооружённой топорами и кинжалами, в войске салтово-маяцкой культуры [Бабенко, 1914. С. 443]. Позднее Н.Я. Мерперт, также характеризуя войско населения Верхнесалтовского комплекса, отметил, что его основу составляли конные воины, а к выделению пехоты по находкам топоров в погребениях автор отнёсся скептически [Мерперт, 1955. С. 142-143].

Основываясь на более широкой источниковой базе, а именно на данных раскопок нескольких катакомбных могильников Подонья (Верхнесалтовский, Дмитриевский, Подгоровский), С.А. Плетнёва определила воинов населения, оставившего эти могильники, как «воинов-всадников» [Плетнёва, 1967. С. 170]. Детали вооружения и воинского снаряжения, бытовавшие в среде салтовского населения, С.А. Плетнёва посчитала типичным комплексом воинов-всадников [Археология СССР..., 1983. С. 74]. А, исходя из изображений воинов на блоках из стен Маяцкой крепости, С.А. Плетнёва предположила наличие в войске «алано-болгар» тяжёловооружённых всадников, которые пользовались в бою копьём и саблём [Плетнёва, 1984. С. 92].

А.В. Крыганов, описывая войско «алан» Подонья, указал на то, что большую его часть составляли пешие воины [Крыганов, 1993. С. 60]. Войско же части населения салтово-маяцкой культуры, практиковавшей кремационный обряд погребения, автор определил как конное, но с наличием пехоты [Крыганов, 1989. С. 110]. Если же говорить в целом о населении салтово-маяцкой культуры, то войско носителей катакомбного обряда погребения А.В. Крыганов охарактеризовал как пешее при наличии всадников, а войско носителей ямного и кремационного обрядов, как преимущественно конное [Крыганов, 2012. С. 146].

Также А.В. Крыганов обратил внимание на незначительное количество находок оружия дальнего боя у населения, практиковавшего обряд трупосожжения, при большом количестве оружия ближнего боя. Автор связал это с оседанием кочевников на землю и, следовательно, переходом от тактики набегов к сражениям за сохранение экономической базы [Крыганов, 1989. С. 113]. Таким образом, была сделана попытка на материале предметов вооружения проследить процесс седентаризации, затронувший часть населения Хазарского каганата в VIII-X вв.

Необходимо отметить, что выводы В.А. Бабенко и Н.Я. Мерперта, сделанные на основе материалов Верхнесалтовского могильника, нельзя распространять ни на население салтово-маяцкой культуры в целом, ни на носителей катакомбного обряда погребения в Доно-Донецкой лесостепи. Отчасти это относится и к взглядам С.А. Плетнёвой. Более взвешенный подход содержится в работах А.В. Крыганова, предпочитавшего рассматривать состав войска отдельно для носителей различной погребальной обрядности в рамках салтово-маяцкой культуры.

Однако следует сказать, что указанные авторы сосредотачивались, прежде всего, на вопросе о доле пеших или конных воинов в составе войска. Наборы вооружения, как правило, только фиксировались без попыток выявления их специфики для различных групп населения салтово-маяцкой

культуры. Хотя за этой спецификой, на наш взгляд, кроются отличия в воинских традициях, в способах ведения боя.

Основой для изучения наборов вооружения является сопровождающий инвентарь погребений. При этом нами допускается возможность того, что нахождение оружия в погребениях не всегда было связано с правом собственности и принадлежало погребённому при жизни. Иначе говоря, наборы оружия из погребений не всегда являются аналогичными тем наборам, которые принадлежали воинам при жизни. Это допущение было отмечено также иными исследователями [Кирпичников, 1971. С. 41; Крыганов, 1989. С. 112]. Часто некоторые виды оружия могли не помещаться в погребение или заменяться символами, исходя из обрядовых особенностей [Кирпичников, 2007. С. 318]. Тем не менее, статистический анализ погребального инвентаря, содержавшего предметы вооружения, способен, на наш взгляд, выявить вполне реальные для изучаемого времени наборы вооружения воинов.

Данные о встречаемости предметов вооружения и деталей конской сбруи были сведены в таблицы, отдельно для каждого из обрядов погребения. При этом некоторые предметы были объединены в блоки. Так сабли, палаши и мечи в виду отсутствия различий в сопровождающем их инвентаре, объединены в блок «клинковое оружие». Накладки на лук, наконечники стрел и детали колчанов в блок «дистанционное оружие». Украшения сбруи, стремяна, удила, начельники входят в блок «упряжь».

Наборы вооружения рассматриваются отдельно для населения, оставившего катакомбные, ямные и кремационные погребения. Делается это с целью выделения специфики наборов вооружения для каждого из обрядов, а затем выделения общих черт, присущих в целом населению северо-западных территорий Хазарского каганата.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание при анализе катакомбных погребений, это невысокий процент комплексов с деталями

упряжи. Упряжь была обнаружена в 25 погребениях из 174, то есть в 14% учтённых погребений. Что позволяет говорить о преимущественно пешем составе войска населения, оставившего катакомбные могильники. Наиболее распространённым оружием в комплексах с упряжью оказался топор, обнаруженный в 16 погребениях. Следовательно, на более широкой источниковой базе находит подтверждение предположение Н.Я. Мерперта о возможности применения топоров всадниками, сделанное им на основе материалов Верхнесалтовского могильника [Мерперт, 1955. С. 143].

Наиболее распространённым видом оружия рассматриваемого населения был топор, встреченный в 155 погребениях, что составляет почти 89%. При этом в 126 случаях топор был единственным оружием при погребённом, а в 7 из них сопровождался деталями упряжи.

Вторым по распространённости после топоров было дистанционное оружие, обнаруженное в 33 погребениях (19%), то есть почти в каждом пятом из учтённых. При этом в 11 случаях дистанционное оружие было единственным в погребении, что позволяет предположить существование лучников, преимущественно пеших, так как только в двух погребениях из одиннадцати обнаружены детали упряжи. Наличие пеших лучников в войске рассматриваемого населения подтверждается изображениями на блоках Маяцкой крепости [Флёрова, 1997. Табл. II, 27, 30]. Также, например, наличие как конных, так и пеших лучников фиксируется изображениями Сулекской писаницы применительно к войску хакасов [Евтюхова, 1948. Рис. 189].

К лучникам мы склонны относить ещё 12 погребений, в которых дистанционное оружие сопровождалось топором, при этом в шести из них находилась упряжь. Топор же предназначался на случай ближнего боя. Таким образом, для 23 погребений, то есть для 13% из учтённых, мы предполагаем наличие специализации «лучник».

Что касается клинкового оружия, то оно встречено в 21 погребении – 12%. Заслуживает внимания отсутствие связи между находками в погребении клинкового оружия и деталей упряжи. Всего лишь восемь клинков находились в комплексах с деталями конского снаряжения, то есть 38%. Если не все, то большая часть оставшихся захоронений с клинками могла принадлежать пешим воинам. В связи с этим следует упомянуть замечание П.С. Успенского, сделанное на основе изучения кремационных погребений Северо-Западного Кавказа VIII-XIII вв., о том, что сабля не являлась исключительным атрибутом воина-всадника и могла использоваться пешими воинами [Успенский, 2015. С. 215], а также наблюдение У.Ю. Кочкарова, считающего, что сабли VIII-X вв. могли использоваться как пешими, так и конными воинами [Кочкаров, 2008. С. 39]. По замечанию А.А. Сланова раннеаланские сабли были равнопригодны как для конного, так и для пешего боя [Сланов, 2010. С. 51]. Однако Н.Я. Мерперт относил саблю преимущественно к оружию лёгкой конницы [Мерперт, 1955. С. 142].

Менее распространённым оружием оказались кистени, встреченные в 6 (3%) случаях. При этом большинство из них, а именно 5 экземпляров, найдены в комплексах без деталей конской упряжи. Во всех погребениях кистени сопровождалась иным оружием, что говорит о применении данного оружия в качестве дополнительного. Подобный вывод был сделан также на материале волжских болгар VIII – X вв. [Измайлов, 1989. С. 114].

Кинжал, был обнаружен лишь в одном погребении. Наконечник копья также найден в дромосе одной катакомбы, погребальная камера которой не раскапывалась, поэтому нет информации о предметах, которые были найдены в комплексе с данным наконечником.

Наиболее сильные связи в наборах вооружения наблюдаются в паре топор – дистанционное оружие (22 случая), несколько меньше клинковое оружие – топор (13 случаев) и клинковое оружие – дистанционное оружие

(11 случаев). Корреляция предметов вооружения приведена в таблице (табл. 16).

Таким образом, войско населения салтово-маяцкой культуры, оставившее катакомбные погребения, можно охарактеризовать как преимущественно пешее с присутствием конницы, что подтверждается, например, антропологическими данными по специфике травм населения Маяцкого комплекса [Бужилова, 1995. С. 75]. Наиболее распространённым оружием, как среди пеших, так и среди конных воинов был топор. Статистически на материалах погребений данного населения не подтверждается отождествление погребений, сопровождавшихся саблями, с погребениями конных воинов. Это позволяет допустить использование раннесредневековых сабель пешими воинами. Не удалось выделить каких-либо устойчивых наборов оружия, позволивших бы говорить о существовании развитой специализации воинов. Единственным исключением являются погребения лучников, по приблизительным подсчётам составлявших порядка 13% войска.

При рассмотрении погребений, совершённых по обряду кремации, и связанных с ними поминальных комплексов (всего 50), заслуживает внимания высокий процент захоронений, сопровождаемых деталями конской упряжи. Они составляют 35 погребений, иначе говоря, 70% от исследуемой выборки.

В целом, наиболее распространённым оружием у рассматриваемого населения был топор, встреченный в 27 (54%) погребениях. При этом в 20 случаях топоры находились в комплексах с деталями конской упряжи, то есть были характерны для конных воинов.

Наконечники копий обнаружены в 23 (46%) погребениях. Копья, как и топоры, входили в состав вооружения конных воинов, так как 19 из 23 наконечников копий находились в комплексах с деталями конской упряжи.

Клинковое оружие было найдено в 16 погребениях, что составляет 32%. Следует обратить внимание, что все клинки были обнаружены в комплексах с деталями конской упряжи. Иначе говоря, для населения Доно-Донецкой лесостепи, практиковавшего обряд трупосожжения, клинки являлись оружием исключительно конных воинов.

В 19(38%) погребениях находились остатки дистанционного оружия. При этом в 8 погребениях это было единственное оружие и в 2 сопровождалось топором, то есть 10(20%) погребений мы можем отнести к лучникам.

Менее распространёнными видами оружия среди рассматриваемого населения были кинжал, обнаруженный в одном комплексе, и кистени, сопровождавшие 6 (12%) погребений. Кистени были найдены в комплексах с деталями конской сбруи и без них, при этом в большинстве случаев, а именно в 5, кистень являлся единственным оружием в погребении.

Среди предметов оружия наиболее сильной оказалась связь топоров и наконечников копий (15 случаев), немногим меньше клинкового оружия и наконечников копий (13 случаев) (табл. 17).

Исходя из вышесказанного, войско населения Доно-Донецкой лесостепи, практиковавшего обряд трупосожжения, можно определить как конное, с небольшой частью пехоты. Оружием пеших воинов чаще всего был топор и дистанционное оружие. Конные воины практически в равной степени были вооружены топорами, копьями, клинковым и дистанционным оружием. При этом наконечники копий всегда сопровождалось иным оружием ближнего боя (топор, клинковое оружие). Однако устойчивых наборов, как и в случае с катакомбными погребениями, для кремаций не удалось выявить. Исключением являются лучники, составлявшие порядка 20% войска рассматриваемого населения.

При рассмотрении наборов вооружения из ямных погребений, нужно учитывать, что в своей работе мы стремимся в целом охарактеризовать

состав войска населения, оставившего как ямные могильники, так и отдельные ямные погребения в Доно-Донецкой лесостепи. При этом мы допускаем, что на наборы из ямных погребений, совершённых на территории Маяцкого селища и Нижнелубянского катакомбного могильника могли оказать влияние традиции носителей катакомбного обряда погребения. То же относится к ямным погребениям биритуального Красногоровского могильника, которые (если не все, то какая-то их часть) могли быть совершены с учётом погребальных традиций обряда трупосожжения, нашедших отражение и в составе вооружения.

Анализируя состав погребального инвентаря ямных захоронений (всего 49) с оружием, следует отметить, что в 27 погребениях находились детали конского снаряжения, то есть в 55%.

Наиболее распространённым оружием в захоронениях населения, практиковавшего ямный обряд погребения, были наконечники копий, обнаруженные в 30 (61%) погребениях. В отличие от кремационных погребений здесь мы наблюдаем более высокий процент погребений с наконечниками копий, но без деталей упряжи – 11 из 30, то есть 37%.

В 19 (39%) погребениях, было найдено дистанционное оружие. В 10 случаях это было единственное оружие в комплексе. При этом в пяти из этих десяти погребений дистанционное оружие сопровождалось деталями конской упряжи. Следовательно, мы можем говорить о принадлежности этих 10 (20%) погребений лучникам.

Клинковое оружие встречено в 9 (18%) погребениях. Из них в 6 случаях оно было найдено в комплексах с деталями упряжи. В данном случае мы не можем полностью исключать возможность применения клинкового оружия, в частности раннесредневековых сабель, пешими воинами.

Слабое распространение в военной среде рассматриваемого населения, в отличие от двух предыдущих групп, получили топоры, обнаруженные всего лишь в 7 (14%) погребениях. Традиционно оказались слабо распространены

кистени, найденные в 7 погребениях, то есть в 14%, что сближает этот показатель с данными по кремационным погребениям. При этом кистени находились в комплексах, как с деталями конской упряжи, так и без них. В трёх случаях кистень был единственным оружием в погребении, чем объясняется его слабая корреляция с другими видами оружия и конской упряжью (табл. 18).

Таким образом, войско населения, практиковавшего ямный обряд погребения, состояло преимущественно из конных воинов. Однако не малую роль в составе войска играла и пехота. Основным оружием всадников были копья и дистанционное оружие, реже клинковое оружие и топор. В наборе оружия пеших воинов также чаще всего были встречены наконечники копий и дистанционное оружие, в состав набора входили топоры и клинковое оружие. Кистень был на вооружении как пеших, так и конных воинов.

Рассмотрев состав войска и наборы вооружения в отдельности для населения салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкой лесостепи, представленного носителями катакомбного, кремационного и ямного обрядов погребения, удалось выявить как общие черты, так и различия. Следует остановиться на них подробнее.

Войско населения, практиковавшего катакомбный обряд погребения, было в большей степени пешим, с небольшим количеством конных воинов. В то время как войско населения, оставившего кремации, было конным, но с небольшой долей пехоты. В этом смысле состав войска является более определёнными для носителей катакомбного и кремационного обрядов погребения, по сравнению с населением, практиковавшем ямный обряд погребения.

Состав войска «ямников» выглядит в данном случае эклектичным. Причиной этого, на наш взгляд, могло оказаться переселение части данного населения из степной полосы в лесостепь, где оно оказалось в иной культурной среде, в ситуации «вынужденных апокрицев» [Красильников,

2012. С. 43; Красильников, 2016. С. 122]. Об этом говорит и анализ пространственного распределения основных типов погребений салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона, показавший, что отдельные ямные погребения и могильники встречаются во всех выделенных авторами ареалах [Афанасьев, Добровольская, Коробов, Решетова, 2015. С. 68]. Соответственно, данное население могло испытывать влияние со стороны носителей катакомбного и кремационного обряда погребения.

Также объяснением упомянутой эклектичности может служить разноэтничный состав населения, оставившего ямные погребения в Доно-Донецкой лесостепи. Так в среде данного населения исследователи выделяли различные этнические компоненты, помимо болгарского: восточно-кавказский [Аксёнов, 2012в. С. 24], угорский [Сарапулкин, 2006. С. 204], тюрко-угорский [Аксёнов, Лаптев, 2014. С. 29]. Антропологические данные также не позволяют отнести весь пласт ямных погребений к одной, какой-либо конкретной этнической общности [Решетова, 2015. С. 133]. Различия между ямными могильниками наблюдаются и в керамическом комплексе [Сарапулкин, 2003. С. 172]. В связи с этим считаем необходимым сделать оговорку, что рассмотрение всего массива ямных погребений без учёта их специфики, в которой могли найти отражение этно-культурные различия носителей ямного обряда погребения, могло сказаться на объективности полученных нами результатов анализа состава войска. Однако районирование групп ямных могильников на основе отличий в чертах погребальной обрядности началось не так давно и является темой отдельного исследования.

Самым распространённым оружием в среде носителей катакомбного обряда погребения были топоры, использовавшиеся как пешими, так и конными воинами. Также топоры чаще всего были найдены и в кремационных погребениях, однако, практически наравне с ними в погребениях встречались и наконечники копий. В то время как в ямных

погребениях наиболее распространённым оружием были наконечники копий, фактически отсутствовавшие у носителей катакомбного обряда.

Топоры были встречены в комплексах с деталями конской упряжи и без неё, что говорит об их применении пешими и конными воинами. Данное наблюдение справедливо в целом для населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. Большинство наконечников копий также находились в комплексах как с деталями конской упряжи, так и без неё. При этом находки наконечников копий в комплексах без деталей конской упряжи наиболее характерны для ямных, а не кремационных погребений. О присутствии в войске рассматриваемого населения пеших воинов, вооружённых копьями, косвенно свидетельствует изображение на блоке Маяцкой крепости (рис. 38, 2).

Также широкое применение у населения Доно-Донецкой лесостепи имело дистанционное оружие. Особенно распространено оно было у носителей ямного обряда погребения и в нашей выборке присутствовало в каждом втором погребении. Несколько меньшее распространение оно получило у носителей кремационного обряда. Также детали дистанционного оружия были встречены практически в каждом пятом катакомбном погребении в представленной выборке. Для носителей всех трёх обрядов погребения было характерно использование лука со стрелами, как пешими воинами, так и всадниками. Изображение воинов-лучников обнаружены на меловых блоках Маяцкой крепости (рис. 37, 2; 38, 1).

Клинковое оружие наибольшее распространение получило в войске носителей кремационного обряда, где всегда находилось в комплексах с деталями конской упряжи, то есть являлось оружием всадников. На территории распространения салтово-маяцкой культуры известны изображения всадников, вооружённых клинковым оружием: на костяном реликварии, обнаруженном у городища Маяки; на меловом блоке Маяцкой крепости (рис. 37, 1, 2). Меньшего распространения клинковое оружие имело

среди населения, практиковавшего ямный и катакомбный обряды погребения соответственно. При этом в ямных и катакомбных захоронениях клинковое оружие не всегда сопровождалось конской упряжью и, исходя из этого, могло быть на вооружении пеших воинов. Косвенно об этом может свидетельствовать сцена боя всадника, вооружённого копьём, и пешего воина с клинковым оружием, изображённая на костяном реликварии из подкурганного захоронения хазарского времени на Нижнем Дону [Глебов, Иванов, 2007. Рис. 10, 2].

Слабое распространение у населения Доно-Донецкой лесостепи имели кистени. Они встречались в комплексах с конской упряжью и без неё. Но, если в кремационных и ямных погребениях были случаи нахождения кистеней в качестве единственного оружия, то в катакомбах кистени всегда сопровождалась иным оружием, являясь, видимо, дополнительным оружием воинов. Однако мы допускаем, что данное наблюдение могло зависеть от большей по сравнению с кремационными и ямными погребениями выборки катакомбных погребений.

Можно сказать, что нехарактерным оружием для населения Доно-Донецкой лесостепи были кинжалы, встреченные всего лишь в двух погребениях.

Что касается выделения наборов вооружения, то вариации взаимовстречаемости оружия в комплексах достаточно разнообразны. В связи с этим не удалось выделить устойчивые наборы вооружения, которые свидетельствовали бы о существовании специализации среди воинов рассматриваемых групп населения. Исключением стали лучники, погребения которых были выделены по находкам дистанционного оружия, являвшегося единственным в погребении оружием или сопровождавшимся топором. Процент присутствия лучников в войске оказался наибольшим для населения, практиковавшего ямный обряд (26%), менее для кремационного (20%), ещё меньше для катакомбного (13%). На большую роль лучников в

войске населения салтово-маяцкой культуры, в частности, при обороне городищ Подонья, указал в одной из своих работ Г.Е. Афанасьев [Афанасьев, 1987а. С. 103-105].

Таким образом, войско населения, оставившего катакомбные могильники, состояло преимущественно из пеших воинов, вооружённых топором, реже луком со стрелами и клинковым оружием. Небольшая часть войска была представлена всадниками, захоронения которых сопровождалась чаще всего также топорами, дистанционным и клинковым оружием. Редко в бою применялись кистени и ещё реже кинжалы.

Иную картину мы наблюдаем для населения, оставившего кремации. Его войско было конным. На вооружении всадников находились в большинстве случаев топоры и копья, реже лук со стрелами и клинковое оружие. Часть войска была представлена пехотой, вооружённой топорами, реже луком со стрелами и копьями. Судя по археологическим источникам, редко находили применение кистени и кинжалы.

Наконец войско населения, практиковавшего ямный обряд погребения, имело также смешанный состав, включая пехоту и конницу, при небольшом доминировании последней. Как конные, так и пешие воины чаще всего были вооружены копьями и луком со стрелами, реже клинковым оружием и топорами. Редко в состав вооружения входил кистень.

Если же рассматривать войско населения Доно-Донецкой лесостепи как единое целое, то следует отметить присутствие в его составе всадников и пеших воинов, на вооружении которых находились преимущественно топоры, лук со стрелами, копья и клинковое оружие. В меньшей степени кистени и кинжалы. Однако такая общая характеристика нивелирует состав войска групп населения салтово-маяцкой культуры, практиковавших различные погребальные обряды и обладавших своей спецификой, которую необходимо учитывать.

Исходя из состава войска и средств вооружения, можно сделать определённые наблюдения, касающиеся тактики ведения боя у рассмотренных групп населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.

Так встречаемость лука со стрелами в комплексах с оружием ближнего боя свидетельствует о том, что первой стадией сражения являлся дистанционный бой. Такая тактика, судя по частоте находок дистанционного оружия в погребениях, была более характерна для войска населения, практиковавшего ямный обряд погребения, в меньшей степени кремационный. При этом были и воины-лучники, предположительно, использовавшие лук на протяжении всего боя.

Для войска населения, практиковавшего катакомбный обряд погребения, вторая стадия заключалась в ближнем бою, осуществлявшимся главным образом силами пехоты. Всадники же, видимо, лишь поддерживали её действия.

Напротив, у войск носителей кремационного и ямного обряда, следующий за дистанционным боем этап сражения заключался в атаке конницы, вооружённой копьями. И только после этого, при сближении с противником, начинался ближний бой, в ходе которого применялись топоры, клинковое оружие, редко кистени. Пехота, по большей части, имела вспомогательную роль.

Возникает справедливый вопрос: чем были обусловлены различия в тактике ведения боя, между рассмотренными группами населения салтово-маяцкой культуры. Природно-географический фактор отпадает по причине проживания рассматриваемого населения в пределах одной природной зоны – лесостепи. На наш взгляд причины данных различий кроются в следующем: во-первых, безусловно, определённую роль в этом сыграли воинские традиции, существовавшие у рассмотренных групп населения до их переселения в Доно-Донецкую лесостепь с территории степного Подонья,

Северо-Западного Предкавказья, Центрального Кавказа, возможно Предуралья и Восточного Кавказа; во-вторых, немаловажным фактором являлось то, против кого чаще всего действовали войска рассматриваемого населения. И если действие первого фактора является вполне ясным и логичным, то второй требует объяснения.

Население, практиковавшее катакомбный обряд погребения, располагалось на территории, пограничной с территорией расселения восточных славян, представленной более залесённой зоной, где действия конницы были затруднены. Последнее могло обусловить практически полное отсутствие находок наконечников копий в катакомбных погребениях. Однако следует обратить внимание на тот факт, что на Верхнесалтовском и Дмитриевском (рис. 1, 3, 9) катакомбных могильниках находки наконечников копий крайне редки, но на располагавшихся поблизости Нетайловском и Ржевском ямных могильниках (рис. 1, 10, 4) наконечники копий в погребениях встречены часто. Следовательно, у населения, оставившего данные могильники, был общий враг, против которого войска действовали в рамках одних ландшафтно-географических условий. Поэтому фактор действия против разных врагов и в разных географических условиях не может объяснить существующую разницу в наборе вооружения между носителями катакомбного и ямного обрядов погребения.

При всём этом известно, что племена восточных славян, проживавшие рядом с ареалом распространения салтово-маяцкой культуры, находились в даннической зависимости от хазар [Повесть..., 2014. С. 67]. Если учесть периодизацию славяно-хазарских отношений, предложенную А.А. Тортикой [Тортика, 2002. С. 149], период второй половины VIII – конца IX вв. (до освобождения князем Олегом славян от хазарской дани) отмечается зависимостью восточнославянских племён от хазар, при которой последним воевать со своими данниками не имело смысла. Несмотря на это, мы сталкиваемся с фактом наличия достаточно высокого процента вооружённого

населения в двух наиболее изученных «пограничных» поселениях салтово-маяцкой культуры – Дмитриевском и Маяцком [Владимиров, 2015], подтверждаемым антропологическими материалами [Бужилова, 2010. С. 865], а также с фактом высокого уровня травматизма, в частности черепных травм, для захоронений в катакомбах [Решетова, 2015. С. 107]. Отчасти преобладание пехоты в данном случае может быть объяснено и необходимостью защиты крепостей салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецком регионе от возможного нападения. Наличие постоянного гарнизона, например, было зафиксировано Константином Багрянородным для Саркела [Константин Багрянородный..., 1991. С. 171]. Хотя справедливо указать, что ни на одном поселении салтово-маяцкой культуры в указанном регионе не найдено следов погрома или осады.

Возможным объяснением сложившейся ситуации может служить то, что главной функцией населения салтово-маяцкой культуры был контроль над зависимыми славянскими племенами [Petrukhin, 2007. P. 248], что не исключало военных столкновений между ними. Необходимо отметить, что невозможно однозначно решить вопрос о причинах концентрации хазарских крепостей в Доно-Донецком регионе и о высоком уровне военизированнойности населения северо-западной Хазарии без уточнения характера и периодизации славяно-хазарских отношений во второй половине VIII – начале X вв.

Кремационные могильники и связанные с кремациями комплексы вещей располагаются несколько южнее территории распространения памятников, оставленных населением, практиковавшим катакомбный обряд погребения, на границе лесостепи со степью. То есть, войско населения, оставившего трупосожжения, чаще контактировало с населением степи. Соответственно, ведение боя на открытых пространствах могло стать одной из причин преобладания конницы в войске рассматриваемого населения. Однако население степи нижнего Подонья-Подонечья если не входило в состав каганата, то состояло с ним в даннических отношениях

[Красильников, 2016. С. 122], воевать с ним не имело практического смысла. Возможными врагами власти хазар на данной территории могли быть венгры [Аксёнов, 1998. С. 49-50]. С этой точки зрения представляет интерес гипотеза Г.Е. Свистуна о том, что городища северо-западной Хазарии были построены для обороны от опасности, грозившей с востока или юго-востока [Свистун, 2012б. С. 153]. Также существует точка зрения, согласно которой основным противником населения салтово-маяцкой культуры были варяги-русы [Тортика, 2005. С. 14], на сдерживание которых и были направлены военные ресурсы северо-западной Хазарии.

Исходя из вышесказанного нам представляется, что наибольшее влияние на состав войска, арсенал оружия и тактику рассмотренных групп населения салтово-маяцкой культуры оказали воинские традиции, сложившиеся у данных групп до их переселения в Доно-Донецкую лесостепь. Это объясняется тем, что население Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. состояло из различных этнических компонентов, представлявших части этнических общностей, формирование и функционирование которых протекало в других политических и экономических условиях [Михеев, 1991. С. 46]. Не исключается нами и влияние второго выделенного фактора (с кем чаще всего были военные столкновения), но его степень пока трудно установить в виду нерешённости вопросов взаимоотношений населения хазарского каганата и славян, самого населения Доно-Донецкой лесостепи с центральной властью Хазарского каганата, а также вопросов, связанных с миграцией венгров.

В связи с рассмотрением тактики боя нельзя не упомянуть о выводе Г.Е. Афанасьева об активной обороне салтовских крепостей. О наличие таковой, по мнению автора, говорят широкая берма, существование башен и небольшой наклон стен крепостей вовнутрь. Объяснением вышперечисленных элементов фортификационных сооружений салтово-маяцкой культуры Г.Е. Афанасьев нашёл в появлении новой тактики, а

именно штурма крепостей, в отличие от пассивной осады [Афанасьев, 1987а. С. 128].

Помимо тактики заслуживает внимания вопрос о способе формирования войска у населения Доно-Донецкой лесостепи. Некоторые сведения об этом содержатся в письменных источниках. В частности, они позволяют говорить об эволюции в способах набора войска. На раннем этапе существования Хазарского каганата, войско представляло собой ополчение из числа хазар и подчинённых им племён, о чём говорит сообщение Мовсеса Каланкатуаци: «И вот он (правитель хазар) распорядился, чтобы все, кто находился под его властью... чтобы все они были готовы (явиться) по его первому зову» [Калинина, Флёров, Петрухин, 2014. С. 85]. По сведениям ал-Истархи войско царя хазар было без содержания [Новосельцев, 1990. С. 121] и воины получали что-то лишь в случае войны [Заходер, 1962. С. 218-219].

Позже авторы фиксируют у хазар наёмные войска. Например, ал-Масуди упоминает находившийся в Итиле корпус мусульманских воинов численностью 7000 человек (ларисийа), преимущественно лучников в латах, шлемах, кольчугах, но также и копейщиков [Заходер, 1962. С. 155], а также фиксирует русов и ас-сакалиба в качестве служащих в войске царя хазар [Калинина, 2015. С. 172]. Наличие наёмных войск подразумевает и плату воинского жалования, о чём также сообщают ал-Масуди [Новосельцев, 1990. С. 121] и Ибн Хаукаль, при чём последний упоминает о получении воинами жалования в определённый месяц [Заходер, 1962. С. 219]. При этом сообщение ал-Марвази о том, что буртасы выставляли по требованию кагана 10000 всадников [Новосельцев, 1990. С. 120], говорит о сосуществовании в IX-X вв. как наёмного войска, состоявшего из профессиональных воинов, так и воинов, выставлявшихся зависимыми племенами. Последнее замечание подтверждается сообщением Ибн Русте и Гардизи о том, что часть войска царя хазар была на жаловании, а другая поставлялась в качестве обязанности знатными людьми соразмерно их богатству [Заходер, 1962. С. 220-221].

Воины не получавшие жалования обогащались в походах, так как, согласно Ибн Русте, из воинской добычи царь забирал то, что ему нужно, а остальное между собой делили воины [Заходер, 1962. С. 220]. Помимо войска в источниках, в частности у ал Куфи, можно встретить упоминание об отрядах, состоявших из детей тарханов, являвшихся, возможно, привилегированной частью войска, формировавшейся из числа знати [Новосельцев, 1990. С. 118].

Безусловно, у населения Доно-Донецкой лесостепи существовали дружины, состоявшие из профессиональных воинов, но вряд ли они были многочисленными. Что касается археологических источников, то внимания заслуживает погребальный инвентарь, находящийся в комплексах с оружием. Ещё в работе 1985 года В.К. Михеев отметил, что детали конской упряжи встречаются в захоронениях, погребальный инвентарь которых включает в себя значительное количество орудий труда, связанных с земледелием и скотоводством [Михеев, 1985. С. 27]. Также орудия труда (мотыжки, хозяйственные топоры, серпы) находятся в комплексах с оружием, но без деталей конской упряжи. Этот факт позволяет предположить, что часть салтовского войска формировалась за счёт земледельцев и скотоводов, которые на время военных действий становились воинами. Косвенно это подтверждается сообщением ал-Истархи о том, что в мирное время воины занимались «своими делами» [Заходер, 1962. С. 219].

Заключение.

Военное дело, являясь неотъемлемой частью жизни любого общества, не раз привлекало внимание исследователей, занимавшихся изучением древностей салтово-маяцкой культуры.

С начала исследования памятников салтово-маяцкой культуры в научный оборот были введены и различные предметы вооружения населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. В.А. Бабенко, работавший на Верхнесалтовском могильнике, использовал оружие для характеристики социальной структуры и определения истоков материальной культуры населения, оставившего могильник. Часто на данном этапе изучения салтово-маяцкой культуры, при рассмотрении военного дела населения Хазарского каганата, использовались сведения письменных источников, которые скорее дополнялись археологическими, ярким примером чему служат работы М.И. Артамонова.

Накопление материала привело к появлению работы Н.Я. Мерперта, посвящённой вооружению и отдельным вопросам военного дела населения салтово-маяцкой культуры. В ходе выявления новых и исследования уже известных памятников салтово-маяцкой культуры, появился ряд обобщающих работ И.И. Ляпушкина, С.А. Плетнёвой, В.К. Михеева и др., в которых получили освещение и вопросы, связанные с вооружением и военным делом населения Доно-Донецкой лесостепи в раннем средневековье. При этом в своих работах исследователи чаще всего обращались к проблемам типологии предметов вооружения, их относительной хронологии, внутривойсковой организации и составу войска.

Появление специального интереса к теме вооружения и военного дела населения салтово-маяцкой культуры фиксируется со второй половины 80-х гг. XX в. Следствием этого стал выход работ, в которых рассматривались отдельные вопросы в изучении вооружения и военного дела. Прежде всего, следует отметить работы А.В. Крыганова, а также С.А. Плетнёвой, В.С.

Аксёнова, К.И. Красильникова, Е.М. Круглова, А.В. Комара и О.В. Сухобокова, А.М. Саввина и А.И. Семёнова.

Современный этап изучения салтово-маяцкой культуры в виду возросшей источниковой базы по вооружению и появления новых исследований сделал необходимым обращение к изучению вооружения и военного дела населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв.

В результате исследования воинских погребений населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. проведён типологический анализ предметов вооружения, намечены истоки и относительная хронология отдельных форм оружия, предпринята попытка изучения социальной дифференциации и состава войск населения, практиковавшего различные погребальные обряды.

Данные типологического анализа позволили установить, что не все типы предметов вооружения одинаково встречаются в катакомбных, ямных и кремационных погребениях. Соответственно, было рассмотрено распределение отдельных типов предметов вооружения по погребениям, совершённым по различному обряду.

В частности, для населения, практиковавшего катакомбный обряд погребения, характерным можно считать использование брусковидных перекрестий на сабельных клинках. Также у носителей катакомбного обряда погребения существовала устоявшаяся традиция изготовления топоров без подпроушной выемки, имевших уплощённый обух.

Для кремационных погребений, в отличие от катакомбных, более характерными являются перекрестия с уплощёнными концами, а также выделяются портупейные скобы П-образной формы с округлым выступом. Относительно часто в кремациях были обнаружены наконечники копий с двухлопастным в сечении лезвием. Также в кремационных погребениях

получили распространение специфические наконечники стрел: килевидные узкие, фигурные, ромбические с прорезью.

Ряд черт объединяет кремационные и ямные погребения, а именно: характерными для них являются наконечников копий удлинённо-конической формы или пиковидных; щитковые колчаные крюки.

В тоже время следует отметить и общие черты, характерные в целом для населения Доно-Донецкой лесостепи, например, такие как: наибольшее распространение луков с концевыми фронтальными накладками; трёхлопастных наконечников стрел; топоров с подпроушной выемкой; кистеней с долевым каналом.

Результаты типологического анализа позволили также определить хронологические рамки бытования выделенных типов предметов вооружения населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. Определение относительной хронологии проводилось на основе датированных комплексов салтово-маяцкой культуры и с помощью метода аналогий. Было установлено, что рассмотренные предметы вооружения и их типы в разной степени могут использоваться в хронологических построениях и для датировки комплексов. Причиной этого является широкая распространённость одних типов оружия, применявшихся населением юга Восточной Европы на протяжении раннего средневековья, другие же типы, были принесены на территорию Доно-Донецкой лесостепи переселенцами с Кавказа и просуществовали лишь некоторое время, в дальнейшем их формы воспроизводились редко, либо вовсе не воспроизводились. Прослеженная эволюция форм топоров не совпадает с намеченной С.А. Плетнёвой и основанной на материалах Дмитриевского могильника. Однако следует отметить, что полученные результаты изучения хронологии предметов вооружения и их типов могут быть уточнены в процессе появления новых датированных комплексов салтово-маяцкой культуры.

Исследование социальной дифференциации воинских захоронений было предпринято для каждой группы населения, практиковавшего различные обряды погребения, что позволило выделить сходства и отличия. В частности, в результате исследования выборки катакомбных погребений была получена двухчастная структура деления войска на условные группы: «ополчение» и «профессиональные воины». Также двухчастная система ранжирования воинских захоронений была получена для кремационных и ямных погребений, однако для них не удалось выделить группу «ополчение», поэтому все захоронения относились к группе «профессиональные воины».

В то же время группа «профессиональные воины» делилась на две части. Для катакомбных погребений главным признаком, по которому осуществилось деление, стало наличие или отсутствие в комплексе предметов конского снаряжения, то есть деление произошло на конных и пеших воинов. В случае с кремационными погребениями основным признаком деления стали различия в наборах оружия. Для ямных погребений основным признаком разделения явилось, как и в случае с катакомбными, наличие или отсутствие деталей конского снаряжения. В целом же, результаты социальной дифференциации находят соответствия в материалах по кавказским аланам и населению Северо-Западного Предкавказья VIII-X вв., практиковавшему кремационный обряд погребения.

В основе исследования состава войска и набора вооружения лежал главным образом анализ взаимовстречаемости предметов вооружения в воинских погребениях, отчасти данные письменных источников и эпиграфики. Результатом исследования стало выявление как специфических, так и общих черт у групп населения салтово-маяцкой культуры, практиковавших разные погребальные обряды.

В частности, войско населения, практиковавшего катакомбный обряд погребения, состояло преимущественно из пехоты, с небольшой долей конных воинов. На вооружении пешей части войска населения, оставившего

катакомбные могильники, стояли топоры, реже лук со стрелами и клинковое оружие. Захоронения всадников так же чаще всего сопровождались топорами, дистанционным и клинковым оружием. Редко в бою применялись кистени и ещё реже кинжалы и копья.

Напротив, войско населения, практиковавшего кремационный обряд погребения, было по большей части конным, с небольшой долей пехоты. На вооружении всадников находились в большинстве случаев топоры и копья, реже лук со стрелами и клинковое оружие. Причём была установлена зависимость между наличием в комплексе клинкового оружия и деталей конского снаряжения. Часть войска была представлена пехотой, вооружённой топорами, реже луком со стрелами и копьями. Редко применялись кистени и кинжалы.

Состав же войска населения, хоронившего умерших в ямах, выглядит в данном случае смешанным, с небольшим преобладанием конных воинов над пешими. Как конные, так и пешие воины чаще всего были вооружены копьями и луком со стрелами, реже клинковым оружием и топорами. Кистень в бою использовался редко.

Наибольшее влияние на состав войска, арсенал оружия и тактику рассмотренных групп населения салтово-маяцкой культуры оказали воинские традиции, сложившиеся у данных групп до их переселения в Доно-Донецкую лесостепь. Это объясняется тем, что население Доно-Донецкого региона второй половины VIII – начала X вв. состояло из различных этнических компонентов, представлявших части этнических общностей, формирование и функционирование которых протекало в других политических и экономических условиях. Также в качестве фактора, повлиявшего на набор вооружения, состав войска и боевую тактику, стало то, с кем у рассматриваемых групп населения чаще всего были вооружённые столкновения. Но данный фактор может объяснить только различия между

населением, практиковавшим катакомбный и кремационный обряды погребения.

Анализ вооружения и военного дела населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. позволяет говорить о высоком уровне военизации населения северо-западных пограничных территорий Хазарского каганата. В большей степени это касается населения, практиковавшего катакомбный и кремационный обряды погребения, в меньшей – ямный. Выделенные отличия в вооружении и социальной дифференциации войск носителей различных погребальных обрядов приводят к выводу о существовании различных воинских традиций в среде населения салтово-маяцкой культуры.

Список использованных источников и литературы

I Источники

Ia. Архивные материалы

Научный архив Института археологии Российской академии наук (НА ИА РАН)

- 1) Афанасьев Г.Е. Отчёт о работе Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции по изучению Ютановского могильника в 1978 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р. – 1. № 7205. 90 л.
- 2) Афанасьев Г.Е. Отчёт о работе Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1979 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р. – 1. № 7994. 131 л.
- 3) Афанасьев Г.Е. Отчёт о работе Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1980 г. в Белгородской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р. – 1. № 9043. 65 л.
- 4) Афанасьев Г.Е. Отчёт о работе Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1982 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р. – 1. № 8947. 64 л.
- 5) Афанасьев Г.Е. Отчёт о работе Оскольской экспедиции ИА РАН СССР в 1984 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 10329. 50 л.
- 6) Афанасьев Г.Е. Отчёт о раскопках Афоньевского могильника и Колтуновского городища в Волоконовском и Алексеевском районах Белгородской области в 1985 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 12961. 43 л.
- 7) Лылова М.И. Отчёт к открытому листу №732 об охранных археологических исследованиях на Маяцком могильнике в Лискинском районе Воронежской области в 1987 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 22834. 64 л.
- 8) Николаенко А.Г. Фотоальбом к отчёту по открытому листу №175 // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 4982б. 24 л.

- 9) Николаенко А.Г. Отчёт об археологической разведке и охранных работах в Волоконовском районе Белгородской области в 1974 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 5724. 183 л.
- 10) Николаенко А.Г. Альбом №1 к отчёту об археологической разведке и охранных работах в Волоконовском районе Белгородской области в 1974 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 5724а. 27 л.
- 11) Николаенко А.Г. Альбом №2 к отчёту об археологической разведке и охранных работах в Волоконовском районе Белгородской области в 1974 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 5724б. 14 л.
- 12) Николаенко А.Г. Альбом к отчёту об археологических исследованиях в Волоконовском районе Белгородской области в 1975 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 5440а. 18 л.
- 13) Николаенко А.Г. Отчёт об археологических исследованиях в Волоконовском районе Белгородской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 6042. 27 л.
- 14) Николаенко А.Г. Альбом к отчёту об археологических исследованиях в Волоконовском районе Белгородской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 6042а. 20 л.
- 15) Николаенко А.Г. Отчёт об археологических изысканиях в Волоконовском районе Белгородской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 6845. 38 л.
- 16) Николаенко А.Г. Альбом фотографий к отчёту об археологических изысканиях в Волоконовском районе Белгородской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 6845б. 29 л.
- 17) Николаенко А.Г. Отчёт к открытым листам №116 и №117 о работах в Волоконовском районе Белгородской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 8470. 54 л.

- 18) Николаенко А.Г. Альбом к отчёту к открытым листам №116 и №117 о работах в Волоконовском районе Белгородской области // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 8470а. 25 л.
- 19) Плетнёва С.А. Отчёт о работе Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции 1957 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. №1446. 73 л.
- 20) Плетнёва С.А. Отчёт о работе Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1958 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. №1742. 110 л.
- 21) Плетнёва С.А. Отчёт об археологических раскопках Северо-Донецкого отряда на территории Ростовской области и раскопках городища у с. Дмитриевское в 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. №2442. 36 л.
- 22) Плетнёва С.А. Отчёт об археологических раскопках Северо-Донецкого отряда на территории Ростовской области и раскопках городища у с. Дмитриевское в 1961 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. №2442а. 35 л.
- 23) Плетнёва С.А. Отчёт Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской археологической экспедиции о разведках в Воронежской и Ростовской областях и о раскопках селища и могильника у с. Дмитриевское Шебекинского района Белгородской области в 1962 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. №2471. 51 л.
- 24) Плетнёва С.А. Отчёт о работе Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции в 1966 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. №3222. 167 л.
- 25) Плетнёва С.А. Отчёт Северо-Донецкого отряда о раскопках городища, селища и могильника у с. Дмитриевское Шебекинского района Белгородской области в 1967 г // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. 3633. 158 л.

- 26) Плетнева С.А. Отчет о работе Советско-Венгерской экспедиции в 1975 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 5313. 100 л.
- 27) Плетнева С.А. Альбом иллюстраций к отчёту о работе Советско-Венгерской экспедиции в 1975 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 5313а. 93 л.
- 28) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работе Советско-Венгерской экспедиции в 1977 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 6959. 101 л.
- 29) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1978 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. №7204-7207. 55 л., 67 л., 74 л., 132 л.
- 30) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком городище в 1979 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 7583. 128 л.
- 31) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком городище в 1979 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 7583а. 144 л.
- 32) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции о работах на Маяцком городище в 1980 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 8154. 82 л.
- 33) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Альбом к отчёту Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции о работах на Маяцком городище в 1980 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 8154а. 98 л.
- 34) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Альбом к отчёту Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции о работах на Маяцком городище в 1980 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 8154б. 85 л.
- 35) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1981 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 9055. 115 л.

- 36) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Альбом рисунков к отчёту о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1981 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 9055а. 108 л.
- 37) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Альбом рисунков к отчёту о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1981 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 9055б. 104 л.
- 38) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1982 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 8946. 111 л.
- 39) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Альбом рисунков к отчёту о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1982 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 8946а. 105 л.
- 40) Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Альбом рисунков к отчёту о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1982 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 8946б. 61 л.
- 41) Сарапулкин В.А. Отчёт о раскопках могильников салтово-маяцкой культуры в Шебекинском районе Белгородской области в 2004 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 31045. 59 с.
- 42) Сарапулкин В.А. Альбом иллюстраций к отчёту о раскопках могильников салтово-маяцкой культуры в Шебекинском районе Белгородской области в 2004 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 31046. 111 с.
- 43) Сарапулкин В.А. Отчёт о раскопках грунтового могильника салтово-маяцкой культуры у с. Ржевка Шебекинского района Белгородской области в 2005 г. // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 33489. 34 с.
- 44) Сарапулкин В.А. Альбом иллюстраций к отчёту о раскопках грунтового могильника салтово-маяцкой культуры у с. Ржевка

Шебекинского района Белгородской области в 2005 г. // НА ИА
РАН. Ф – 1. Р – 1. № 33490. 50 с.

Иб. Письменные источники

- 1) Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / А.П. Ковалевский. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – 343 с.
- 1) Константин Багрянородный. Об управлении империей / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. – М.: «Наука», 1991. – 497 с.
- 2) Повесть временных лет. – М.: «Родная страна», 2014. – 544 с.

Ив. Археологические коллекции

- 1) Коллекция предметов из раскопок Афоньевского могильника (раскопки Г.Е. Афанасьева) // Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье».
- 2) Коллекция предметов из раскопок Дмитриевского могильника (раскопки С.А. Плетнёвой и В.А. Сарапулкина) // Белгородский государственный историко-краеведческий музей.
- 3) Коллекция предметов из раскопок Маяцкого селища (раскопки В.А. Сарапулкина) // Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье».
- 4) Коллекция предметов из раскопок Ржевского могильника (раскопки В.А. Сарапулкина) // Белгородский государственный историко-краеведческий музей.

II Специальная литература

- 1) Айбабин А.И. Погребение хазарского воина / А.И. Айбабин // СА. – 1985. – №3. – С. 191-205.

- 2) Аксёнов В.С. Исследование салтовского могильника у с. Рубежное на Харьковщине / В.С. Аксёнов // Древности. – 1997. – С. 162-164.
- 3) Аксёнов В.С. Об уровне вооружённости населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) / В.С. Аксёнов // Веснік ХНУ. – 1998. – №413. – С. 39-51.
- 4) Аксёнов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник / В.С. Аксёнов // Vita Antiqua. – 1999. – №2. – С. 137-149.
- 5) Аксёнов В.С. Рубежанский катакомбный могильник на Северском Донце / В.С. Аксёнов // Донская археология. – 2001. – №1-2. – С. 62-78.
- 6) Аксёнов В.С. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка / В.С. Аксёнов // Хазарский альманах. – Харьков: «Каравелла», 2002. – Т. 1. – С. 6-17.
- 7) Аксёнов В.С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья / В.С. Аксёнов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2005а. – Т. 4. – С. 357-368.
- 8) Аксёнов В.С. Комплексы воинского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) / В.С. Аксёнов // Степи Европы в эпоху средневековья – Донецк: ДонНУ, 2005б. – Т. 4. – С. 245-260.
- 9) Аксёнов В.С. Салтовские кремационные комплексы с конскими начальниками из бассейна Северского Донца / В.С. Аксёнов // Хазарский альманах. – Киев-Харьков: Международный Соломонов университет, 2005в. – Т.4. – С. 182-198.
- 10) Аксёнов В.С. Фортпост Верхний Салтов / В.С. Аксёнов // Восточная коллекция. – 2006а. – №2. – С. 72-76.

- 11) Аксёнов В.С. Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII-IX вв.) / В.С. Аксёнов // РА. – 2006б. – №2. – С. 51-63.
- 12) Аксёнов В.С. Исследование раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовый могильник) / В.С. Аксёнов // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2009. – Т. 7. – С. 231-258.
- 13) Аксёнов В.С. Новые раннесалтовские погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии / В.С. Аксёнов // Древности. – 2010а. – Вып. 9. – С. 166-177.
- 14) Аксёнов В.С. Охранные работы на могильнике салтовской культуры у с. Металловка на Харьковщине / В.С. Аксёнов // Археологічні дослідження в Україні. – Київ: Інститут археології НАН України, 2010б. – С. 17-19.
- 15) Аксёнов В.С. Катакомба №99 Верхне-Салтовского могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) / В.С. Аксёнов // Сугдейский сборник / Н.М. Куковальская. – Киев-Судак: «Городец», 2010в. – Вып. IV. – С. 354-364.
- 16) Аксёнов В.С. Погребение с конским начальником №482 Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры / В.С. Аксёнов // Хазарский альманах. – Киев-Харьков: Международный Соломонов университет, 2011. – Т.9. – С. 22-44.
- 17) Аксёнов В.С. К вопросу о повторном проникновении в захоронения салтовской культуры Подонцовья (по материалам Верхне-Салтовского могильника) / В.С. Аксёнов // Хазарский альманах. – Киев-Харьков: Международный Соломонов университет, 2012а. – Т. 11. – С. 20-44.
- 18) Аксёнов В.С. Начальный этап формирования лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (по материалам погребальных

- памятников Харьковщины) / В.С. Аксёнов // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганск: Інститут археології національної академії наук України, 2012б. – С. 408-413.
- 19) Аксёнов В.С. Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонцовья / В.С. Аксёнов // Хазарский альманах. – Киев-Харьков: Международный Соломонов университет, 2012в. – Т. 10. – С. 4-31.
- 20) Аксёнов В.С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца / В.С. Аксёнов // Хазарский альманах. – Киев-Харьков: Международный Соломонов университет, 2014а. – Т. 12. – С. 4-33.
- 21) Аксёнов В.С. Погребение №525 Нетайловского могильника (к вопросу о начальном этапе формирования салтово-маяцкой культуры) / В.С. Аксёнов // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 6. Материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвящённой 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической Комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), прошедшей в г. Липецке 20-22 декабря 2013 года. – Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2014б. – С. 408-415.
- 22) Аксёнов В.С. Катакомбы Верхне-Салтовского могильника на фоне аланских погребальных сооружений салтово-маяцкой культуры Подонцовья: общее и особенное / В.С. Аксёнов // Дивногорский сборник. – Воронеж: «Научная книга», 2016. – Вып. 6. – С. 178-196.

- 23) Аксёнов В.С. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье / В.С. Аксёнов, С.И. Воловик // Донская археология. – 1999. – № 3-4. – С. 34-40.
- 24) Аксёнов В.С. Захоронения на селище салтовской культуры Нетайловка 2: к вопросу о салтовско-венгерских культурных контактах / В.С. Аксёнов, А.В. Крыганов // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. – Вып. 1. – С. 23-37.
- 25) Аксёнов В.С. Освоение лесостепного Подонцовья в хазарское время: взгляд на проблему / В.С. Аксёнов, А.А. Лаптев // Степи Европы в эпоху средневековья – Донецк: ДонНУ, 2014. – Т. 12. – С. 25-50.
- 26) Аксёнов В.С. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв. / В.С. Аксёнов, В.К. Михеев // Хазарский альманах. – Киев-Харьков: Международный Соломонов университет, 2006. – Т. 5. – 306 с.
- 27) Аксёнов В.С. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры / В.С. Аксёнов, В.К. Михеев // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2009. – Т. 7. – С. 387-406.
- 28) Аксёнов В.С. Исследование захоронений на грунтовом могильнике салтовской культуры у с. Металловка / В.С. Аксёнов, В.К. Михеев, М.В. Хоружая // Харьковский археологический сборник. – Харьков: Мачулин, 2009. – Вып. 4. – С. 92-111.
- 29) Аксёнов В.С. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002-2004 гг.) / В.С. Аксёнов, М.В. Хоружая // Хазарский альманах. – Киев-Харьков:

- Международный Соломонов университет, 2005. – Т.4. – С. 199-215.
- 30) Алейников В.В. Курган с ровиком из могильника Садовый II / В.В. Алейников, В.Н. Кузьмин // Хазарские древности. – Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. – С. 236-244.
- 31) Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI-XII вв. / М.Х. Алешковский // СА. – 1960. – №1. – С. 70-90.
- 32) Алихова А.Е. Материальная культура средне-цининской мордвы VIII-XI вв. / А.Е. Алихова – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1969. – 176 с.
- 33) Амброз А.К. Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах / А.К. Амброз // СА. – 1986. – №4. – С. 53-73.
- 34) Аржанцева И.А. Раннесредневековые мечи Средней Азии и проблема происхождения сабли / И.А. Аржанцева // Древний и средневековый Восток. – М.: «Наука», 1987. – С. 121-134.
- 35) Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону / М.И. Артамонов // ИГАИМК.– 1935. – Вып. 131. – 120 с.
- 36) Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар / М.И. Артамонов. – Л.: «Соцекгиз», 1936. – 140 с.
- 37) Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии / М.И. Артамонов // СА. – 1940. – Вып. VI.– С. 130-167.
- 38) Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа / М.И. Артамонов // МИА СССР. – №62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 7-84.
- 39) Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 524 с.
- 40) Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – 2-е изд. – СПб. : Лань, 2001. – 688 с.

- 41) Артамонова О.А. Могильник Саркела-Белой Вежи / О.А. Артамонова // МИА СССР. – №109: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 9-215.
- 42) Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья – М.: «Наука», 1981. – 304 с.
- 43) Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья / А.Г. Атавин // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. – С. 208-264.
- 44) Атавин А.Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенег, торки, половцы) / А.Г. Атавин // Древности юга России. – М.: «ТАУС», 2008а. – С. 71-105.
- 45) Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья / А.Г. Атавин // Древности юга России. – М.: «ТАУС», 2008б. – С. 28-70.
- 46) Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Г.Е. Афанасьев // Археологические открытия на новостройках. – М., «Наука», 1987а. – Вып. 2. – 200 с.
- 47) Афанасьев Г.Е. Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь) / Г.Е. Афанасьев // СА. – 1987б. – №1. – С. 193-202.
- 48) Афанасьев Г.Е. Донские аланы: социальные структуры алано-ассо-бургасского населения бассейна Среднего Дона / Г.Е. Афанасьев. – М.: «Наука», 1993а. – 184 с.

- 49) Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан / Г.Е. Афанасьев // РА. – 1993б. - № 4. – С. 131-144.
- 50) Афанасьев Г.Е. Перекрестное сравнение методик реконструкции социальной стратификации общества (к работе теоретического семинара отдела охранных раскопок) / Г.Е. Афанасьев // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). – М.: «Наука», 1993в. – С. 3-12.
- 51) Афанасьев Г.Е. Новые археологические, антропологические и генетические аспекты изучения донских алан / Г.Е. Афанасьев, М.В. Добровольская, Д.С. Коробов, И.К. Решетова // КСИА. – 2015. – Вып. 237. – С. 64-79.
- 52) Афанасьев Г.Е. Первые шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) / Г.Е. Афанасьев, М.Р. Зотько, Д.С. Коробов // РА. – 1999. – №2. – С. 106-123.
- 53) Афанасьев Г.Е. Мокрая Балка / Г.Е. Афанасьев, А.П. Рунич. – М.: «Научный мир», 2001. – 252 с.
- 54) Ахмеров Р.Б. Могильник близ г. Стерлитамака / Р.Б. Ахмеров // СА. – 1955. – №22. – С. 153-176.
- 55) Бабенко В.А. Новыя систематическія исслѣдованія Верхне-Салтовскаго катакомбнаго могильника 1908 года / В.А. Бабенко // Труды XIV археологическаго съѣзда в Черниговѣ 1909 г. Т. 3. – М., 1911. – С. 216-254.
- 56) Бабенко В.А. Памятники хазарской культуры на югѣ Россіи / В.А. Бабенко // Труды XV археологическаго съѣзда в Новгородѣ 1911 г. Т.1. – М., 1914. – С. 435-445.
- 57) Багаутдинов Р.С. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья) / Р.С. Багаутдинов, А.В. Богачёв, С.Э. Зубов. – Самара: «Полдень. XXII век», 1998. – 286 с.

- 58) Батиева Е.Ф. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время / Е.Ф. Батиева // Донская археология. – 2002. – № 3-4. – С. 71-101.
- 59) Безуглов С.И. Погребение кочевника VII в. н.э. на Нижнем Дону / С.И. Безуглов // СА. – 1985. – №2. – С. 248-252.
- 60) Безуглов С.И. Курган раннехазарского времени на Нижнем Дону / С.И. Безуглов, С.А. Науменко // Средневековые древности Дона. – М.; Иерусалим: «Гешарим», 2007. – С. 73-84.
- 61) Белорыбкин Г.Н. Новые материалы Золотарёвского поселения / Г.Н. Белорыбкин // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза: Пензинский государственный педагогический университет им В.Г. Белинского, 2003. – С. 410-432.
- 62) Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья в I-IV вв. Автореф. дис. ...докт. ист. наук / В.В. Белоусов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. – 22 с.
- 63) Берёзовец Д.Т. Раскопки в Верхнем Салтове 1959-1960 гг. (Печенежское водохранилище) / Д.Т. Берёзовец // КСИА УССР. – 1962. – Вып. 12. – С. 18-22.
- 64) Бобринский А.А. Перещепинский клад / А.А. Бобринский // МАР. – 1914. – №34. – С. 111-120.
- 65) Бужилова А.П. Палеопатологическая характеристика населения Маяцкого археологического комплекса / А.П. Бужилова // РА. – 1995. – № 4. – С. 68-76.
- 66) Бужилова А.П. Донские аланы по данным антропологии / А.П. Бужилова // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928 – 2009). – М., 2010. – С. 855-866.
- 67) Веймарн Е.В. Скалистинский могильник / Е.В. Веймарн, А.И. Айбабин. – Киев: «Наукова Думка», 1993. – 203 с.

- 68) Винников А.З. Основные итоги и значение исследований Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком археологическом комплексе памятников / А.З. Винников // Дивногорский сборник. – Воронеж: «Научная книга», 2016. – Вып. 6. – С. 29-35.
- 69) Винников А.З. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции) / А.З. Винников, Г.Е. Афанасьев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 192 с.
- 70) Винников А.З. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А.З. Винников, С.А. Плетнёва. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. – 216 с.
- 71) Винников А.З. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник) / А.З. Винников, В.А. Сарапулкин. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2008. – 107 с.
- 72) Виноградов В.Б. Раннесредневековый могильник у селения Харачой в горной Чечне / В.Б. Виноградов // СА. – 1970. – №2. – С. 244-251.
- 73) Виноградов В.Б. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977-1978 гг.) / В.Б. Виноградов, Х.М. Мамаев // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. – Грозный: Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии, 1985. – С. 5-27.
- 74) Владимиров С.И. Сравнительный анализ вооружения Маяцкого и Дмитриевского археологических комплексов салтово-маяцкой культуры / С.И. Владимиров // Вестник ВГУ. История. – 2015. – №3. – С. 60-62.

- 75) Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века / Р.Ф. Воронина. – М.: «Наука», 2007. – 164 с.
- 76) Воронов Ю.Н. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. / Ю.Н. Воронов, Н.К. Шенкао // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. – М.: «Наука», 1982. – С. 121-165.
- 77) Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён / А.А. Гаврилова. – М.; Л.: «Наука», 1965. – 144 с.
- 78) Гавритухин И.О. Хронология «среднеаварского» периода / И.О. Гавритухин // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2001. – Т.2. – С. 45-162.
- 79) Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) / И.О. Гавритухин // Хазары. Евреи и славяне. – М.; Иерусалим: «Мосты культуры», «Гешарим», 2005. – Т. 16. – С. 378-426.
- 80) Генинг В.Ф. Бродовский могильник / В.Ф. Генинг // КСИИМК. – 1953. – Вып. 52. – С. 87-98.
- 81) Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII-IX вв. / В.Ф. Генинг // Вопросы археологии Урала. – Свердловск: Удмуртский республиканский краеведческий музей, 1962. – Вып. 3. – С. 7-111.
- 82) Генинг В.Ф. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник) / В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков. – М.: «Наука», 1964. – 222 с.
- 83) Глебов В.П. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II / В.П. Глебов, А.А. Иванов // Средневековые древности Дона. – М.; Иерусалим: «Гешарим», 2007. – С. 154-176.

- 84) Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. – 280 с.
- 85) Голдина Р.Д. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Р.Д. Голдина, Н.В. Водолага. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. – 176 с.
- 86) Голдина Р.Д. Средневековые памятники верховьев Камы / Р.Д. Голдина, В.А. Кананин. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 216 с.
- 87) Голубев А.М. Однолезова зброя з довгим клинком кочовиків VII-VIII ст. / А.М. Голубев, І.В. Голубєва // Археологія. – 2012. – №4. – С. 42-54.
- 88) Горбунов В.В. Воинское дело средневекового населения Алтая (III-XIV вв.). Автореф. дис. ...докт. ист. наук / В.В. Горбунов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 55 с.
- 89) Грінченко В.А. Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі / В.А. Грінченко // Археологія. – 1950. – Т. III. – С. 37-63.
- 90) Дегтярь А.К. Комплекс из погребения у с. Кочеток на Северском Донце / А.К. Дегтярь // СА. – 1984. – №2. – С. 239-246.
- 91) Дзаттиаты Р.Г. Катакомба хазарского времени из Даргавского могильника в Северной Осетии / Р.Г. Дзаттиаты, П.С. Успенский // РА. – 2016. – №2. – С. 150-168.
- 92) Дмитриев А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо / А.В. Дмитриев // КСИА. – 1979. – №158. – С. 52-57.
- 93) Дружинина И.А. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье / И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе, Е.И. Нарожный. – Армавир; М.: 2011. – 266 с.

- 94) Евглевский А.В. Восточноевропейские позднекочевнические сабли / А.В. Евглевский, Т.М. Потёмкина // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2000. – Т.1. – С. 117-179.
- 95) Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов) / Л.А. Евтюхова. – Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1948. – 110 с.
- 96) Захарова Е.Ю. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) / Е.Ю. Захарова, С.К. Кондратьева // Дивногорский сборник. – Воронеж: «Кварта», 2011. – Вып. 2. – 216 с.
- 97) Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. // Б.Н. Заходер. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. – 281 с.
- 98) Иванов А.А. О комплексе вооружения кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья / А.А. Иванов // Хазарский альманах. – Харьков: «Каравелла», 2002. – Т. 1. – С. 35-40.
- 99) Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа / В.А. Иванов. – М.: «Наука», 1984. – 88 с.
- 100) Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение древних памятников республики) / А.А. Иессен // МИА СССР. – №3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 7-50.
- 101) Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века / А.А. Иессен // МИА СССР. – №23. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 75-124.
- 102) Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII-X вв. / И.Л. Измайлов // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. – С. 107-121.

- 103) Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар X-XIII вв. (копья и боевые топоры) / И.Л. Измайлов // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. – С. 77-106.
- 104) Измайлов И.Л. К истории сложного лука Волжской Булгарии середины VIII-X вв. / Измайлов И.Л. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998а. – С. 198-205.
- 105) Измайлов И.Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья середины VIII-X вв. / И.Л. Измайлов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) – Самара: Краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998б. – С. 242-259.
- 106) Іллінська В.А. Скіфські сокири / В.А. Іллінська // Археологія. – 1961. – Т. XII. – С. 27-52.
- 107) Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы могильника Ливенцовский 7 (по материалам раскопок 1994-1995 гг.) / Л.С. Ильюков // Хазарские древности. – Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. – С. 227-235.
- 108) Ищериков П.Ф. Аланский могильник близ г. Стерлитамака / П.Ф. Ищериков // КСИИМК. – 1952. – Вып. XLVII. – С. 78-85.
- 109) Йотов В. Въръжението и снаряжението от българското средновековие (VII-XI век) / В. Йотов. – Варна: «Абагар», 2004. – 356 с.
- 110) Кадеев В.И. Украинский археолог, краевед и этнограф В.И. Бабенко (к 120-летию со дня рождения) / В.И. Кадеев // Древности. – 1997. – С. 144-146.

- 111) Кадиева А.А. Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г. в Дигорском ущелье (Северная Осетия) / А.А. Кадиева // РА. – 2012. – №1. – С. 100-111.
- 112) Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников) / Т.М. Калинина. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 288 с.
- 113) Калинина Т.М. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры / Т.М. Калинина, В.С. Флёров, В.Я. Петрухин. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – 208 с.
- 114) Каминский В.Н. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов / В.Н. Каминский // КСИА. – 1982. – №170. – С. 48-51.
- 115) Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской / В.Н. Каминский // СА. – 1987. – №4. – С. 187-205.
- 116) Каминский В.Н. Вооружение племён Северного Кавказа в раннем средневековье / В.Н. Каминский, И.В. Каминская-Цокур // Историко-археологический альманах. – 1997. – Вып. 3. – С. 61-69.
- 117) Кантемиров Э.С. Тарский катакомбный могильник VIII-IX вв. / Э.С. Кантемиров, Р.Г. Дзаттиаты // Аланы: история и культура. – Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед., 1995. – С. 259-314.
- 118) Кирпичников А.Н. Мечи и сабли IX-XIII вв. / А.Н. Кирпичников // САИ. – Вып. Е1-36: Древнерусское оружие. Вып. 1. – М.; Л.: «Наука», 1966а. – 179 с.
- 119) Кирпичников А.Н. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X-XIII вв. / А.Н. Кирпичников // САИ. – Вып. Е1-36: Древнерусское оружие. Вып. 2. – М.; Л.: «Наука», 1966б. – 146 с.

- 120) Кирпичников А.Н. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. / А.Н. Кирпичников // САИ. – Вып. Е1-36: Древнерусское оружие. Вып. 3. – М.; Л.: «Наука», 1971. – 148 с.
- 121) Кирпичников А.Н. Опыт изучения вооружения средневековой Руси / А.Н. Кирпичников // У истоков русской государственности. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. – С. 316-320.
- 122) Ковач Л. Вооружение венгров – обретателей родины: сабли, боевые топоры, копья. Дис. ...канд. ист. наук / Л. Ковач. – М.: АН СССР, 1981. – 217 с.
- 123) Козлов В.И. К вопросу об относительной хронологии наконечников стрел в Балкано-Дунайской культуре / В.И. Козлов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – С. 213-215.
- 124) Колода В.В. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1966 г. / В.В. Колода // Хазарский альманах. – Киев-Харьков: Международный Соломонов университет, 2004. – Т. 3. – С. 213-241.
- 125) Колода В.В. Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши / В.В. Колода // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження : збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання». – Харьков, 2012. – Вип.2. – С. 30-36.
- 126) Колода В.В. Два салтовских комплекса из Государева яра / В.В. Колода // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячений актуальним проблемам салтово- та хазарознавства – Харьков, 2013. – Вип.3. – С. 73-81.

- 127) Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) / А.В. Комар // *Vita Antiqua*. – 1999. – №2. – С. 111-136.
- 128) Комар А.В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры / А.В. Комар // *Finno-Ugrica*. – 2000. – №1. – С. 42-66.
- 129) Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов / А.В. Комар // *Степи Европы в эпоху средневековья*. – Донецк: ДонНУ, 2001. – Т.2. – С. 11-44.
- 130) Комар А.В. Курганы VIII в. у села Астахово / А.В. Комар // *Степи Европы в эпоху Средневековья*. – Донецк: ДонНУ, 2009. – Т. 7. – С. 295-314.
- 131) Комар А.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата [Электронный ресурс] / А.В. Комар, О.В. Сухобоков // *Восточноевропейский археологический журнал*. – 2000. – №2. – официальный сайт – Режим доступа: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.
- 132) Копылов В.П. Работы в Ростовской области / В.П. Копылов // *АО*. – 1983. – С. 120-121.
- 133) Копылов В.П. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский / В.П. Копылов, А.А. Иванов // *Средневековые древности Дона*. – М.; Иерусалим: «Гешарим», 2007. – С. 119-153.
- 134) Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. / Г.Ф. Корзухина // *СА*. – 1950. – Т. XIII. – С. 63-94.
- 135) Коробов Д. С. Расселение аланских племён Северного Кавказа V-VIII вв. по данным погребального обряда и письменным источникам / Д.С. Коробов // *Культуры степей Евразии второй*

- половины I тысячелетия н.э. – Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина, 1998. – С. 52-54.
- 136) Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа: IV-IX вв. н.э. / Д.С. Коробов. – СПб.: «Алетейя», 2003. – 380 с.
- 137) Коробов Д.С. Социальная стратификация населения Кисловодской котловины V-VIII вв. по материалам могильника Клин-Яр 3 / Д.С. Коробов // КСИА. – 2016. – №244. – С. 48-64.
- 138) Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV вв. (оружие ближнего боя) / У.Ю. Кочкаров. – М.: «ТАУС», 2008. – 176 с.
- 139) Кочкаров У.Ю. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII-X вв. / У.Ю. Кочкаров // РА. – 2010. – №1. – С. 157-160.
- 140) Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры / К.И. Красильников // СА. – 1979. – №2. – С. 77-91.
- 141) Красильников К.И. Праболгарский могильник у с. Жёлтое на Северском Донце / К.И. Красильников // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск, 1990. – С. 136-138.
- 142) Красильников К.И. Население степного Подонцовья в Хазарское время / К.И. Красильников // Дивногорский сборник. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. – Вып. 1. – С. 52-82.
- 143) Красильников К.И. Праболгары в степной периферии каганата / К.И. Красильников // Восточная Европа в древности и Средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. – С. 150-154.
- 144) Красильников К.И. Праболгары в военно-административных структурах Хазарского каганата (отдельные сюжеты из археологии) / К.И. Красильников // Роль войны и военного дела в

развитии древних и средневековых обществ. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – М., 2012. – С. 42-43.

- 145) Красильников К.И. «Булг-р... все они мне служат и платят мне дань» (некоторые археологические комментарии) / К.И. Красильников // Дивногорский сборник. – Воронеж: «Научная книга», 2016. – Вып. 6. – С. 112-125.
- 146) Красильников К.И. Лесостепи и степи Подонцовья под властью Хазарского каганата (военно-правовой очерк) / К.И. Красильников, Л.И. Красильникова // Освіта Донбасу. – 2008. – №1. – С. 12-17.
- 147) Красильников К.И. Идентифицирующие признаки населения степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата / К.И. Красильников, Л.И. Красильникова // Хазары: миф и история. – М.; Иерусалим: «Мосты культуры», «Гешарим», 2010. – С. 153-189.
- 148) Красильников К.И. Зернопроизводство у населения салтовомаяцкой культуры степного Подонцовья / К.И. Красильников, О.Н. Курдюкова // Степи Восточной Европы в средние века: сборник памяти Светланы Александровны Плетнёвой. – М.: «Авторская книга», 2016. – С. 198-209.
- 149) Красильников К.И. Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Жёлтое / К.И. Красильников, А.А. Руженко // СА. – 1981. – №2. – С. 282-289.
- 150) Круглов Е.В. О подкурганных захоронениях Астраханских степей хазарского времени / Е.В. Круглов // Вопросы археологии Юга Восточной Европы. – Элиста: Калмыцкий госуниверситет, 1990. – С. 159-171.
- 151) Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли / Е.В. Круглов // СА. – 1992. – №4. – С. 176-183.

- 152) Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. / Е.В. Круглов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк; ДонНУ, 2001. – Т. 2. – С. 395-446.
- 153) Круглов Е.В. Сложносоставные луки раннехазарского времени / Е.В. Круглов // Хазарский альманах. – Киев-Харьков: Международный Соломонов университет, 2004. – Т. 3. – С. 63-73.
- 154) Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья / Е.В. Круглов // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2005. – Т. 4. – С. 73-142.
- 155) Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья / А.В. Крыганов // СА. – 1987. – №2. – С. 63-69.
- 156) Крыганов А.В. Вооружение и войско населения Салтово-Маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) / А.В. Крыганов // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1989. – С. 98-114.
- 157) Крыганов А.В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння / А.В. Крыганов // Археологія. – 1993. – №2. – С. 52-62.
- 158) Крыганов А.В. Нетайловский могильник на фоне праболгарских некрополей Европы / А.В. Крыганов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара: СОИКМ им П.В. Алабина, 1998. – С. 358-365.
- 159) Крыганов А.В. Военное дело кочевников Северного Причерноморья конца IV – начала XIII вв. / А.В. Крыганов. – Сумы: Сумское областное общество «Просвита», 2012. – 232 с.
- 160) Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая / Г.В. Кубарев // Древности Алтая. – 1998. – №3. – С. 190-197.

- 161) Кубарев Г.В. Коленчатые ножи древнетюркской эпохи / Г.В. Кубарев // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2008. – С. 68-72.
- 162) Кузнецов В.А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. / В.А. Кузнецов // МИА СССР. – №114. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 8-47.
- 163) Кузнецов В.А. Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска / В.А. Кузнецов // СА. – 1985. – №3. – С. 206-213.
- 164) Кузнецов В.А. Погребение аланского дружинника IX в. / В.А. Кузнецов, А.П. Рунич // СА. – 1974. – №3. – С. 196-203.
- 165) Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине / Ю.В. Кухаренко // КСИИМК. – 1951. – Вып. ХLI. – С. 99-108.
- 166) Лаптев О.О. Салтово-маяцкий кремаційний могильник біля с. Кицівка на Харківщині / О.О. Лаптев, В.С. Аксьонов // Археологія. – 2012. – №4. – С. 95-109.
- 167) Ларенок П.А. Раннесредневековые погребения курганного могильника Ливенцовский 7 (по материалам раскопок 2006 г.) / П.А. Ларенок // Хазарские древности. – Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. – С. 193-209.
- 168) Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов / В.П. Левашова // МИА СССР. – №24. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 121-136.
- 169) Липатов А.В. Боевые топоры как оружие ближнего боя средневековой мордвы VIII-XI вв. / А.В. Липатов // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза: Пензинский государственный педагогический университет им В.Г. Белинского, 2003. – С. 314-320.

- 170) Ляпушкин И.И. Раскопки Правобережного Цымлянского городища / И.И. Ляпушкин // КСИИМК. – 1940. – Вып. IV. – С. 58-62.
- 171) Ляпушкин И.И. Памятники Салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон / И.И. Ляпушкин // МИА СССР. – №62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 85-150.
- 172) Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа / И.И. Ляпушкин // МИА СССР. – №104. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 384 с.
- 173) Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным) / М.Г. Магомедов. – М.: «Наука», 1983. – 225 с.
- 174) Магомедов М.Г. Происхождение сабель Верхне-Чирюртовского курганного могильника / М.Г. Магомедов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971-2006. – М.; Ставрополь, 2008. – Вып. VIII. – С. 150.
- 175) Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. / Н.А. Мажитов. – М.: «Наука», 1977. – 240 с.
- 176) Майко В.В. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму / В.В. Майко, А.В. Гаврилов, В.Д. Гукин // Хазарский альманах. – Киев -Харьков, 2008. – С. 237-263.
- 177) Макаренко Н.Е. Маяцкое городище / Н.Е. Макаренко // ИАК. – 1911. – Вып. 43. – С. 1 -47.
- 178) Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке / Г.И. Матвеева. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1997. – 226 с.

- 179) Матрёнин С.С. Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология / С.С. Матрёнин // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – №4-2. – С. 141-149.
- 180) Медведев А.Ф. Ручное и метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. / А.Ф. Медведев // САИ. – Вып. Е1-36. – М.; Л.: «Наука», 1966. – 184 с.
- 181) Мелюкова А.И. Вооружение скифов / А.И. Мелюкова // САИ. – Вып. Д1-4. – М.: «Наука», 1964. – 118 с.
- 182) Мерперт Н.Я. Верхнее Салтово (салтовская культура). Автореф. дис. ...канд. ист. наук / Н.Я. Мерперт. – М.; Л.: АН СССР, 1949. – 18 с.
- 183) Мерперт Н.Я. О генезисе салтовской культуры / Н.Я. Мерперт // КСИА. – 1951. – Т. XXXVI. – С. 14-30.
- 184) Мерперт Н.Я. Из истории оружия племён Восточной Европы в раннем средневековье / Н.Я. Мерперт // СА. – 1955. – Т. XXIII. – С. 131-168.
- 185) Милютинъ А.И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городищѣ / А.И. Милютинъ // ИАК. – 1909. – Вып. 29. – С. 153-163.
- 186) Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным / Т.М. Минаева. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1971. – 248 с.
- 187) Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата / В.К. Михеев. – Харьков: «Вища школа», 1985. – 148 с.
- 188) Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник / В.К. Михеев // СА. – 1986. – №3. – С. 158-173.

- 189) Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры / В.К. Михеев // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 45-52.
- 190) Михеев В.К. Раскопки Сухогомольшанского комплекса / В.К. Михеев, А.К. Дегтярь // АО . – 1974. – С. 309.
- 191) Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII-X вв. / В.К. Михеев // Археология славянского юго-востока. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – С. 43-50.
- 192) Могильников Е.А. Елыкаевская коллекция Томского университета / Е.А. Могильников // СА. – 1968. – №1. – С. 263-268.
- 193) Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках / В.А. Могильников. – М.: «Наука», 2002. – 362 с.
- 194) Монгайт А.Л. Археологические заметки / А.Л. Монгайт // КСИИМК. – 1951. – Вып. XLI. – С. 124-137.
- 195) Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А.П. Новосельцев. – М.: «Наука», 1990. – 264 с.
- 196) Овсянников В.В. Природно-географический фактор в выделении комплексов вооружения памятников Урало-Поволжья эпохи средневековья / В.В. Овсянников // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара, 1996. – С. 165-178.
- 197) Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X вв. / Б.Б. Овчинникова. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 221 с.
- 198) Парусимов И.Н. Военские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона / И.Н. Парусимов // Средневековые древности Дона. – М.; Иерусалим: «Гешарим», 2007. – С. 312-324.

- 199) Пархоменко О.В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII-IX ст. / О.В. Пархоменко // Археологія – 1983 – №43 – С. 75-87.
- 200) Плетнёва С.А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца / С.А. Плетнёва // КСИИМК. – 1960. – Вып. 79. – С. 3-20.
- 201) Плетнёва С.А. Подгоровский могильник / С.А. Плетнёва // СА. – 1962а. – №3. – С. 241-251.
- 202) Плетнёва С.А. О связях алано-болгарских племён Подонья со славянами в VIII-IX вв. / С.А. Плетнёва // СА. – 1962б. – №1. – С. 83-94.
- 203) Плетнёва С.А. О построении кочевнического лагеря-вежи / С.А. Плетнёва // СА. – 1964. – №3. – С. 133-140.
- 204) Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С.А. Плетнёва // МИА СССР. – №142. – М.; Л.: Изд-во ИА РАН, 1967. – 200 с.
- 205) Плетнёва С.А. Средневековые «амазонки» в Европейских степях / С.А. Плетнёва // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. – С. 9-20.
- 206) Плетнёва С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища / С. А. Плетнёва / С.А. Плетнёва // Маяцкое городище (труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). – М., 1984. – С. 57-94.
- 207) Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) / С.А. Плетнёва. – М.: «Наука», 1989. – 288 с.
- 208) Плетнёва С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности / С.А. Плетнёва // РА. – 1993. – № 4. – С. 160-172.

- 209) Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 / С.А. Плетнёва // МАИЭТ. – Симферополь: «Таврия», 1994. – Вып. IV. – С. 271-396.
- 210) Плетнёва С.А. «Амазонки» как социально-политическое явление / С.А. Плетнёва // Культура славян и Русь. – М.: «Наука», 1998. – С. 529-537.
- 211) Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии / С.А. Плетнёва. – М.; Иерусалим: «Мосты культуры»; «Гешарим», 1999. – 365 с.
- 212) Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII вв) / С.А. Плетнёва. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – 248 с.
- 213) Плетнёва С.А. Работа Северо-Донецкой экспедиции / С.А. Плетнёва, Т.И. Макарова // АО. – 1974. – С. 69-70.
- 214) Плетнёва С.А. Волоконовский древнеболгарский могильник / С.А. Плетнёва, А.Г. Николаенко // СА. – 1976. – №3. – С. 279-298.
- 215) Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник / А.М. Покровский // Труды XII археологического съезда в Харьковѣ в 1902 г. – М., 1905. – Т. I. – С. 465-491.
- 216) Приходнюк О.М. Пеньковская культура (культурно-хронологический аспект исследования) / О.М. Приходнюк. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – 170 с.
- 217) Пьянков А.В. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (раскопки 1989 г.) / А.В. Пьянков, В.А. Тарабанов // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир: АГПУ, 2004. – Вып. 3. – С. 275-292.
- 218) Решетова И.К. Население Донецко-Донского междуречья в раннем Средневековье (по материалам погребальных памятников салтовско-маяцкой культуры). Дис. ...канд. ист. наук / И.К. Решетова. – М.: ИА РАН, 2015. – 263 с.

- 219) Рунич А.П. Катакомбы Рим-Горы / А.П. Рунич // СА. – 1970. – №2. – С. 198-210.
- 220) Рунич А.П. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины / А.П. Рунич // СА. – 1977. – №1. – С. 248-257.
- 221) Рыбаков Б.А. Древние русы / Б.А. Рыбаков // СА. – 1953. – Т. XVII. – С. 23-104.
- 222) Савенко С.Н. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 году / С.Н. Савенко // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. – Грозный: Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии, 1985. – С. 28-32.
- 223) Савин А.М. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья / А.М. Савин, А.И. Семёнов // Первая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1989. – С. 104-107.
- 224) Савин А.М., Семёнов А.И. К реконструкции лука хазарского времени / А.М. Савин, А.И. Семёнов // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск, 1990. – С. 169-171.
- 225) Савченко Е.И. Крымский могильник / Е.И. Савченко // Археологические открытия на новостройках. – М.: «Наука», 1986. – Вып. 1. – С. 70-101.
- 226) Сарапулкин В.А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Дис. ...канд. ист. наук / В.А. Сарапулкин. – Липецк: ЛГПУ, 2003. – 284 с.
- 227) Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) / В.А. Сарапулкин // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – Вып. 12. – С. 195-204.

- 228) Сарапулкин В.А. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области / В.А. Сарапулкин // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – Вып. 13. – С. 292-293.
- 229) Сарапулкин В.А. Новые погребения Маяцкого селища / В.А. Сарапулкин // РА. – 2014. – №2 – С. 127-136.
- 230) Саханев В.В. Раскопки на сѣверномъ Кавказѣ въ 1911-12 годхъ / В.В. Саханев // ИАК. – 1914. – Вып. 56. – С. 75-219.
- 231) Свистун Г.Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) / Г.Е. Свистун // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання» – Х., 2012а. – Вип. 2. – С. 79-89.
- 232) Свистун Г.Е. К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне северскодонецкого микрорегиона / Г.Е. Свистун // Хазарский альманах. – Киев-Харьков, 2012б. – Том. 10. – С. 146-158.
- 233) Свистун Г.Е. Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике / Г.Е. Свистун, В.И. Квитковский // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячений актуальним проблемам салтово- та хозарозвавства – Х., 2013. – Вип. 3. – С. 118-204.
- 234) Семёнов-Зусер С.А. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. / С.А. Семёнов-Зусер // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1949. – Т. I. – С. 112-137.

- 235) Семёнов-Зусер С.А. Дослідження Салтівського могильника / С.А. Семёнов-Зусер // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1952. – Т. III. – С. 271-284.
- 236) Сергеева М.С. Орнаментация изделий из дерева и кости в лесостепном Поднепровье в X-XIII веках / М.С. Сергеева // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. – 1998. – Вып. 12. – С. 83-95.
- 237) Сланов А.А. Военное дело алан I-XV вв. // А.А. Сланов. – Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им В.И. Абаева, 2010. – 400 с.
- 238) Смирнов А.П. Материалы по истории мордвы VIII-XI вв. Крюковско-Кужновский могильник / А.П. Смирнов. – Моршанск: Изд-во Моршанского краеведческого музея, 1952. – 232 с.
- 239) Старостин П.Н. Игимский могильник / П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, Р.С. Габяшев // СА. – 1973. – №1. – С. 260-264.
- 240) Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово / В.А. Тарабанов // Историческая этнография: традиции и современность. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 148-155.
- 241) Тортика А.А. Восточнославянские племена Днепровского Левобережья, Подонья-Придонечья в контексте хазарской истории: этнополитическая модель взаимоотношений / А.А. Тортика // Хазарский альманах. – Харьков: «Каравелла», 2002. – Т. 1. – С. 140-150.
- 242) Тортика А.А. Северо-западная Хазария в военно-политической системе Хазарского каганата: к постановке проблемы / А.А. Тортика // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2005. – Т.4. – С. 7-16.
- 243) Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.) /

- А.А. Тортика. – Харьков: Харьковская государственная академия культуры, 2006. – 553 с.
- 244) Уварова П.С. Могильники Съвернаго Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. – М., 1900. – Вып. VIII. – 381 с.
- 245) Успенский П.С. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII-XIII вв. как исторический источник. Дис. ...канд. ист. наук / П.С. Успенский. – М.: ИА РАН, 2015. – 458 с.
- 246) Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А. Фёдоров-Давыдов. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 276 с.
- 247) Флёров В.С. О хронологии салтово-маяцкой культуры / В.С. Флёров // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Р-н-Д.: Изд-во Ростовского университета, 1983. – С. 103-109.
- 248) Флёров В.С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 года) / В.С. Флёров // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М.: ИА АН СССР, 1990а. – С. 140-191.
- 249) Флёров В.С. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате / В.С. Флёров // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. – Пенза, 1990б. – С. 84-87.
- 250) Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) / В.С. Флёров. – Волгоград: «Перемена», 1993а. – 144 с.
- 251) Флёров В.С. О социальном строе в Хазарском каганате (по материалам Маяцкого могильника) / В.С. Флёров // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). – М.: «Наука», 1993б. – С. 3-12.

- 252) Флёрв В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987-1988, 1990 гг. / В.С. Флёрв // МАИЭТ. – Симферополь: «Таврия», 1994. – Вып. IV. – С. 441-516.
- 253) Флёрв В.С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII вв.: обряд обезвреживания погребённых / В.С. Флёрв. – М.: «Полимедиа», 2000. – 164 с.
- 254) Флёрв В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. / В.С. Флёрв // Труды Клин-Ярской экспедиции. Т. III. – М.: «ТАУС», 2007. – 372 с.
- 255) Флёрв В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность / В.С. Флёрв. – М.: «Мосты культуры», «Гешарим», 2011. – 264 с.
- 256) Флёрва В.Е. Граффити Хазарии / В.Е. Флёрва. – М: «Эдиториал УРСС», 1997. – 176 с.
- 257) Флёрва В.Е. Орнаментированные костяные изделия Саркела-Белой Вежи: проблема специализации ремесла / В.Е. Флёрва // РА. – 1998. – №2. – С. 86-99.
- 258) Флёрва В.Е. Подкурганые погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии / В.Е. Флёрва // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2001. – Т. 2. – С. 163-190.
- 259) Флёрва В.Е. Сюжеты хазарской графики / В.Е. Флёрва // Хазары. Евреи и славяне. – М.; Иерусалим: «Мосты культуры», «Гешарим», 2005. – Т. 16. – С. 153-172.
- 260) Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов / А.М. Хазанов. – М: «Наука», 1971. – 172 с.
- 261) Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-

- Исторического музея) / А. Хайнрих // Аланы: история и культура. – Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед., 1995. – С. 184-258.
- 262) Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник / Е.А. Халикова // СА. – 1976. – №2. – С. 158-178.
- 263) Хоружая М.В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) / М.В. Хоружая // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2009. – Т. 7. – С. 259-294.
- 264) Хоружая М.В. Половозрастная дифференциация детских погребений по материалам катакомбных могильников Верхне-Салтовского археологического комплекса / М.В. Хоружая // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО ЛГПУ, 2014. – Вып. 6. – С. 438-448.
- 265) Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв. / Ю.С. Худяков // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: «Наука», 1981. – С. 115-132.
- 266) Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: «Наука», 1986. – 269 с.
- 267) Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в раннее и развитое средневековье / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: «Наука», 1991. – 190 с.
- 268) Циркин А.В. Древковое оружие мордвы и его хронология / А.В. Циркин // СА. – 1984. – №1. – С. 123-133.
- 269) Цыбин М.В. Первые исследования на Маяцком городище / М.В. Цыбин // Средневековые древности Евразийских степей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 100-104.

- 270) Шрамко Б.А. Погребения VIII-X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области / Б.А. Шрамко // Древнерусское государство и славяне. – Минск: «Наука и техника», 1983. – С. 48-50.
- 271) Iotov V. A note on the «Hungarian sabers» of medieval Bulgaria // V. Iotov // The other Europe in the middle ages: avars, bulgars, khazars and cumans. – Leiden; Boston: «Brill», 2008. – P. 327-338.
- 272) Petrukhin V.J. Khazaria and Rus`: an examination of their historical relations / V.J. Petrukhin // The World of the Khazars. – Leiden; Boston: «Brill», 2007. – P. 245-268.

Список сокращений

АГПУ – Армавирский Государственный педагогический университет

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия

ВГУ – Воронежский Государственный университет

ВГПУ – Воронежский Государственный педагогический университет

ДонНУ – Донецкий Государственный университет

ИАК – Известия археологической комиссии

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала академии наук СССР

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова академии наук Татарстана

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

ЛГПУ – Липецкий Государственный педагогический университет

ЛГУ – Ленинградский Государственный университет

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МАР – Материалы по археологии России

МГУ – Московский Государственный университет

МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР

НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской Академии наук

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СОИКМ им. П.В. Алабина – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

ХГУ – Харьковский Государственный университет

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Таблицы.

Табл. 1. Условные обозначения могильников.

№	Условное обозначение	Полное наименование
1	АМ	Афоньевский могильник
2	ВМ	Волоконовский могильник.
3	ВС	Верхнесалтовский могильник
4	ГЯ	комплексы в Государевом яре
5	ДМ	Дмитриевский могильник
6	К	могильник Кицевка
7	КГ	Красногорский могильник
8	КМ	Кочетокский могильник
9	Кочеток	комплекс у с. Кочеток
10	ЛГ	могильник Лысый Горб
11	М	Мандровский могильник
12	ММ	Маяцкий могильник
13	МС	Маяцкое селище
14	НЛ	Нижнелубянский могильник
15	НМ	Нетайловский могильник
16	Н2	селище Нетайловка 2
17	НП	Новопокровский могильник
18	ПМ	Подгоровский могильник
19	Пятницкое	погребение у с. Пятницкое
20	РМ	Рубежанский могильник
21	РжМ	Ржевский могильник
22	СГ	Сухогомольшанский могильник
23	у СГ	комплекс у с. Сухая Гомольша
24	1 км. от СГ	комплексы в 1 км. от Сухогомольшанского могильника
25	СС	Старосалтовский могильник
26	Тополи	комплекс у с. Тополи
27	ЮМ	Ютановский могильник

Таблица 1а. Археологические источники.

1 – памятник; 2 – номер на карте; 3 – отчёты и публикации; 4 – тип погребения; 5 – исследовано комплексов; 6 – учтено комплексов с вооружением; а – катакомбные погребения; б – ямные погребения; в – кремации; г – отчёты, д – публикации (номера соответствуют номерам в списке использованных источников и литературы).

1	2	3		4			5			6		
		г	д	а	б	в	а	б	в	а	б	в
Маяцкий могильник	1	26-40	248	+	+		138	13		6		
Маяцкое селище	1	26-40	228, 69	+	+		28	5		10	2	
Афоньевский могильник	2	6		+			1			1		
Дмитриевский могильник	3	19-25	206	+	+	+	164	9	9	60		
Ржевский могильник	4	41-44	226		+			41			9	
Ютановский могильник	5	1-4, 9-11		+	+		23	2		15		
Нижнелубянский могильник	6	5, 8-18		+	+		60	1		24	1	
Мандровский могильник	7		71		+			49			3	
Рубежанский могильник	8		5	+			18			4		
Верхнесалтовский могильник	9		15, 55, 56, 124, 214, 233, 234, 261, 262	+	+		>800	?		11		
Нетайловский могильник	10		11-14, 16, 20, 21, 29, 198		+			525			21	
Селище Нетайловка 2	10		24		+			1			1	
Старосалтовский могильник	11		4	+			21			10		

Продолжение Таблицы 1а.

1	2	3		4			5			6		
		г	д	а	б	в	а	б	в	а	б	в
Подгоровский могильник	12		200	+			7			1		
Комплекс вещей у с. Тополы	13		164			+			1			1
Погребение у с. Пятницкое	14		268			+			1			1
Кочетокский могильник	15		230, 232			+			4			4
Комплекс вещей у с. Кочеток	16		90			+			1			1
Новопокровский могильник	17		164			+			20			2
могильник Кицевка	18		165			+			6			3
Сухогомольшанский могильник	19		26, 187, 189			+			337			25
комплексы вещей в 1 км. от Сухогомольшанского могильника	20		7			+			3			3
комплекс вещей у с. Сухая Гомольша	21		125			+			1			1
Красногоровский могильник	22		9, 27		+	+		191	121		4	4
могильник Лысый Горб	23		23			+			4			3
комплексы вещей из Государева Яра	24		126			+			2			2
Итого							≈1260	836	510	142	41	50
							≈2606			233		

Табл. 2. Инвентарь комплексов с саблями.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
№	Могильник	№ погребения	топор	копье	кистень	накладки на лук	детали колчана	наконечники стрел	нож	детали сбури	стремена	удила
1	ДМ	5	+			+		+	+		+	+
2	ДМ	52 ¹⁷	+				+	+			+	+
3	ДМ	109	+						+			
4	ДМ	126	+		+				+		+	+
5	ВС IV	99							+			
6	ВС 1902 г.	22							+			
7	ВС 1902 г.	23	+						+			
8	ВС 1911 г.	1										
9	МС	1	+		+		+	+				
10	МС	яма 18	+			+	+	+		+	+	+
11	СС	12	+			+	+	+	+			
12	СГ	175		+					+		+	+
13	СГ	252	+	+		+	+	+	+	+	+	+
14	СГ	комплекс I										+
15	СГ	комплекс XV		+						+	+	+
16	у СГ	комплекс	+	+			+	+	+		+	+
17	1 км. от СГ	комплекс 1		+					+		+	+
18	1 км. от СГ	комплекс 3	+	+					+	+	+	+
19	КМ	компл. в яме 3	+								+	+
20	КМ	погр. 1	+	+				+	+		+	+
21	НП	комплекс 1							+	+	+	+

¹⁷ В погребении обнаружен меч.

Продолжение Таблицы 2.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
22	НП	комплекс 2		+				+	+	+	+	+
23	КГ	101		+			+	+	+	+	+	+
24	КГ	254	+	+		+	+	+	+	+	+	+
25	ЛГ	1		+					+	+	+	+
26	Пятницкое	комплекс		+							+	+
27	Тополи	комплекс	+	+				+		+	+	+
28	НМ	342 ¹⁸		+								
29	НМ	376			+			+	+			
30	КГ	150	+	+		+		+		+	+	+
31	РжМ	11	+							+	+	+
32	РжМ	12 ¹⁹		+						+		

¹⁸ В погребении обнаружен палаш.

¹⁹ В погребении обнаружен череп коня, без предметов упряжи.

Табл. 3. Распределение боевых топоров по отделам, типам, подтипам (в скобках дано количество экземпляров).

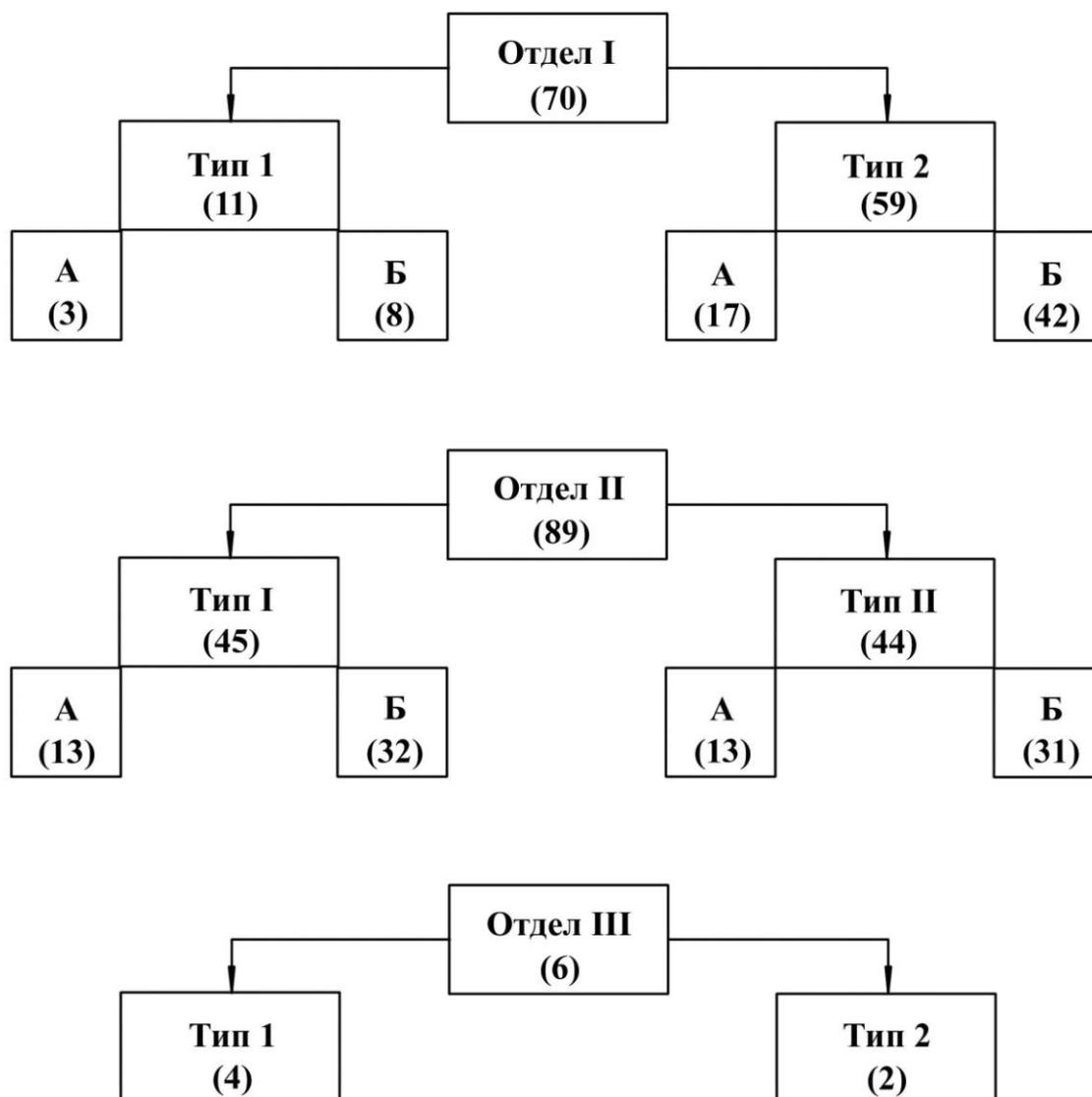

Табл. 4. Распределение типов топоров по комплексам, совершённым по различной погребальной обрядности.

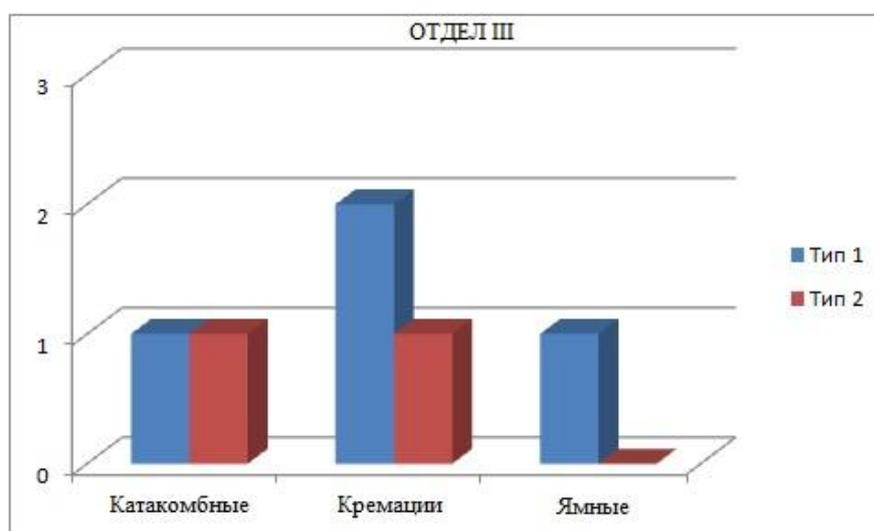
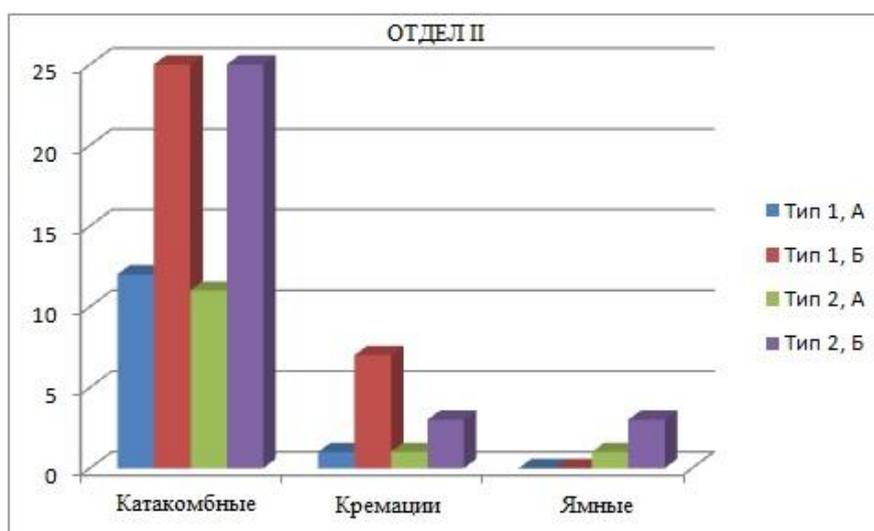
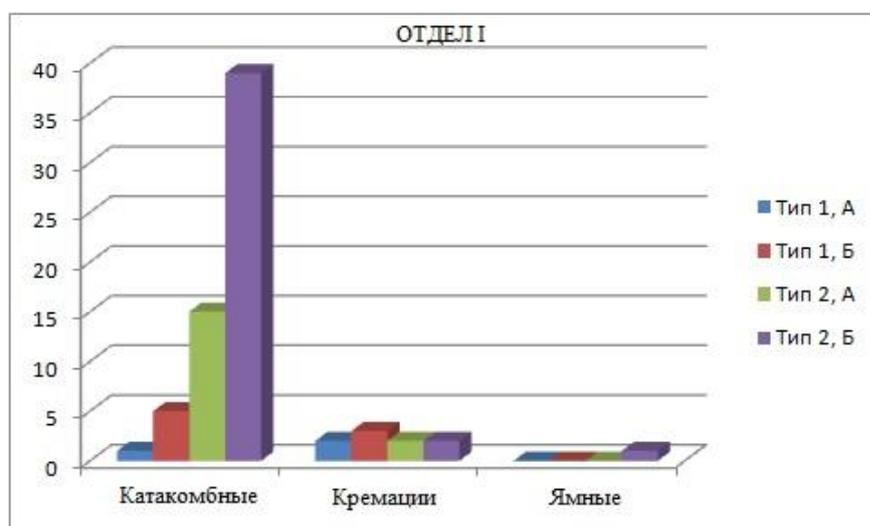

Табл. 5. Инвентарь погребений с топорами.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
№	Могильник	№ погребения	сабля	топор (второй топор)	наконечник копья	кистень	накладки на лук	детали колчана	наконечники стрел	нож	детали сбури	стремена	удила
1	ММ	71								+			
2	ММ	79						+	+				
3	МС	1	+			+		+	+	+			
4	МС	2								+			
5	МС	3		+						+			
6	МС	3		+									
7	МС	яма 18	+				+		+		+	+	+
8	МС	яма 24								+			
9	МС	яма 25								+			
10	МС	1 в постр. 18								+			
11	МС	2 в постр. 18											
12	МС	постр. 28					+	+	+				
13	ДМ	3		+						+			
14	ДМ	5	+				+		+	+		+	+
15	ДМ	7								+			
16	ДМ	10								+			
17	ДМ	21								+			
18	ДМ	22								+			
19	ДМ	23						+	+	+		+	+
20	ДМ	33								+			
21	ДМ	38		+						+			
22	ДМ	38		+									
23	ДМ	45						+	+	+		+	+
24	ДМ	46		+						+			
25	ДМ	46		+									
26	ДМ	51		+						+			

Продолжение Таблицы 5.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
27	ДМ	51		+						+			
28	ДМ	52	+					+	+	+		+	+
29	ДМ	54				+				+			
30	ДМ	55						+	+	+			
31	ДМ	62								+		+	+
32	ДМ	72								+			
33	ДМ	73								+			
34	ДМ	79											
35	ДМ	80								+			
36	ДМ	81		+						+			
37	ДМ	81		+						+			
38	ДМ	86								+			
39	ДМ	87						+	+	+			
40	ДМ	89		+						+			
41	ДМ	89		+						+			
42	ДМ	92								+			
43	ДМ	101		+						+			
44	ДМ	101		+						+			
45	ДМ	102								+			
46	ДМ	106		+			+	+	+	+			
47	ДМ	106		+						+	+	+	+
48	ДМ	108								+			
49	ДМ	109	+							+			
50	ДМ	110								+		+	+
51	ДМ	115								+		+	+
52	ДМ	117								+			
53	ДМ	118								+			
54	ДМ	119		+						+			
55	ДМ	119		+						+			
56	ДМ	121								+			

Продолжение Таблицы 5.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
57	ДМ	124											
58	ДМ	125		+						+			
59	ДМ	126	+			+				+		+	+
60	ДМ	134		+						+			
61	ДМ	134		+									
62	ДМ	143		+						+		+	
63	ДМ	148					+						
64	ДМ	150								+			
65	ДМ	151										+	
66	ДМ	152								+			
67	ДМ	157								+			
68	ДМ	159								+			
69	ДМ	164											
70	ДМ	165		+						+			
71	ДМ	169					+			+			+
72	ДМ	170								+			
73	ДМ	174		+						+			
74	ДМ	174		+						+			
75	ДМ	177											
76	ДМ	178											
77	ДМ	181											
78	ДМ	182											
79	ДМ	182											
80	ДМ	184											
81	BC IV	21								+			
82	BC IV	26		+						+			
83	BC IV	26		+						+			
84	BC IV	96								+			
85	BC 1984	3		+						+			

Продолжение Таблицы 5.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
86	BC 1984	3		+						+			
87	BC 1984	20											
88	НЛ	3						+	+				
89	НЛ	5											
90	НЛ	14								+			
91	НЛ	21								+			
92	НЛ	22								+			
93	НЛ	23		+									
94	НЛ	23		+									
95	НЛ	25	+				+	+	+				
96	НЛ	30											
97	НЛ	32								+			
98	НЛ	33								+			
99	НЛ	34								+			
100	НЛ	37								+			
101	НЛ	39											
102	НЛ	40											
103	НЛ	42											
104	НЛ	43											
105	НЛ	44		+						+			
106	НЛ	44		+									
107	НЛ	54											
108	НЛ	55	+	+						+			
109	НЛ	55		+						+			
110	НЛ	58											
111	НЛ	61								+			
112	ЮМ	1								+			
113	ЮМ	2								+			
114	ЮМ	5								+			

Продолжение Таблицы 5.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
115	ЮМ	6								+			
116	ЮМ	6											
117	ЮМ	7								+			
118	ЮМ	8								+			
119	ЮМ	9						+		+		+	+
120	ЮМ	10								+			
121	ЮМ	11								+			
122	ЮМ	12								+			
123	ЮМ	15								+			
124	ЮМ	17		+		+				+			
125	ЮМ	17		+						+			
126	ЮМ	20											
127	ЮМ	23											
128	PM	3								+			
129	PM	4								+			
130	PM	11								+			
131	PM	15								+			
132	CC	1								+			
133	CC	2								+			
134	CC	3								+			
135	CC	7								+			
136	CC	12	+				+	+	+	+			
137	CC	14								+			
138	CC	15								+			
139	CC	16								+			
140	CC	21								+			
141	CC	22								+			
142	AM	1								+			
143	СГ	42								+			
144	СГ	175	+		+					+	+	+	+

Продолжение Таблицы 5.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
145	СГ	203								+			
146	СГ	214								+	+	+	+
147	СГ	233			+								
148	СГ	246											
149	СГ	252	+		+		+	+	+	+	+	+	+
150	СГ	комплекс III			+					+	+	+	+
151	СГ	комплекс V		+	+					+	+		
152	СГ	комплекс V		+	+					+	+		
153	СГ	комплекс VII								+	+		
154	СГ	комплекс XIII								+			
155	СГ	комплекс XVI			+					+		+	
156	СГ	комплекс XVII		+	+					+	+	+	+
157	СГ	комплекс XVII		+	+					+	+	+	+
158	у СГ	комплекс	+		+			+	+			+	+
159	у СГ	комплекс	+		+			+	+			+	+
160	у СГ	комплекс	+		+			+	+			+	+
161	1 км. от СГ	комплекс 2										+	+
162	1 км. от СГ	комплекс 3	+	+	+					+		+	+
163	1 км. от СГ	комплекс 3	+	+	+					+		+	+
164	1 км. от СГ	комплекс 3	+	+	+					+		+	+
165	КГ	216					+			+	+	+	
166	КГ	254	+		+		+	+	+	+	+	+	+
167	КМ	яма 3	+									+	+
168	КМ	яма 4			+								
169	КМ	яма 6	+		+			+	+	+		+	+
170	Кочеток	комплекс			+			+	+		+		+

Продолжение Таблицы 5.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
171	ГЯ	комплекс 1											
172	ГЯ	комплекс 2								+	+	+	
173	Тополи	комплекс	+		+				+	+	+	+	+
174	ЛГ	2			+					+	+	+	+
175	ЛГ	комплекс						+	+	+	+	+	+
176	НМ	45								+			
177	НМ	66											
178	НМ	180								+	+		+
179	КГ	150	+		+		+		+		+	+	+
180	КГ	264	+		+		+	+	+		+	+	+
181	НЛ	36								+			
182	РжМ	11	+								+	+	+

Табл. 6. Инвентарь комплексов с наконечниками копий.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
№	Погребение	сабля	топор	копье (второе)	кисть	накладки на лук	детали колчана	наконечн и-ки	нож	детали сбруи	стремена	удила	начельни
1	СГ №60								+				
2	СГ №175	+	+	+					+		+	+	+
3	СГ №175	+	+	+					+		+	+	+
4	СГ №233		+										
5	СГ №252	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
6	СГ №252	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
7	СГ №267								+				
8	СГ III		+						+	+	+	+	
9	СГ V		+						+	+			
10	СГ XV	+								+	+	+	
11	СГ XVI		+	+					+		+		
12	СГ XVI		+	+					+		+		
13	СГ XVII		+						+	+	+	+	
14	КГ 101	+					+	+	+	+	+	+	+
15	КГ 254	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
16	КГ 254	+	+	+		+		+	+		+	+	
17	Тополи	+	+					+	+	+	+	+	
18	НП, комплекс 2	+						+	+	+	+	+	
19	Пятницкое	+									+	+	
20	1 км. от СГ, комплекс 1	+							+		+	+	
21	1 км. от СГ, комплекс 3	+	+	+					+	+	+	+	
22	1 км. от СГ, комплекс 3	+	+	+					+	+	+	+	
23	У СГ	+	+	+			+	+		+	+	+	

Продолжение Таблицы 6.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
24	У СГ	+	+	+			+	+		+	+	+	
25	КМ 1	+	+				+	+	+		+	+	
26	КМ 3		+										
27	Кочеток		+				+	+		+		+	
28	ЛГ 1	+		+					+	+	+	+	+
29	ЛГ 1	+		+					+	+	+	+	+
30	ЛГ 2		+						+	+	+	+	
31	НМ 342	+							+				
32	НМ 371						+						
33	НМ 377												
34	НМ 413								+	+	+	+	
35	НМ 431								+			+	
36	НМ 437												
37	НМ 466							+		+			
38	НМ 482	+							+	+	+	+	+
39	НМ 491								+	+	+	+	
40	НМ 522								+	+	+	+	
41	НМ 525				+	+		+	+	+	+	+	
42	Н2 1	+						+	+	+	+		
43	КГ 150	+	+	+		+		+		+	+	+	
44	КГ 150	+	+	+		+		+		+	+	+	
45	КГ 264	+	+			+	+	+		+	+	+	
46	КГ 282	+				+		+	+			+	
47	КГ 293					+		+		+	+	+	
48	РжМ 1												
49	РжМ 12	+											
50	РжМ 20				+					+	+	+	
51	РжМ 25												
52	РжМ 31									+	+	+	
53	РжМ 37										+	+	
54	РжМ 39										+		

Табл. 7. Распределение типов копий по погребениям.

Отдел	Тип	Катакомбные	Кремационные	Ямные
Отдел I	Тип 1	1	18	15
	Тип 2	–	2	–
	Тип 3	–	2	–
Отдел II	Тип 1	–	4	2
	Тип 2	–	3	–
Отдел III	Тип 1	–	1	1
	Тип 2	–	–	2
Отдел IV		–	1	1

Табл. 8. Инвентарь комплексов с кистенями.

№	Могильник	№ погребения	сабля	топор	копье	накладки на лук	детали колчана	наконечники стрел	нож	детали сбури	стремена	удила
1	МС	1	+	+			+	+	+			
2	ДМ	54		+					+			
3	ДМ	126	+	+					+		+	+
4	ЮМ	17		+					+			
5	ВС 1902 г.	22	+						+			
6	НЛ	29	+						+			
7	СГ	54							+	+	+	
8	СГ	89							+			
9	СГ	122									+	+
10	СГ	246		+								
11	СГ	274										
12	КМ	2										
13	КМ	2										
14	НМ	8			+							
15	НМ	23								+	+	+
16	НМ	376	+					+	+			
17	НМ	525			+			+	+	+	+	+
18	РЖМ	20			+					+	+	+

Табл. 9. Распределение кистеней из разного материала изготовления по погребениям с различной обрядностью.

	Катакомбные	Кремационные	Ямные
Железо	3	3	3
Бронза	2	4	-
Свинец	2	1	1
Камень	1	-	-

Табл. 10. Погребальный инвентарь захоронений с дистанционным оружием.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
№	Могильник	№ погребения	накладки на лук	детали колчана	наконечники стрел	колчаный крюк	сабля	топор	наконечник копья	кисть	детали сбруи	стремена	удила
1	ММ	30	+								+	+	+
2	ММ	46			+								
3	ММ	57	+										
4	ММ	79		+									
5	МС	1		+	+	+	+	+		+			
6	МС	яма 18	+	+	+		+	+			+	+	+
7	МС	постр. 28	+	+	+	+		+					
8	МС	яма 30	+										
9	ДМ	5	+		+	+	+	+				+	+
10	ДМ	23			+			+				+	+
11	ДМ	45		+	+	+		+				+	+
12	ДМ	52		+	+		+	+				+	+
13	ДМ	55		+	+			+					
14	ДМ	87		+	+								
15	ДМ	106	+		+			+					
16	ДМ	140	+										
17	ДМ	143	+					+				+	
18	ДМ	148	+					+					
19	ДМ	169	+		+			+					+
20	ДМ	173	+		+							+	+
21	НЛ	3			+	+		+					
22	НЛ	6		+	+	+		+			+	+	+
23	НЛ	25	+	+	+	+	+	+					

²⁰ В катакомбе был обнаружен меч.

Продолжение Таблицы 10.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
24	НЛ	52			+		+						
25	ЮМ	9		+		+		+				+	+
26	ПМ	5				+	+	+			+	+	+
27	ВС	15		+	+	+							
28	ВС IV	23				+							
29	СС	12	+	+	+	+	+	+					
30	СГ	6			+						+		
31	СГ	17			+							+	+
32	СГ	175		+			+	+	+			+	+
33	СГ	192	+										
34	СГ	250			+								
35	СГ	252	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
36	у СГ	компле кс		+	+	+	+	+	+			+	+
37	КГ	101		+	+		+		+		+	+	+
38	КГ	216	+					+				+	+
39	КГ	233	+										
40	КГ	254	+		+	+	+	+	+		+	+	+
41	К	1		+	+						+		
42	К	3		+							+		
43	К	5		+							+		
44	ЛГ	компле кс		+		+		+			+	+	+
45	Коче ток	компле кс		+	+	+		+	+				+
46	КМ	яма б		+	+		+	+	+				+
47	НП	компле кс 2			+		+		+		+		+
48	Топо ли	компле кс			+		+	+	+				

Продолжение Таблицы 10.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
49	HM	345			+						+	+	+
50	HM	346			+								
51	HM	349			+								
52	HM	371				+			+				
53	HM	376			+		+			+			
54	HM	466			+				+		+		
55	HM	492			+								
56	HM	525			+				+	+	+	+	+
57	H2	1			+		+		+			+	
58	КГ	150	+		+		+	+	+		+	+	+
59	КГ	264	+		+	+	+	+	+		+	+	+
60	КГ	282	+		+		+		+				+
61	КГ	293	+		+				+		+	+	+
62	М	17				+					+	+	
63	М	25			+						+	+	
64	М	29	+								+		
65	МС	2	+		+								
66	МС	4	+		+								
67	РжМ	21	+		+								+

Табл.11. Комплексы, датированные второй половиной VIII в.

№	Могильник	Погребение	Датировка
1	ДМ	3	последняя четверть – конец VIII в.
2	ДМ	5	последняя четверть – конец VIII в.
3	ДМ	22	последняя четверть – конец VIII в.
4	ДМ	52	вторая половина VIII в.
5	ДМ	54	последняя четверть – конец VIII в.
6	ДМ	55	последняя четверть – конец VIII в.
7	ДМ	79	вторая половина VIII в.
8	РМ	3	конец VIII в.
9	РМ	4	конец VIII в.
10	СС	7	2-я половина VIII в.
11	СС	15	2-я половина VIII в.
12	СС	21	2-я половина VIII в.
13	СС	22	2-я половина VIII в.
14	СГ	6	2-я половина VIII в.
15	СГ	12	2-я половина VIII в.
16	СГ	17	2-я половина VIII в.
17	СГ	54	2-я половина VIII в.
18	СГ	122	2-я половина VIII в.
19	СГ	214	2-я половина VIII в.
20	СГ	233	2-я половина VIII в.
21	СГ	252	3-я четверть VIII в.
22	СГ	I	2-я половина VIII в.
23	СГ	III	2-я половина VIII в.
24	СГ	XIII	2-я половина VIII в.
25	СГ	XV	2-я половина VIII в.
26	СГ	XVII	2-я половина VIII в.
27	Тополи	комплекс	вторая половина VIII в.
28	НМ	413	2-я половина VIII в.
29	НМ	491	2-я половина VIII в.
30	НМ	482	последняя четверть VIII в.
31	НМ	522	последняя четверть - конец VIII в.
32	НМ	525	2-я половина VIII в.

Табл.12. Комплексы, датированные IX в.

№	Могильник	Погребение	Датировка
1	ДМ	21	IX в.
2	ДМ	51	IX в.
3	ДМ	87	IX в.
4	ДМ	92	IX в.
5	ДМ	106	IX в.
6	ДМ	121	IX в.
7	ДМ	124	IX в.
8	ДМ	126	IX в.
9	ДМ	148	IX в.
10	ДМ	165	IX в.
11	ДМ	169	IX в.
12	ВС-IV	21	IX в.
13	ВС-IV	96	начало IX в.
14	ВС	99	середина – 2-я половина IX в.
15	СС	1	1-я половина IX в.
16	СС	2	1-я половина IX в.
17	СС	3	1-я половина IX в.
18	СС	12	1-я половина IX в.
19	СС	16	1-я половина IX в.
20	СГ	VII	3-я четверть IX в.
21	СГ	XVI	середина IX в.
22	СГ	89	середина – третья четверть IX в.

Табл. 13. Распределение топоров по датированным комплексам.

1	2	3	4	5
№	могильник / № погребения	отдел	тип	подтип
Вторая половина VIII в.				
1	СГ252	1	1	А
2	СГ214	1	1	Б
3	СС22	1	1	Б
4	ДМ3	1	2	А
5	ДМ3	1	2	А
6	ДМ5	1	2	А
7	ДМ79	1	2	Б
8	СС7	1	2	Б
9	РМ3	1	2	Б
10	СС14	1	2	Б
11	РМ4	2	1	А
12	СС15	2	1	А
13	ДМ55	2	1	Б
14	СГ233	2	1	Б
15	СГХIII	2	2	А
16	ДМ22	2	2	Б
17	ДМ52	2	2	Б
18	ДМ54	2	2	Б
19	ДМ118	2	2	Б
20	СС21	2	2	Б
21	Тополи	2	2	Б
IX в.				
22	СГХVI	1	1	Б
23	ВС96	1	1	Б
24	СГIII	1	2	А
25	ДМ21	1	2	Б
26	ДМ51	1	2	Б

Продолжение Таблицы 13.

1	2	3	4	5
27	ДМ106	1	2	Б
28	ДМ124	1	2	Б
29	ДМ148	1	2	Б
30	ВС21	2	1	А
31	СС3	2	1	А
32	СС12	2	1	А
33	ДМ51	2	1	Б
34	ДМ92	2	1	Б
35	ДМ106	2	1	Б
36	ДМ126	2	1	Б
37	ДМ165	2	1	Б
38	ДМ165	2	1	Б
39	ДМ169	2	1	Б
40	ДМ121	2	1	Б
41	СС16	2	2	А
42	СС1	2	2	Б
43	СС2	2	2	Б

Табл. 14. Распределение кистеней по датированным комплексам.

№	могильник / № погребения	отдел	тип	материал изготовления
Вторая половина VIII в.				
1	ДМ54	1	1	бронза
2	СГ122	1	4	бронза
3	НМ525	2		железо
4	СГ54	2		бронза
IX в.				
5	ДМ126	1	3	бронза
6	СГ89	1	2	бронза

Табл. 15. Признаки, используемые для изучения социально стратификации.

№	Признак	Катакомбные	Кремации	Ямные
1	Клинковое оружие	+	+	+
2	Топор	+	+	+
3	Наконечник копья	-	+	+
4	Кистень	+	+	+
5	Наконечники стрел	+	+	+
6	Накладки на лук	+	+	+
7	Детали колчана	+	+	+
8	Сбруя	+	+	+
9	Стремена	+	+	+
10	Удила	+	+	+
11	Начельник	+	+	-

Табл. 16. Корреляция находок оружия и конской упряжи в катакомбных погребениях.

	сабля	топор	кистень	дистанционное оружие	упряжь
сабля	1	-0,32	0,32	0,23	0,25
топор	-0,32	1	-0,14	-0,45	-0,07
кистень	0,32	-0,14	1	-0,01	0,01
дистанционное оружие	0,23	-0,45	-0,01	1	0,31
упряжь	0,25	-0,07	0,01	0,31	1

Табл. 17. Корреляция находок оружия и конской упряжи в кремационных погребениях.

	сабля	топор	наконечник копья	кистень	дистанционное оружие	упряжь
сабля	1	-0,06	0,49	-0,25	0,17	0,45
топор	-0,06	1	0,2	-0,28	-0,1	0,1
наконечник копья	0,49	0,2	1	-0,34	0,02	0,25
кистень	-0,25	-0,28	-0,34	1	-0,29	-0,3
дистанционное оружие	0,17	-0,1	0,02	-0,29	1	0,24
упряжь	0,45	0,1	0,25	-0,3	0,24	1

Табл. 18. Корреляция находок оружия и конской упряжи в ямных погребениях.

	сабля	топор	наконечник копья	кистень	дистанционное оружие	упряжь
сабля	1	0,26	0,16	-0,04	0,16	0,22
топор	0,26	1	-0,27	-0,17	-0,09	0,02
наконечник копья	0,16	-0,27	1	-0,15	-0,31	0,21
кистень	-0,04	-0,17	-0,15	1	-0,09	-0,10
дистанционное оружие	0,16	-0,09	-0,31	-0,09	1	0,13
упряжь	0,22	0,02	0,21	-0,10	0,13	1

Иллюстрации.

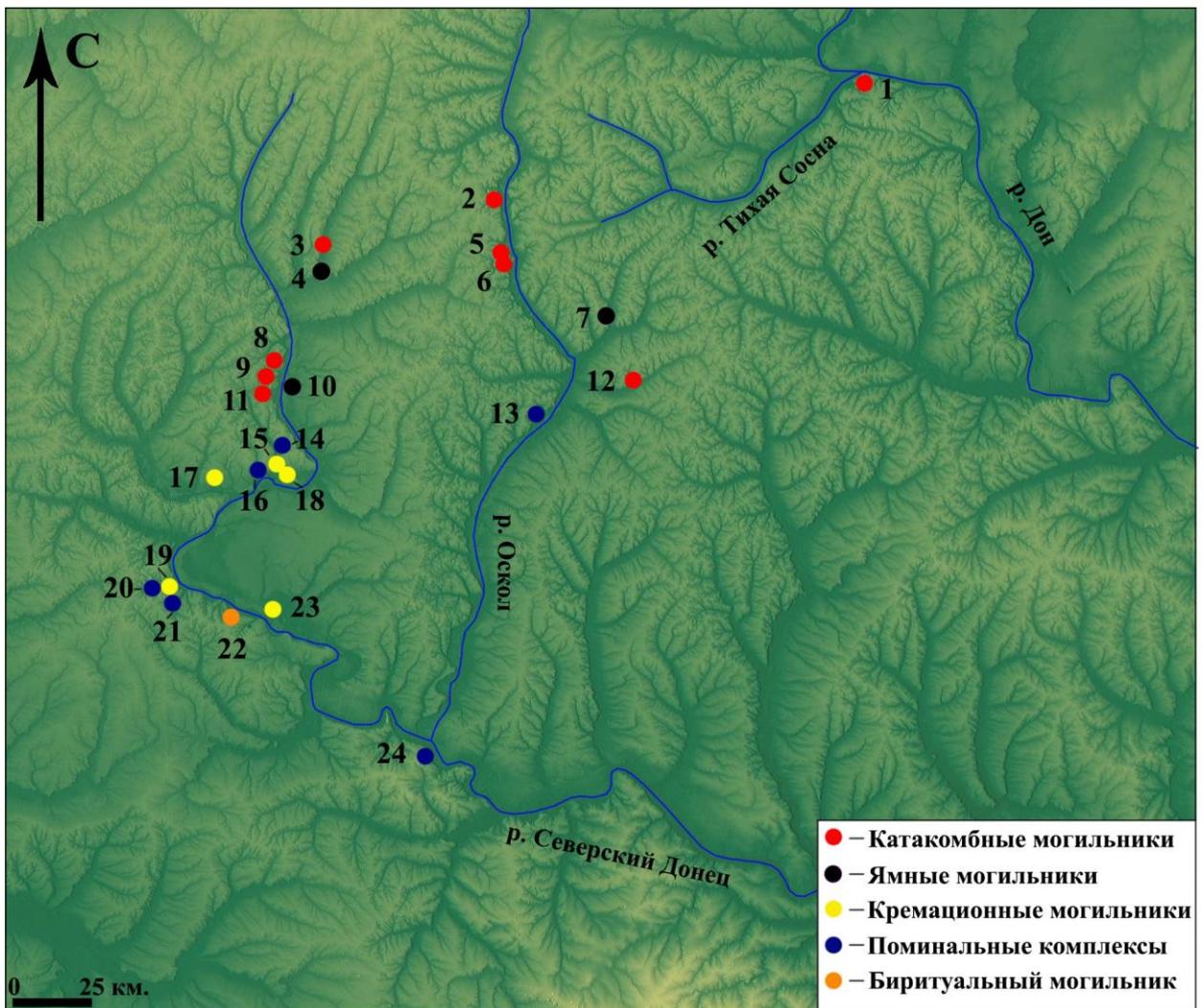

Рис. 1. Карта памятников салтово-маяцкой культуры.

1 – Маяцкий могильник; 2 – Афоньевский могильник; 3 – Дмитриевский могильник; 4 – Ржевский могильник; 5 – Ютановский могильник; 6 – Нижнелубянский могильник; 7 – Мандровский могильник; 8 – Рубежанский могильник; 9 – Верхнесалтовский могильник; 10 – Нетайловский могильник; 11 – Старосалтовский могильник; 12 – Подгоровский могильник; 13 – комплекс вещей у с. Тополи; 14 – погребение у с. Пятницкое; 15 – Кочетокский могильник; 16 – комплекс вещей у с. Кочеток; 17 – Новопокровский могильник; 18 – могильник Кицевка; 19 – Сухогомольшанский могильник; 20 – комплексы вещей в 1 км. от Сухогомольшанского могильника; 21 – комплекс вещей у с. Сухая Гомольша; 22 – Красногоровский могильник; 23 – могильник Лысый Горб; 24 – комплексы вещей из Государева Яра.

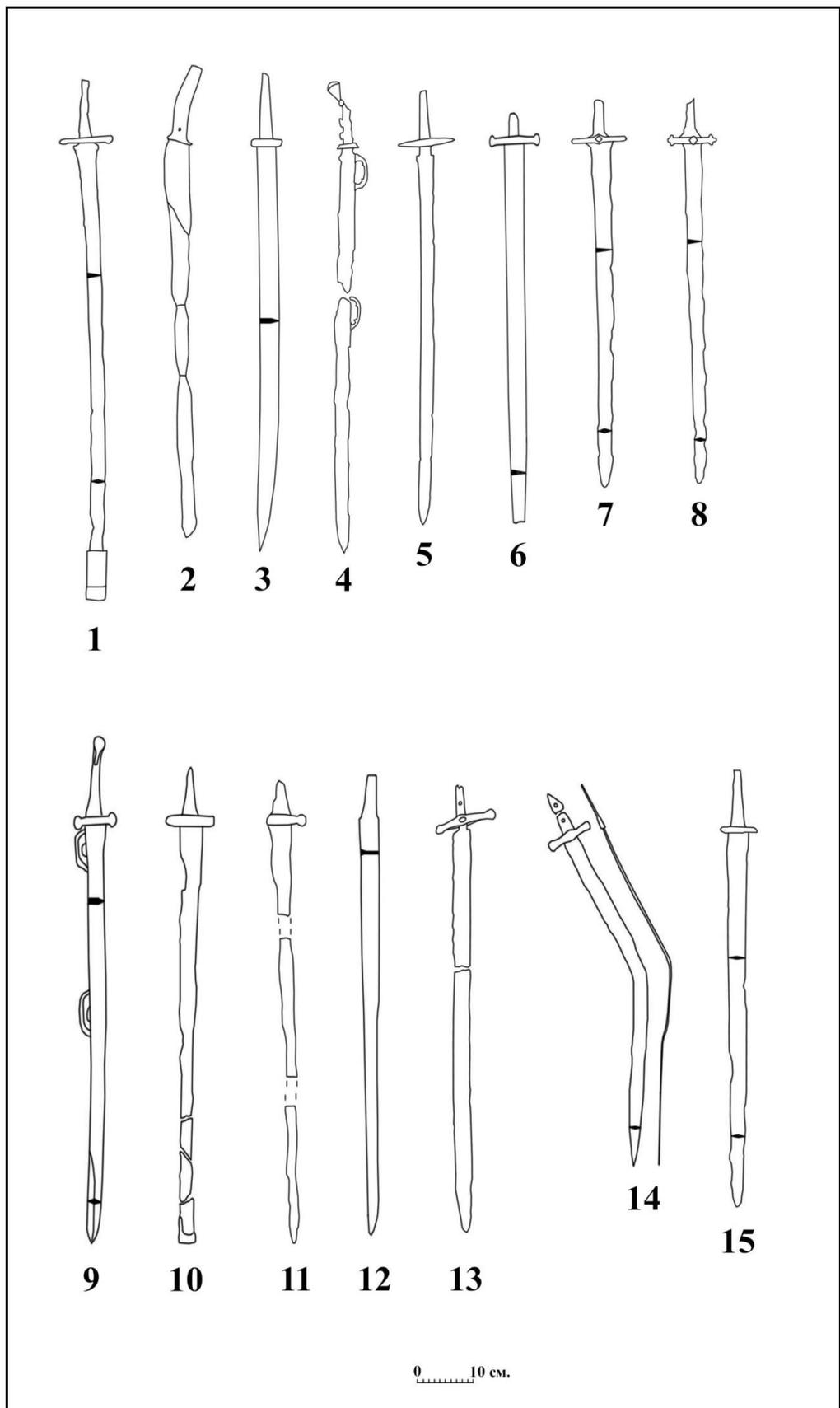

Рис. 2. Сабли (1-14) и меч (15).

1 – Дмитриевский могильник, кат. №109 [Плетнёва, 1989. Рис. 34]; 2 – Ржевский могильник, погр. №11 [Сарапулкин, Отчёт... №31046]; 3 – Старосалтовский могильник, кат. №12 [Аксёнов, 1999. Рис. 2, 25]; 4 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1911 г., кат. №1 [Мерперт, 1955. Рис. 1, 5]; 5 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1902 г., кат. №23 [Покровский, 1905. Табл. XX, 2]; 6 – Нетайловский могильник, погр. №342 [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 7, 19]; 7 – Дмитриевский могильник, кат. №5 [Плетнёва, 1989. Рис. 34]; 8 – Дмитриевский могильник, кат. №126 [Плетнёва, 1989. Рис. 34]; 9 – Верхнесалтовский IV могильник, кат. №99 [Аксёнов, 2010в. Рис. 1, 1]; 10 – Маяцкое селище, кат. №1 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 85]; 11 – Ржевский могильник, погр. №12 [Сарапулкин, Отчёт... №31046]; 12 – Красногоровский могильник, погр. №150 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 5, 11]; 13 – погр. у с. Пятницкое [Шрамко, 1983. Рис. 11, 15]; 14 – Маяцкое селище, кат. в яме №18 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 74, 2]; 15 – Дмитриевский могильник, кат. №52 [Плетнёва, 1989. Рис. 34].

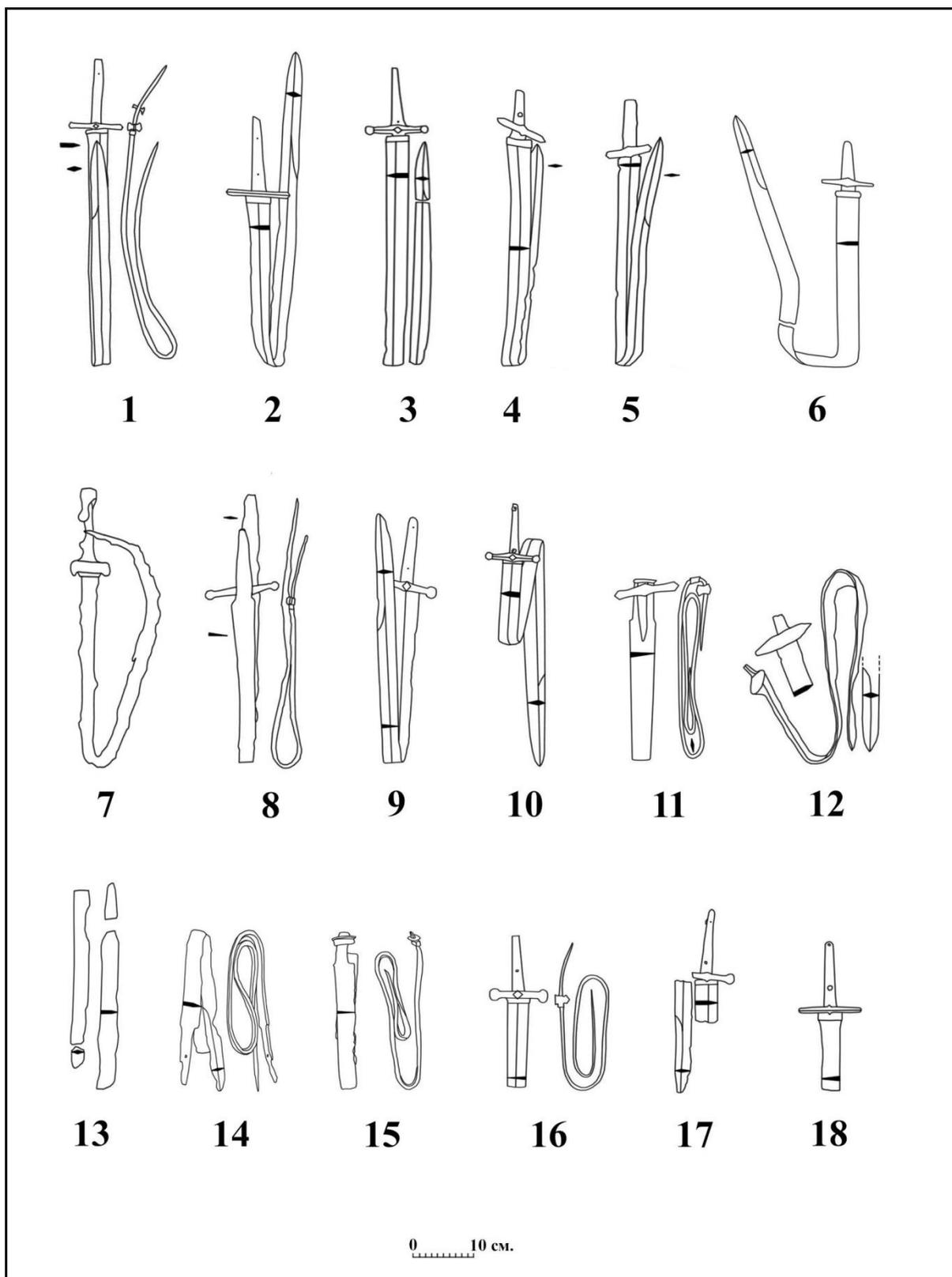

Рис. 3. Сабли.

1 – 1 км. от Сухогомольшанского могильника, комплекс №1 [Аксёнов, 2005а. Рис. 1, 4]; 2 – Сухогомольшанский могильник, комплекс XV [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 79, 1]; 3 – Красногоровский могильник, погр. №101 [Аксёнов, 2005в. Рис. 3, 1]; 4 – Новопокровский могильник, комплекс №1 [Кухаренко, 1951. Рис. 34]; 5 – Новопокровский могильник, комплекс №2 [Кухаренко, 1951. Рис. 36]; 6 – комплекс у с. Тополи [Кухаренко, 1951. Рис. 30, 4]; 7 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1902 г., кат. №22 [Покровский, 1905. Табл. XX, 1]; 8 – Кочетокский могильник, погр. №1 [Свистун, 2012. Рис. 5, 3]; 9 – Сухогомольшанский могильник, погр. №252 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 62, 1]; 10 – Красногорский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 3, 14]; 11 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 9, 4]; 12 – 1 км. от Сухогомольшанского могильника, комплекс №3 [Аксёнов, 2005а. Рис. 4, 6]; 13 – Нетайловский могильник, погр. №376 [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 7, 8]; 14 – Кочетокский могильник, яма №3 [Свистун, 2012. Рис. 4, 4]; 15 – Кочетокский могильник, подъёмный материал [Свистун, 2012. Рис. 8, 3]; 16 – Сухогомольшанский могильник, погр. №175 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 40, 10]; 17 – могильник Лысый Горб, погр. №1 [Аксёнов, Воловик, 1999. Рис. 1, 6]; 18 – Сухогомольшанский могильник, комплекс I [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 11, 1].

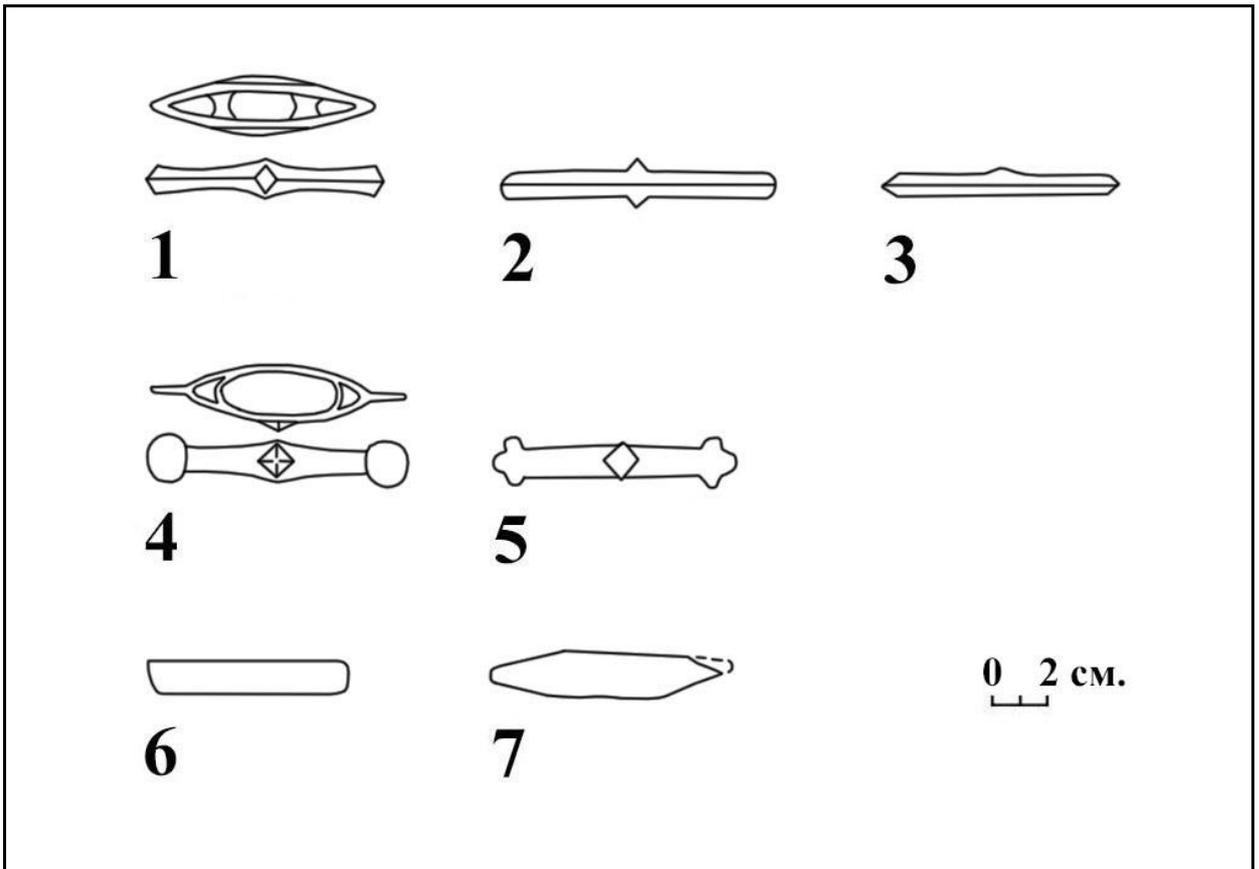

Рис. 4. Типы перекрестий сабель.

	Катакомбы	Кремации	Ямные
	2	3	—
	—	3	—
	—	1	—
	2	8	2
	1	—	—
	5	—	—
	1	1	—

Рис. 5. Распределение типов перекрестий сабель в погребениях с различной обрядностью.

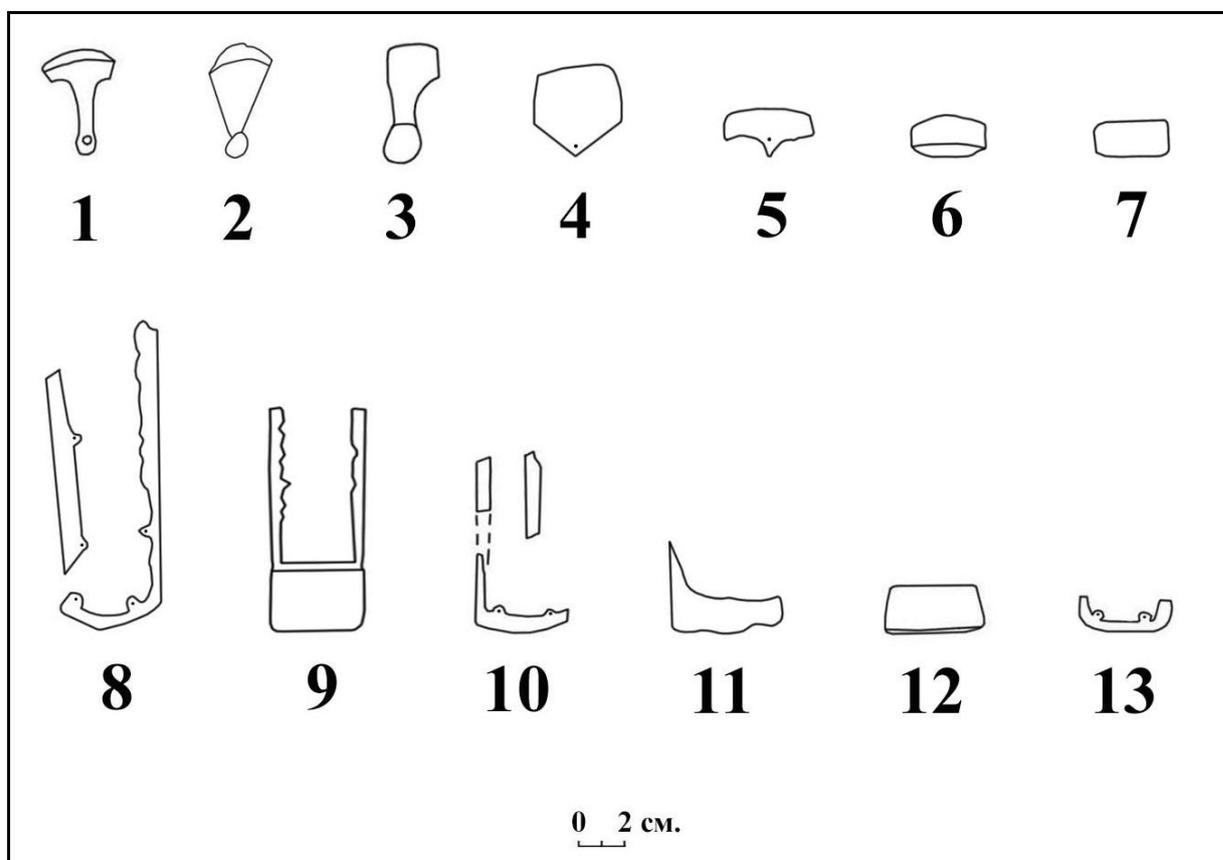

Рис. 6. Навершия рукоятей (1-7) и наконечники ножен (8-13).

1 – Верхнесалтовский IV могильник, кат. №99 [Аксёнов, 2010в. Рис. 1, 18]; 2 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1911 г., кат. №1 [Мерперт, 1955. Рис. 1, 5]; 3 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1902 г., кат. №22 [Покровский, 1905. Табл. XX, 1]; 4 – Красногоровский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 3, 17]; 5 – Дмитриевский могильник, кат. № 109 [Плетнёва, 1989. Рис. 34]; 6 – Дмитриевский могильник, кат. №5 [Плетнёва, 1989. Рис. 34]; 7 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1902 г., кат. №23 [Покровский, 1905. Табл. XX, 2]; 8 – Красногоровский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 3, 16]; 9 – Дмитриевский могильник, кат. № 109 [Плетнёва, 1989. Рис. 34]; 10 – могильник Лысый

Горб, погр. №1 [Аксёнов, Воловик, 1999. Рис. 1, 7]; 11 – Дмитриевский могильник, кат. №5 [Плетнёва, 1989. Рис. 34]; Маяцкое селище, кат. №1 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 85]; Нижнелубянский могильник, кат. №55 [Николаенко, Отчёт... №8470а. Ф.53, 2]; 12 - Верхнесалтовский IV могильник, кат. №99 [Аксёнов, 2010в. Рис. 1, 21]; комплекс у с Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 9, 8]; 13 – Сухогомольшанский могильник, погр. №175 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 40, 9].

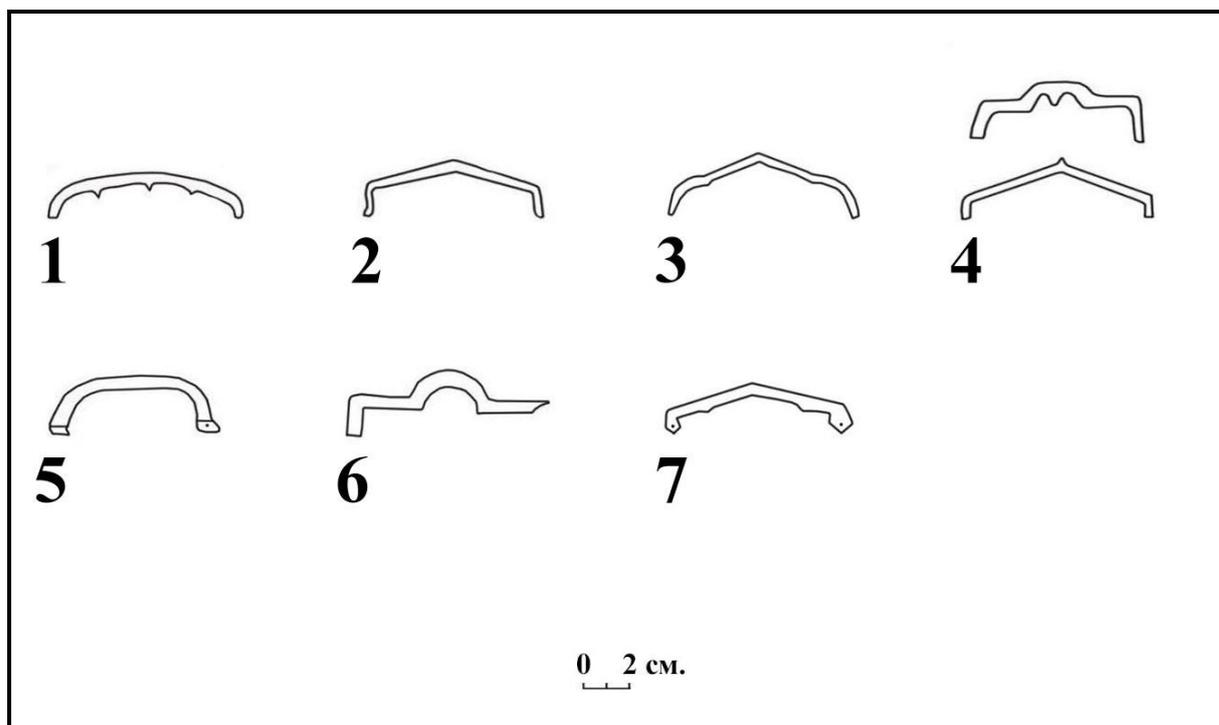

Рис. 7. Скобы от ножен.

1 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1911 г., кат. №1 [Мерперт, 1955. Рис. 1, 5]; Сухогомольшанский могильник, погр. №175 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 40, 6]; 2 – Маяцкое селище, кат. в яме №18 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 74, 3]; Кочетокский могильник, подъёмный материал [Свистун, 2012. Рис. 7, 8]; 3 – Маяцкое селище, кат №1 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 84, 5]; Маяцкий могильник, кат. №107 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №9055б. Рис. 223]; 4 – Сухогомольшанский могильник, погр. №252 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 62, 4, 5]; 5 – Верхнесалтовский IV могильник, кат. №99 [Аксёнов, 2010в. Рис. 1, 20]; 6 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 9, 5]; Сухогомольшанский могильник, культурный слой [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 87, 15]; Кочетокский могильник, подъёмный материал [Свистун, 2012. Рис. 7, 9, 10]; комплекс у с. Тополи [Кухаренко, 1951. Рис. 31, 12]; 7 – Красногоровский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 3, 15].

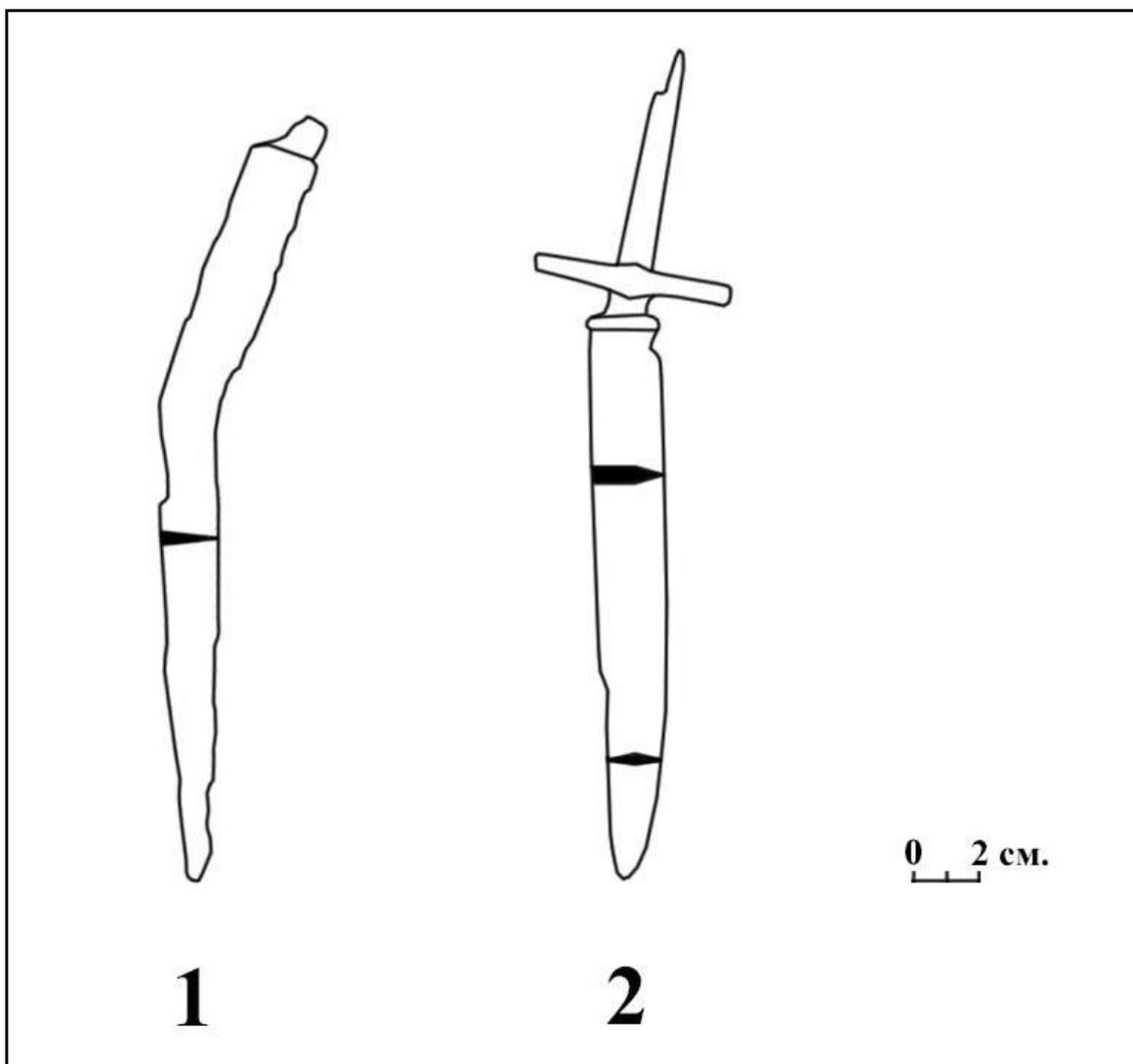

Рис. 8. Кинжалы.

1 – Дмитриевский могильник, кат. №143 [Плетнёва, 1989. Рис. 45]; 2 – комплекс у с. Тополи [Кухаренко, 1951. Рис. 30, 3].

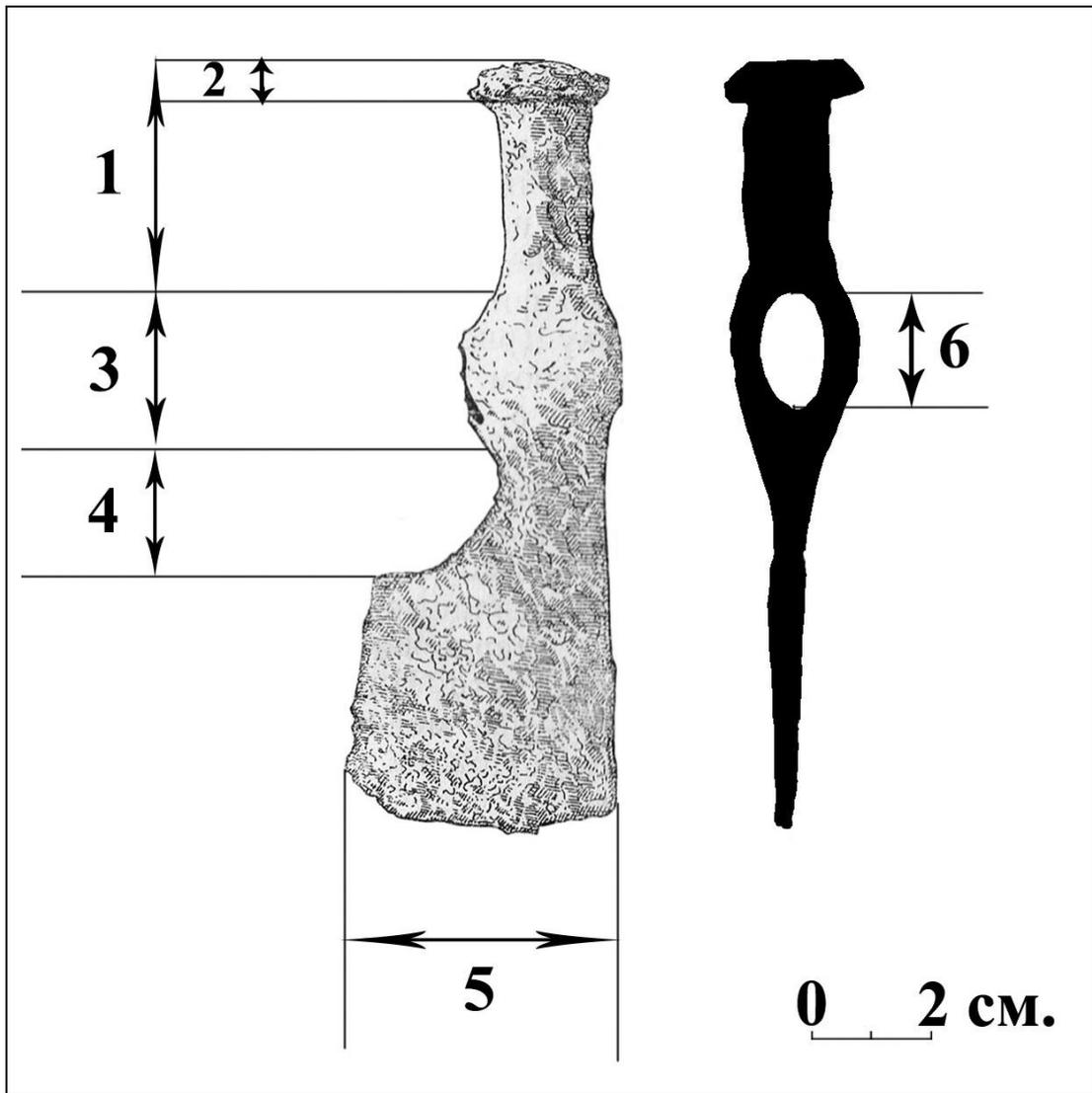

Рис. 9. Строение топора.

1 – обух; 2 – окончание обуха «грибовдной» формы; 3 – щековицы; 4 – подпроушная выемка; 5 – лезвие; 6 – проушное отверстие [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 76, 1].

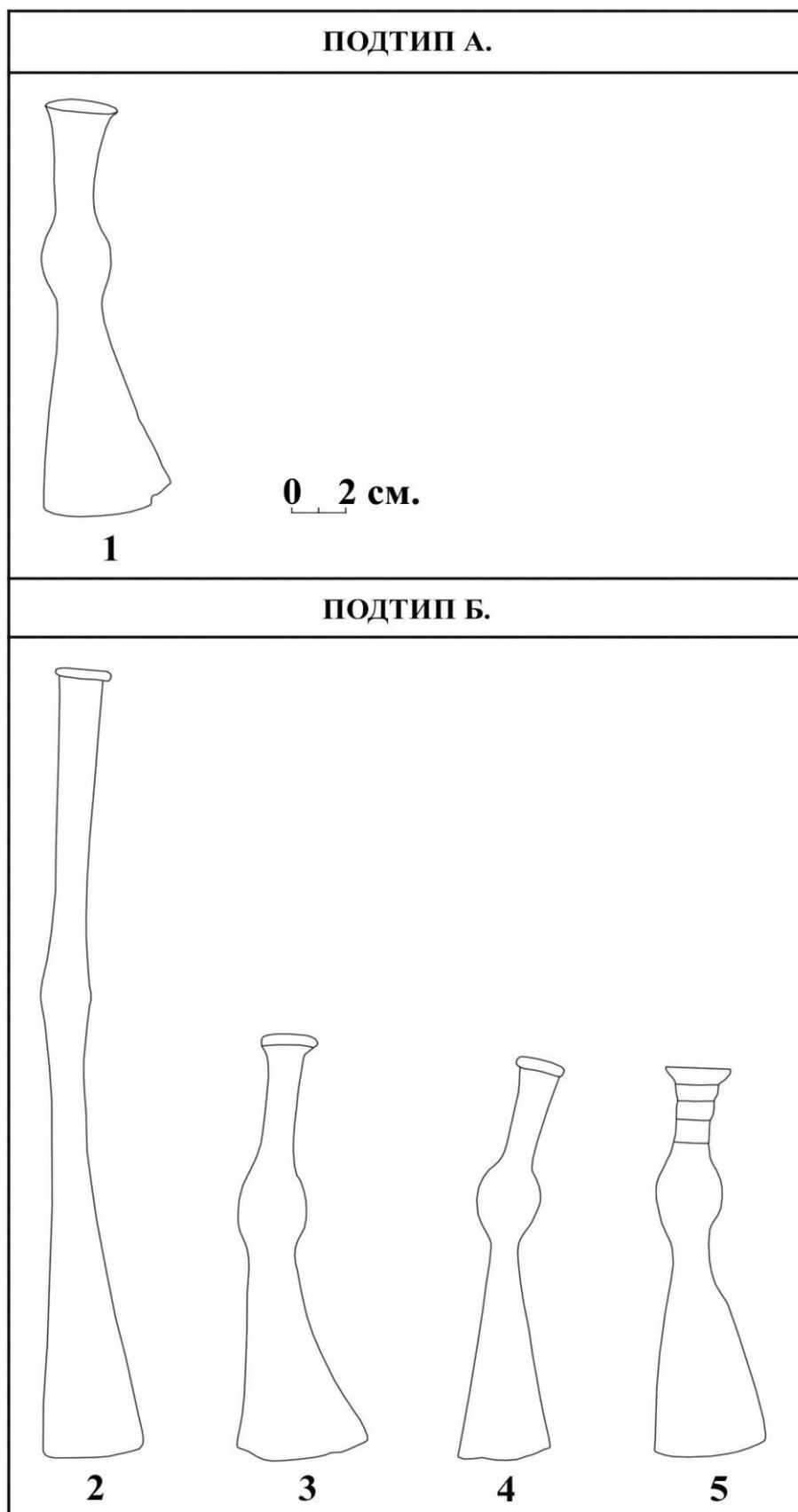

Рис. 10. Боевые топоры. Отдел I. Тип 1.

1 – Сухогомольшанский могильник, погр. №252 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 63, 7]; 2 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 9, 1]; 3 – Сухогомольшанский могильник, комплекс XVI [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 72, 3]; 4 – Верхнесалтовский IV могильник, кат. №96 [Хоружая, 2014. Рис. 5, 7]; 5 – Сухогомольшанский могильник, погр. №214 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 48, 7].

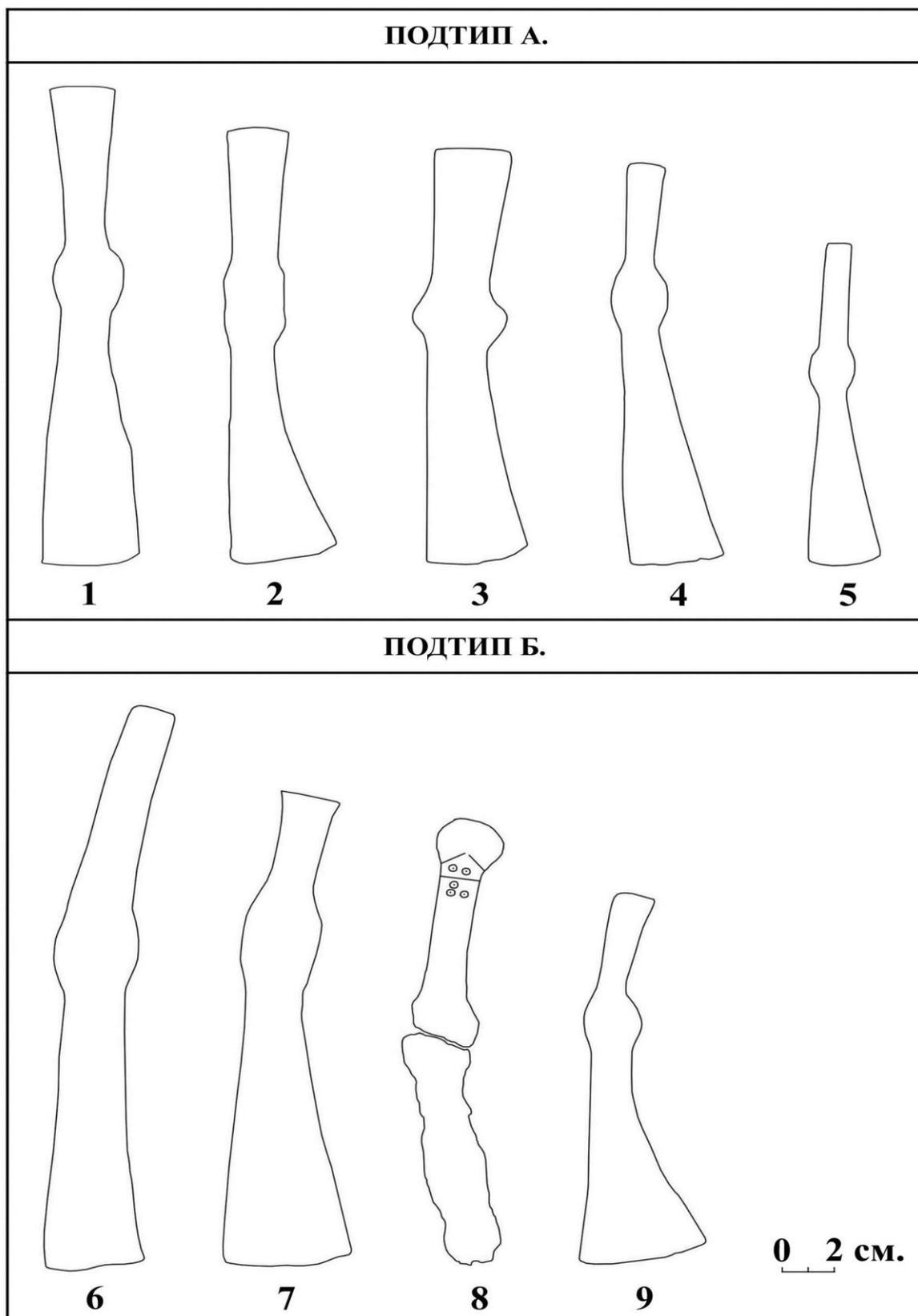

Рис. 11. Боевые топоры. Отдел 1. Тип 2.

1 – 1 км. от Сухогомольшанского могильника, комплекс №3 [Аксёнов, 2005а. Рис. 4, 3]; 2 – Дмитриевский могильник, кат. №5 [Плетнёва, 1989. Рис. 35]; 3 – Сухогомольшанский могильник, комплекс VII [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 78, 6]; 4 – Нижнелубянский могильник, кат. №30 [Николаенко, Отчёт... №6042а]; 5 – Верхнесалтовский IV могильник, кат. №26 [Колода, 2004. Рис. 13, 2]; 6 – 1 км. от Сухогомольшанского могильника, комплекс №3 [Аксёнов, 2005а. Рис. 4, 4]; 7 – Дмитриевский могильник, кат. №102 [Плетнёва, 1989. Рис. 35]; 8 – Маяцкое селище, кат. №3 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 97, 4]; 9 – Рубежанский могильник, кат. №3 [Аксёнов, 2001. Рис. 5, 22].

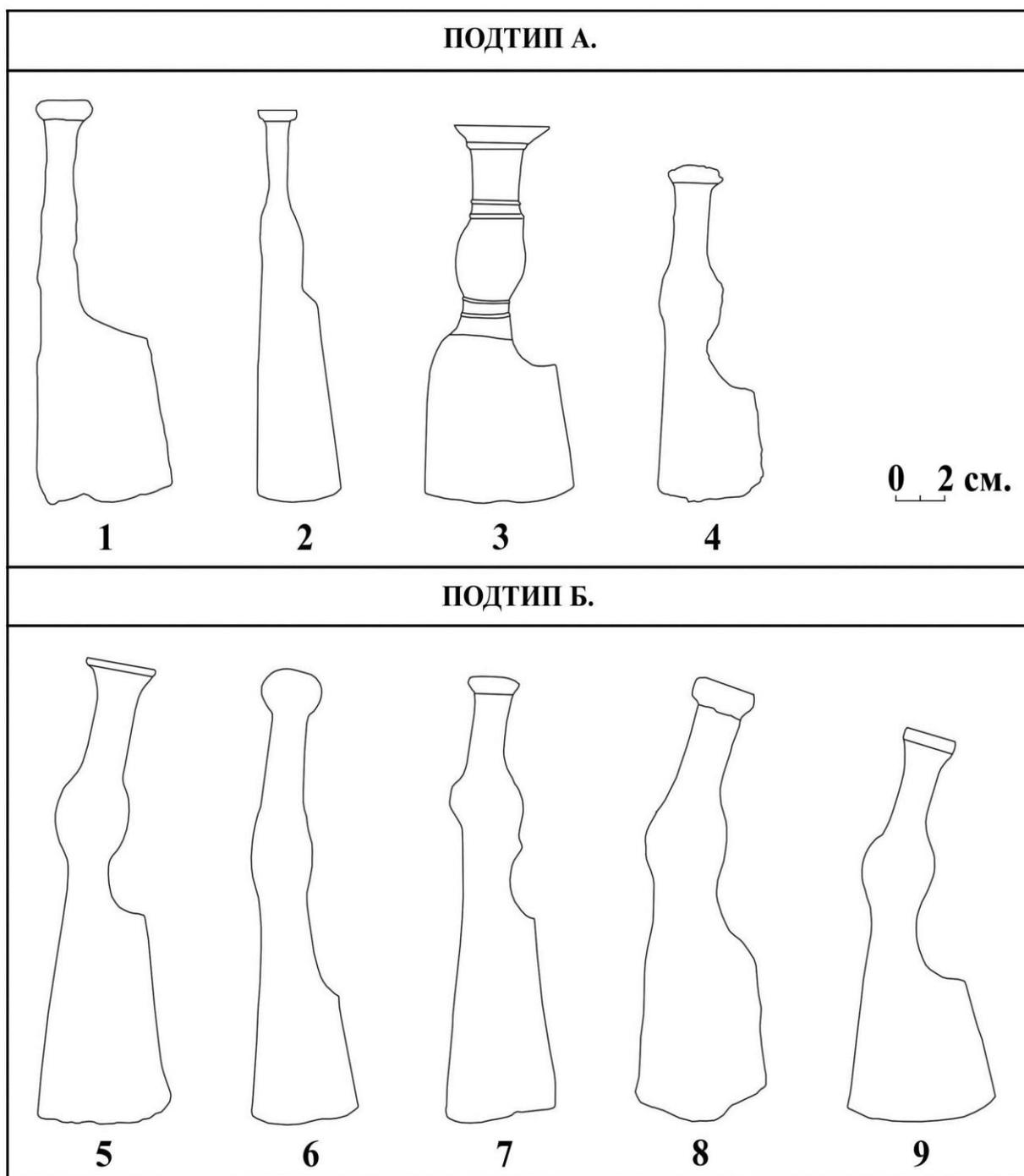

Рис. 12. Боевые топоры. Отдел II. Тип 1.

1 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1984 г., кат. №3 [Хоружая, 2009. Рис. 3, 11]; Верхнесалтовский IV могильник, кат. №21 [Колода, 2004. Рис. 5, 17]; 3 – Красногоровский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009.

Рис. 4, 1]; 4 – Маяцкое селище, кат. в яме №18 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 76, 1]; 5 – Сухогомольшанский могильник, погр. №175 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 41, 7]; 6 – Сухогомольшанский могильник, погр. №233 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 53, 23]; 7 – Дмитриевский могильник, кат. №72 [Плетнёва, 1989. Рис. 35]; 8 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1984 г., кат. №20 [Хоружая, 2009. Рис. 11, 15]; 9 – Красногоровский могильник, погр. №216 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 1, 16].

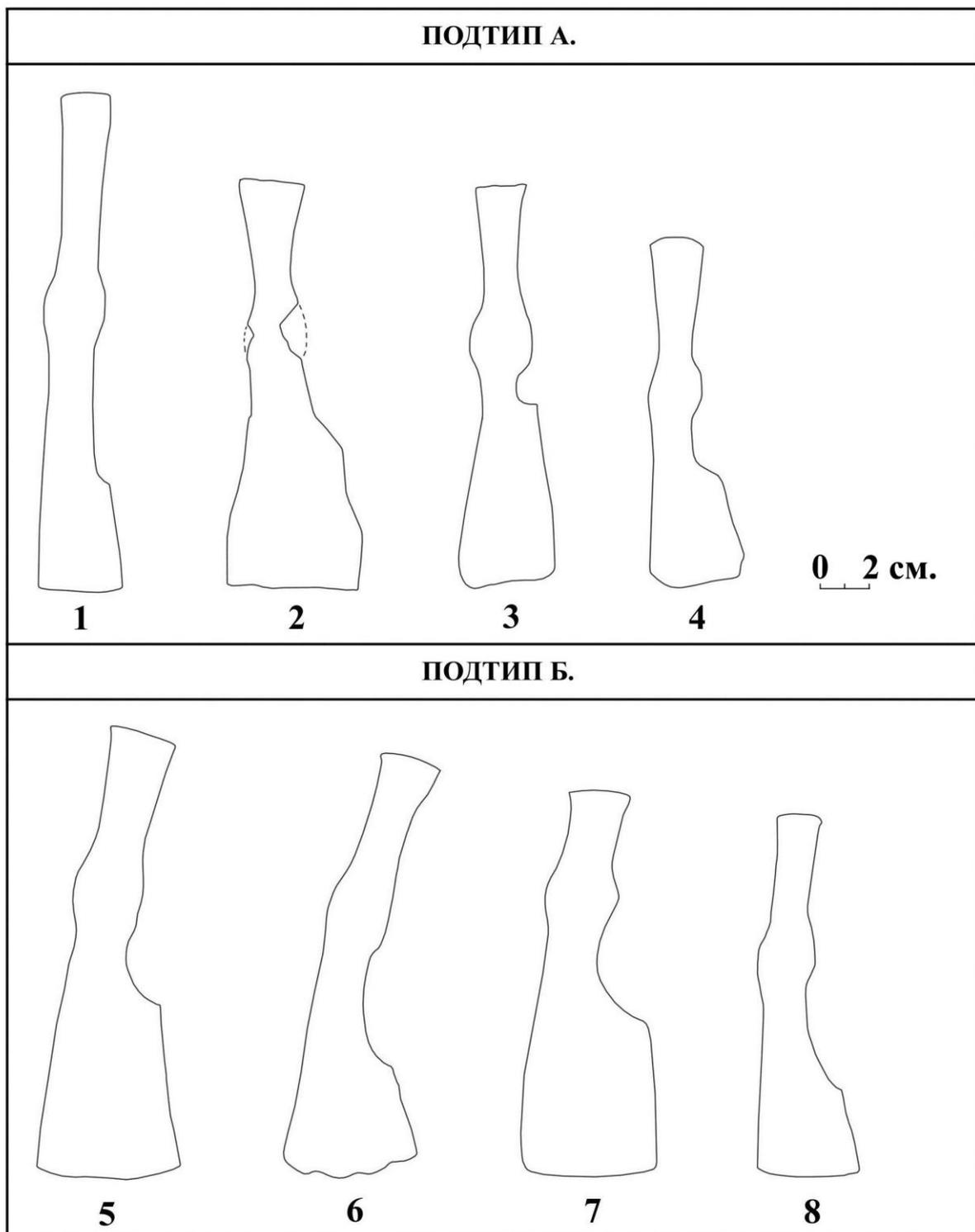

Рис. 13. Боевые топоры. Отдел II. Тип 2.

1 – Сухогомольшанский могильник, комплекс XIII [Аксёнов, Михеев, 2006.

Рис. 78, 12]; 2 – Красногоровский могильник, погр. №264 [Аксёнов, Михеев,

2009. Рис. 7, 2]; 3 – Нижнелубянский могильник, кат. №25 [Николаенко, Отчёт... №5440а. Ф. 55, 1]; 4 – Нижнелубянский могильник, кат. №23 [Николаенко, Отчёт... №5440а. Ф. 48, 2]; 5 – Дмитриевский могильник, кат. №134 [Плетнёва, 1989. Рис. 35]; 6 – Кочетокский могильник, погр. №1 [Свистун, 2012. Рис. 5, 5]; 7 – комплекс у с. Тополи [Кухаренко, 1951. Рис. 30, 2]; 8 – Сухогомольшанский могильник, погр. №203 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 47, 42].

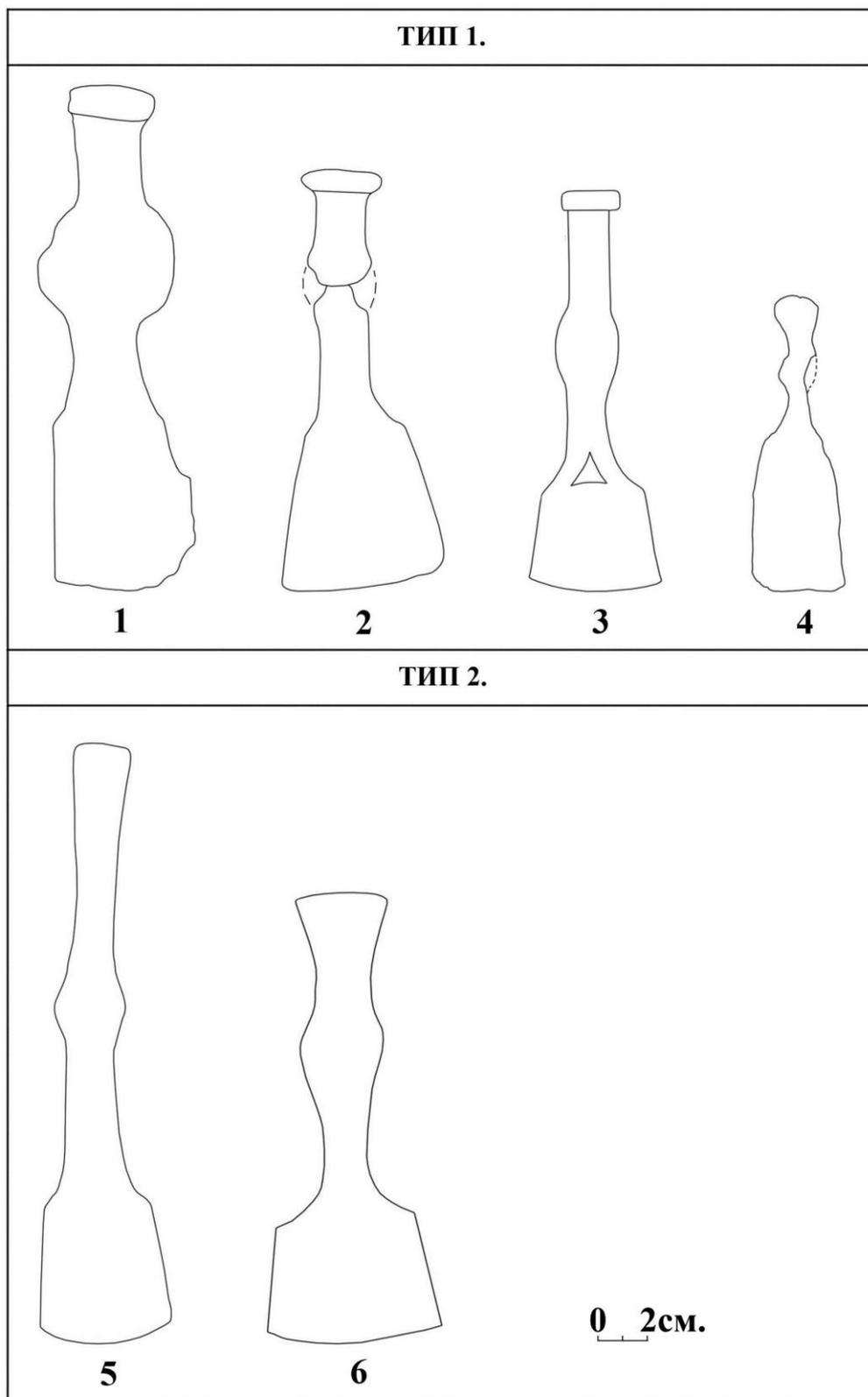

Рис. 14. Боевые топоры. Отдел III.

1 – 1 км. от Сухогомольшанского могильника, комплекс №3 [Аксёнов, 2005а. Рис. 4, 5]; 2 – Красногоровский могильник, погр. №150 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 5, 13]; 3 – комплекс у с. Кочеток [Дегтярь, 1984. Рис. 2, 2]; 4 – Маяцкое селище, кат. в яме №25 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №8154б. Рис. 222, 2]; 5 – Сухогомольшанский могильник, комплекс V [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 19, 4]; 6 – Ютановский могильник, кат. №23 [Афанасьев, Отчёт... №9043].

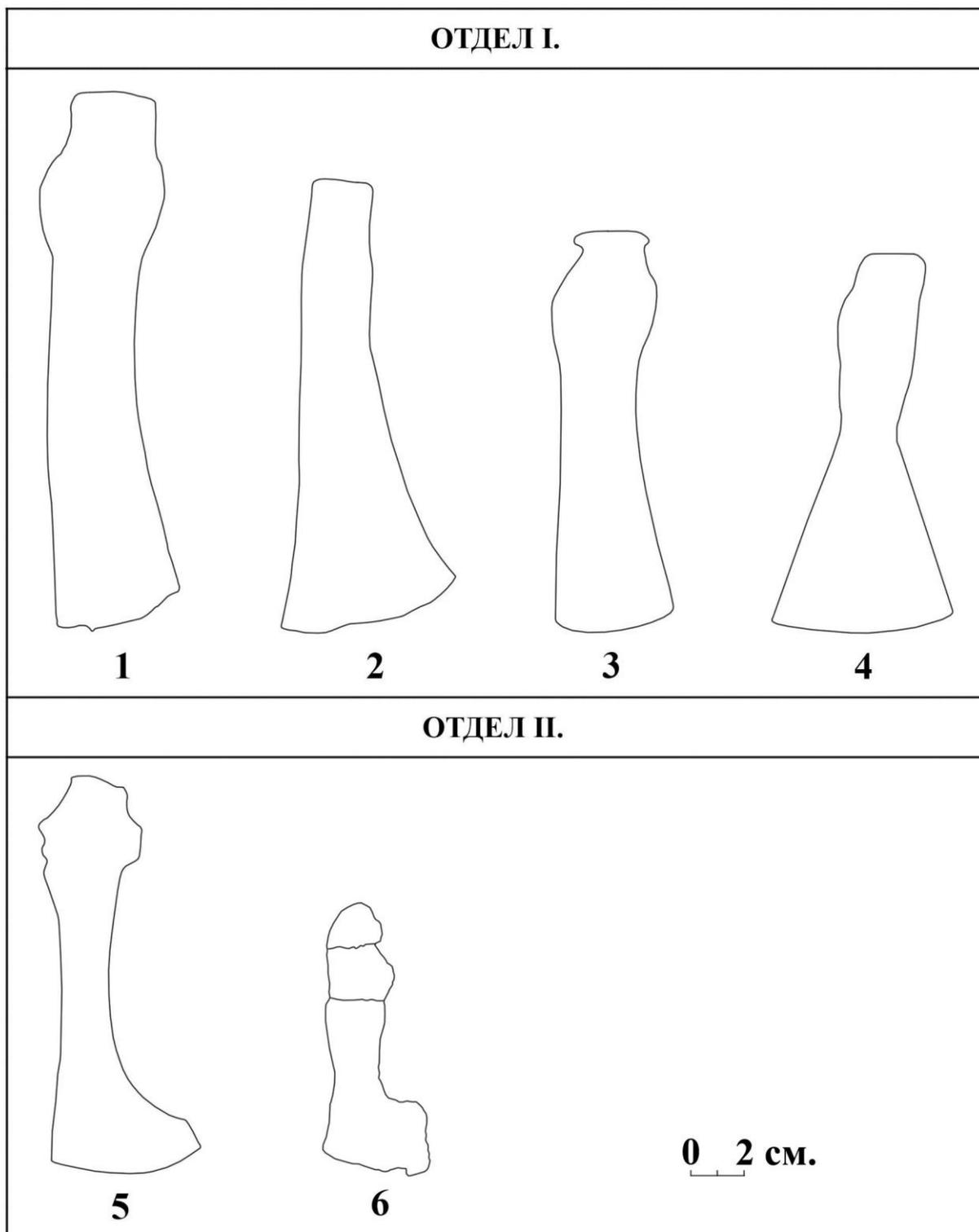

Рис. 15. Хозяйственные топоры.

1 – Маяцкое селище, кат. в постр. №28 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 49, 11]; 2 – Сухогомольшанский могильник, погр. №42

[Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 17, 1]; 3, 4 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 2, 1, 2]; 5 – Дмитриевский могильник, кат. №7 [Плетнёва, 1989. Рис. 35]; 6 – Маяцкое селище, кат. №3 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 98, 7].

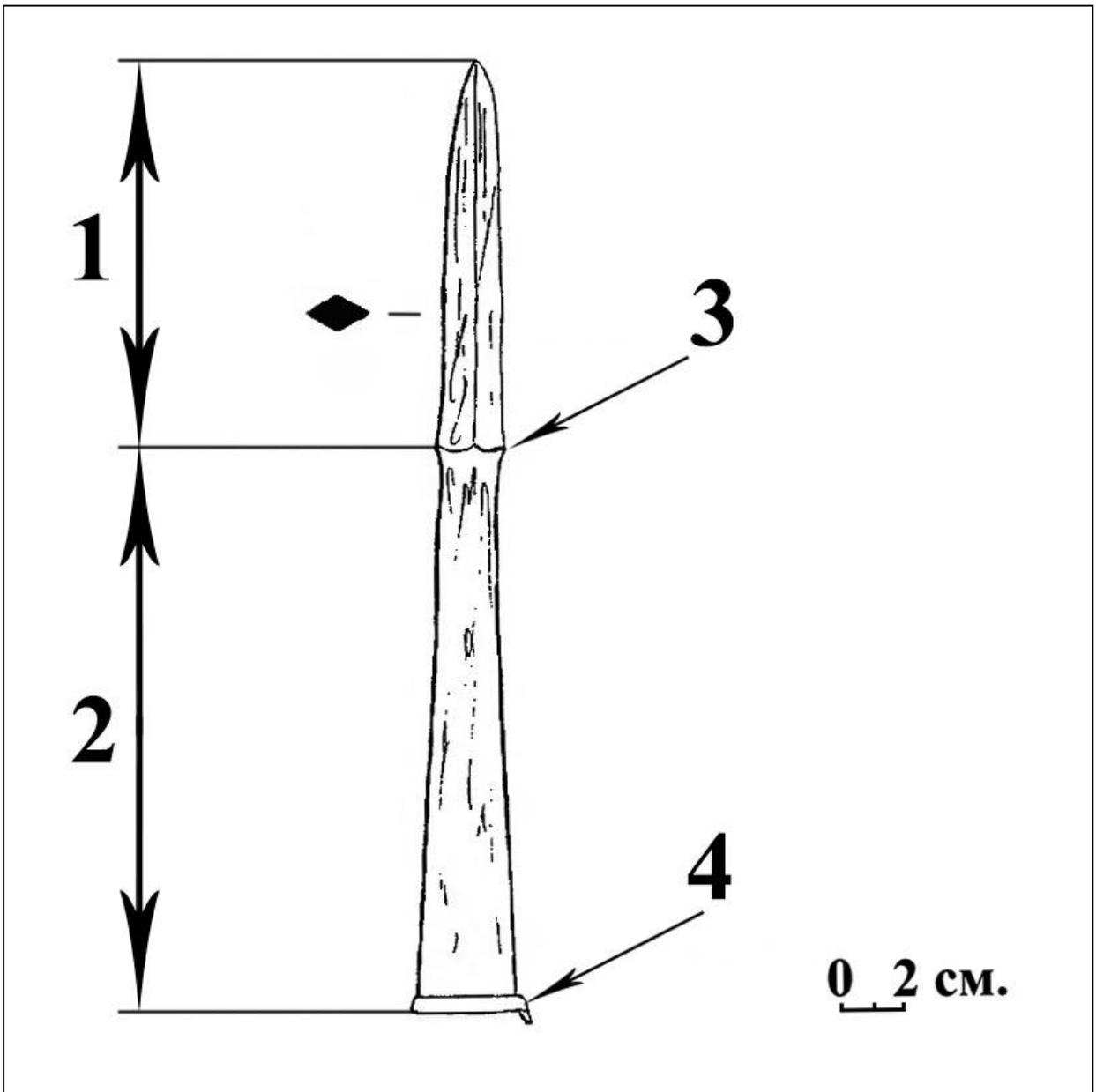

Рис. 16. Строение наконечника копья.

1 – перо; 2 – втулка; 3 – место перехода втулки в перо, «плечики»; 4 – валик
[Аксёнов, 2005а. Рис. 1, 6].

Отдел I. Тип 1. подтип А.

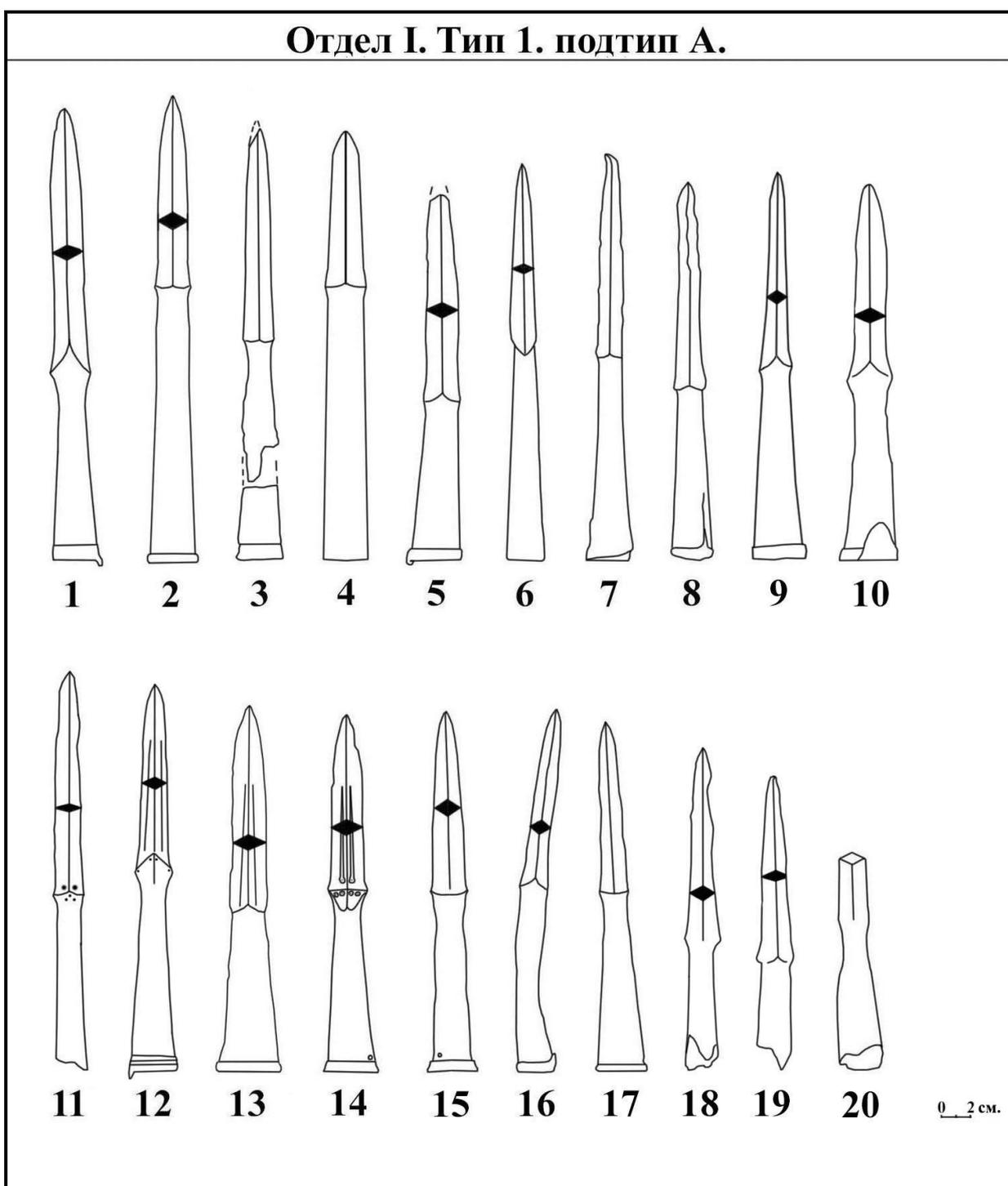

Рис. 17. Наконечники копий. Отдел I. Тип 1. Подтип А.

1 – Сухогомольшанский могильник, погр. №252 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 63, 17]; 2 – 1 км. от Сухогомольшанского могильника, комплекс №1 [Аксёнов, 2005а. Рис. 1, 6]; 3 – могильник Лысый Горб, погр. №2 [Аксёнов, Воловик, 1999. Рис. 2, 8]; 4 – Нетайловский могильник, погр. №342 [Аксёнов,

Хоружая, 2005. Рис. 7, 15]; 5 – Нетайловский могильник, погр. №522 [Аксёнов, 2014а. Рис. 6, 5]; 6 – комплекс у с. Кочеток [Дегтярь, 1984. Рис. 2, 1]; 7 – Сухогомольшанский могильник, комплекс XV [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 80, 1]; 8 – Новопокровский могильник, комплекс №2 [Кухаренко, 1951. Рис. 36]; 9 – селище Нетайловка 2, погр. №1 [Аксёнов, Крыганов, 2009. Рис. 3, 12]; 10 – Нетайловский могильник, погр. №466 [Аксёнов, Михеев, Хоружая, 2009. Рис. 3, 8]; 11 – могильник Лысый Горб, погр. №1 [Аксёнов, Воловик, 1999. Рис. 1, 10]; 12 – Красногоровский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 4, 3]; 13 – Красногоровский могильник, погр. №101 [Аксёнов, 2005в. Рис. 3, 17]; 14 – Сухогомольшанский могильник, комплекс XVI [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 72, 1]; 15 – Сухогомольшанский могильник, погр. №175 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 41, 6]; 16 – Сухогомольшанский могильник, комплекс XVII [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 81, 8]; 17 – Сухогомольшанский могильник, комплекс V [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 19, 3]; 18 – Красногоровский могильник, погр. №282 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 2, 9]; 19 – Красногоровский могильник, погр. №150 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 5, 12]; 20 – Сухогомольшанский могильник, комплекс III [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 55, 8].

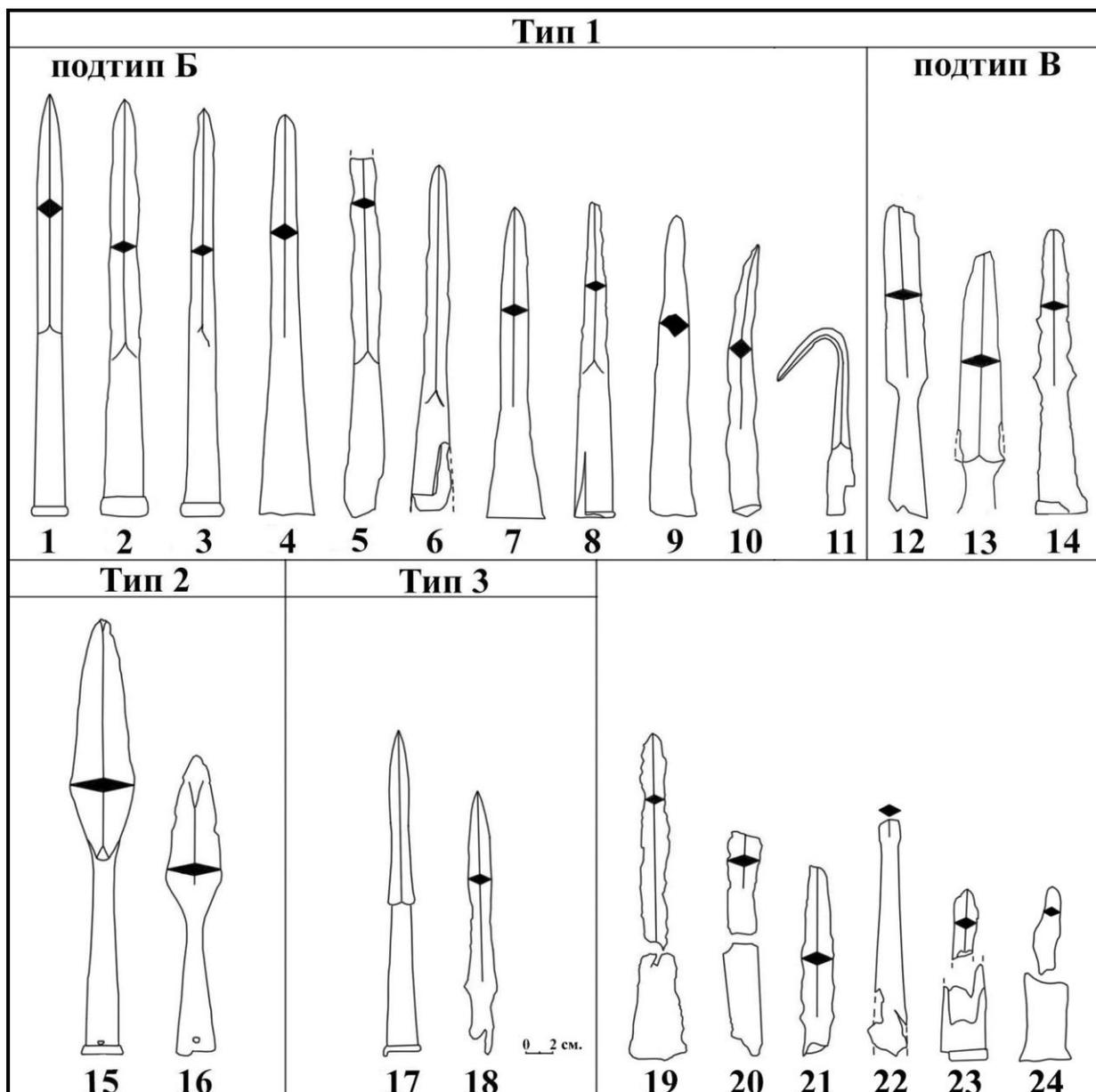

Рис. 18. Наконечники копий. Отдел I. Тип 1. Подтип Б, В; Тип 2-3.

1 – Нетайловский могильник, погр. №525 [Аксёнов, 2014а. Рис. 3, 5]; 2 – Нетайловский могильник, погр. №437 [Аксёнов, 2009. Рис. 6, 4]; 3 – Нетайловский могильник, погр. №431 [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 7, 14]; 4 – Ржевский могильник, погр. №37 [Сарапулкин, Отчёт... №33490. Рис. 38, 21]; 5 – Нетайловский могильник, погр. №491 [Аксёнов, 2010а. Рис. 2, 1]; 6 – Нетайловский могильник, погр. №371 [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 7, 17]; 7 – Ржевский могильник, погр. №25 [Сарапулкин, Отчёт... №33490]; 8 –

Красногоровский могильник, погр. №293 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 6, 18]; 9 – Дмитриевский могильник, кат. №187 [Сарапулкин, Отчёт... №31046. Рис. 78, 3]; 10 – погр. у с. Пятницкое [Шрамко, 1983. Рис. 11, 14]; 11 – Сухогомольшанский могильник, подъёмный материал [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 87, 1]; 12 – Сухогомольшанский могильник, погр. №267 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 69, 12]; 13 – Нетайловский могильник, погр. №413 [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 7, 16]; 14 – Кочетокский могильник, погр. №1 [Свистун, 2012. Рис. 5, 3]; 15 – Сухогомольшанский могильник, погр. №233 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 53, 20]; 16 – Сухогомольшанский могильник, погр. №60 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 17, 25]; 17 – комплекс у с. Тополи [Кухаренко, 1951. Рис. 30, 1]; 18 – Кочетокский могильник, подъёмный материал [Свистун, 2012. Рис. 8, 2]; 19 – Ржевский могильник, погр. №12 [Сарапулкин, Отчёт... №31046]; 20 – Кочетокский могильник, погр. №3 [Свистун, Квитковский, 2013. Рис. 7, 2]; 21 – Кочетокский могильник, подъёмный материал [Свистун, 2012. Рис. 8, 1]; 22 – могильник Кицевка, подъёмный материал [Лаптев, Аксёнов, 2012. Рис. 7, 16]; 23 – Красногоровский могильник, погр. №264 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 7, 5]; 24 – Ржевский могильник, погр. №31 [Сарапулкин, Отчёт... №33490. Рис. 28, 27].

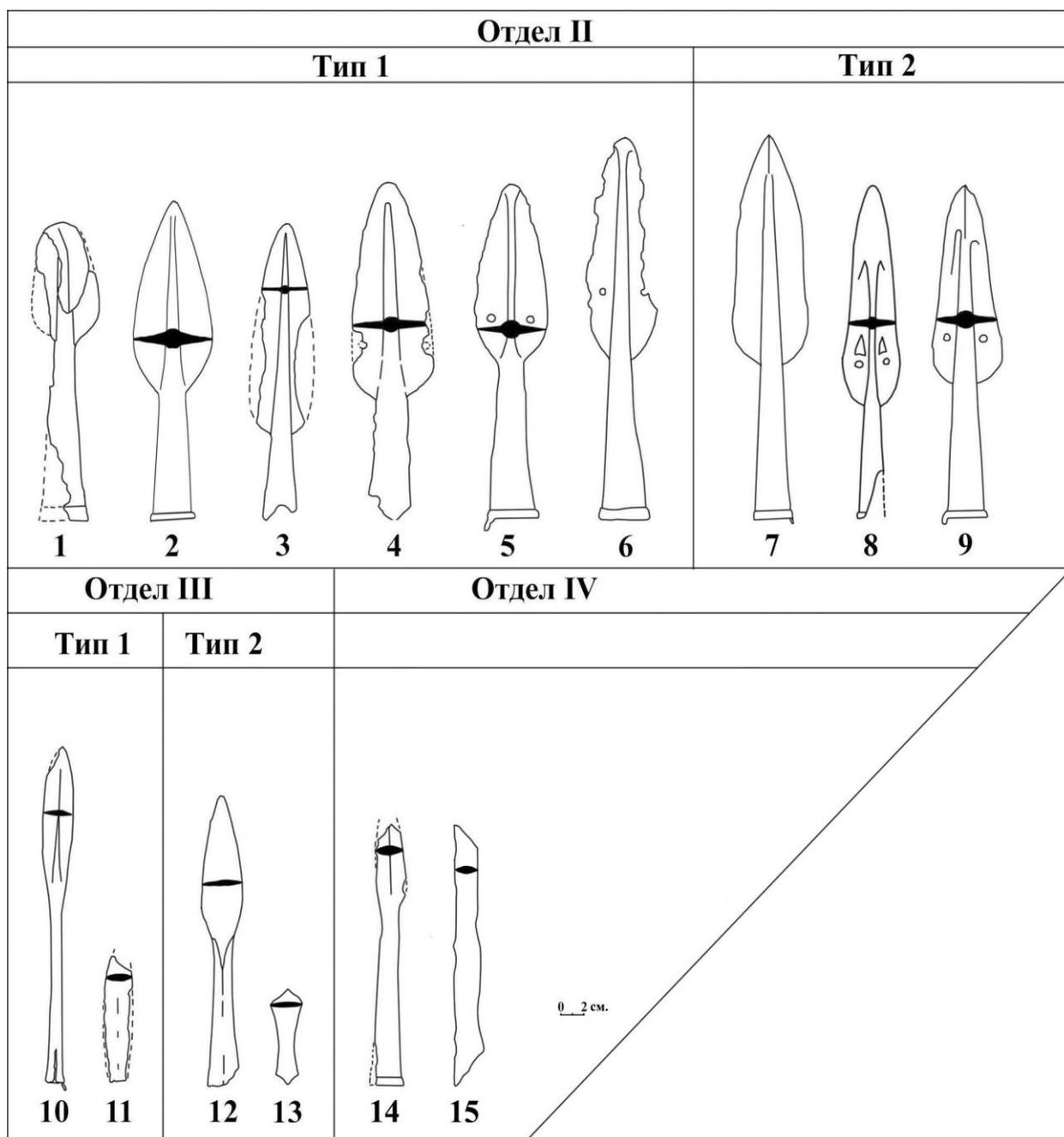

Рис. 19. Наконечники копий. Отдел II-IV.

1 – могильник Лысый Горб, погр. №1 [Аксёнов, Воловик, 1999. Рис. 1, 9]; 2 – Нетайловский могильник, погр. №377 [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 7, 18]; 3 – Красногоровский могильник, погр. №150 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 5, 15]; 4 – 1 км. от Сухогомольшанского могильника, комплекс №3 [Аксёнов, 2005а. Рис. 4, 1]; 5 – Сухогомольшанский могильник, погр. №252 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 63, 8]; 6 – Сухогомольшанский могильник, погр. №175

[Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 40, 1]; 7 – Красногоровский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 4, 2]; 8 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 9, 3]; 9 – Сухогомольшанский могильник, комплекс XVI [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 72, 2]; 10 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 9, 2]; 11 – Нетайловский могильник, погр. №482 [Аксёнов, 2011. Рис. 2, 25]; 12 – Ржевский могильник, погр. №1 [Сарапулкин, Отчёт... №31046. Рис. 8, 1]; 13 – Ржевский могильник, погр. №39 [Сарапулкин, Отчёт... №33490. Рис. 40, 2]; 14 – 1 км. от Сухогомольшанского могильника, комплекс №3 [Аксёнов, 2005а. Рис. 3, 2]; 15 – Ржевский могильник, погр. №20 [Сарапулкин, Отчёт... №33490. Рис. 8, 15].

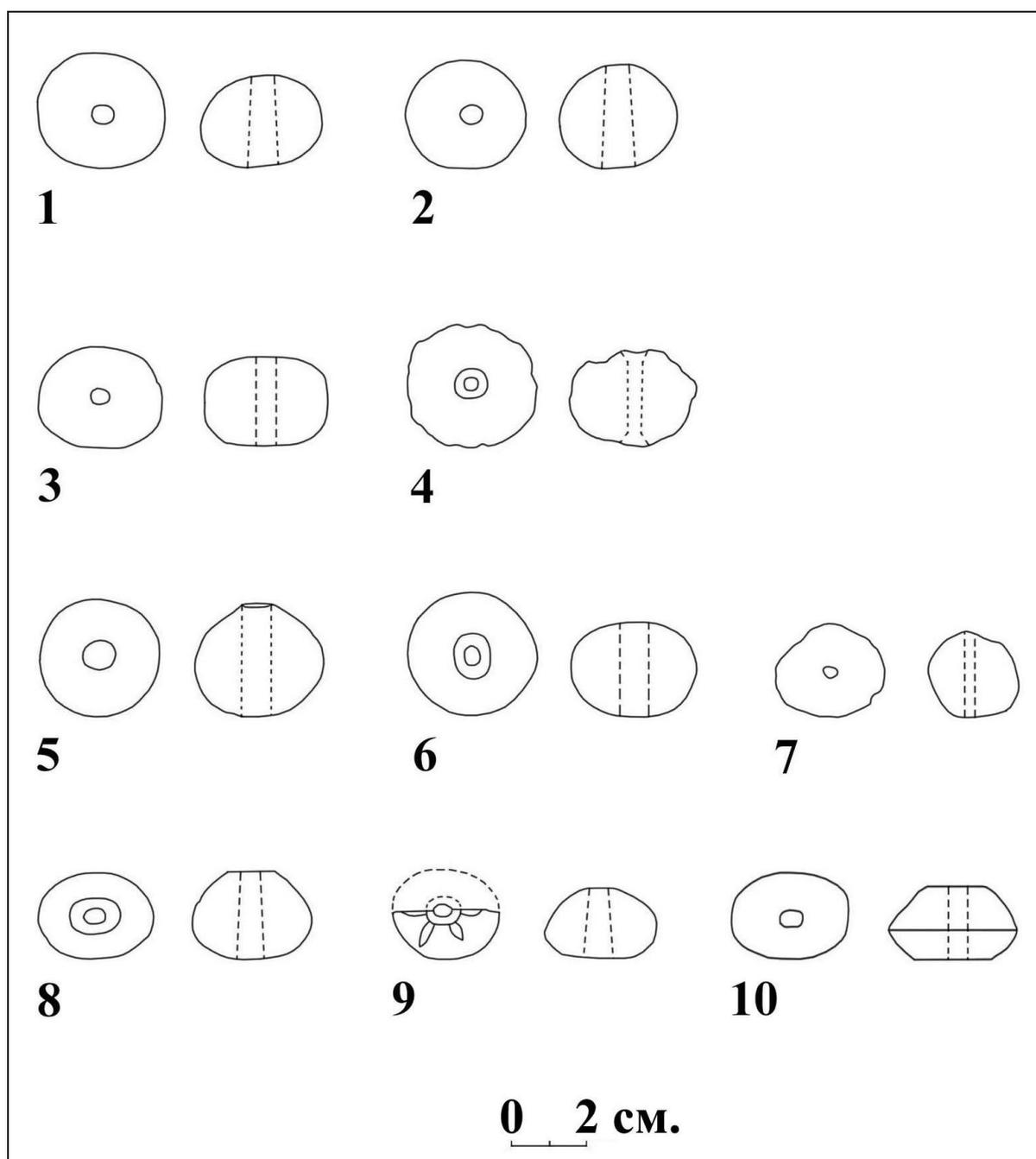

Рис. 20. Кистени. Отдел I: тип 1-2.

1 – 2 – Кочетокский могильник, погр. №2 [Свистун, Квитковский, 2013. Рис. 5, 1]; 3 – Сухогомольшанский могильник, находка из культурного слоя [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 85, 15]; 4 – Маяцкое селище, кат. №1 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 83, 7]; 5 – Дмитриевский могильник, кат. №54 [Плетнёва, 1989. Рис. 32]; 6 – Сухогомольшанский могильник, погр. №274 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 70, 6]; 7 – Ржевский

могильник, погр. №20 [Сарапулкин, Отчёт... №33490. Рис. 18, 10]; 8 – Сухогомольшанский могильник, погр. №89 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 24, 39]; 9 – Сухогомольшанский могильник, погр. №246 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 61, 11]; 10 – Нетайловский могильник, погр. №376 [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 7, 7]. 1-4 – железо; 5, 6, 8 – бронза; 7, 9, 10 – свинец.

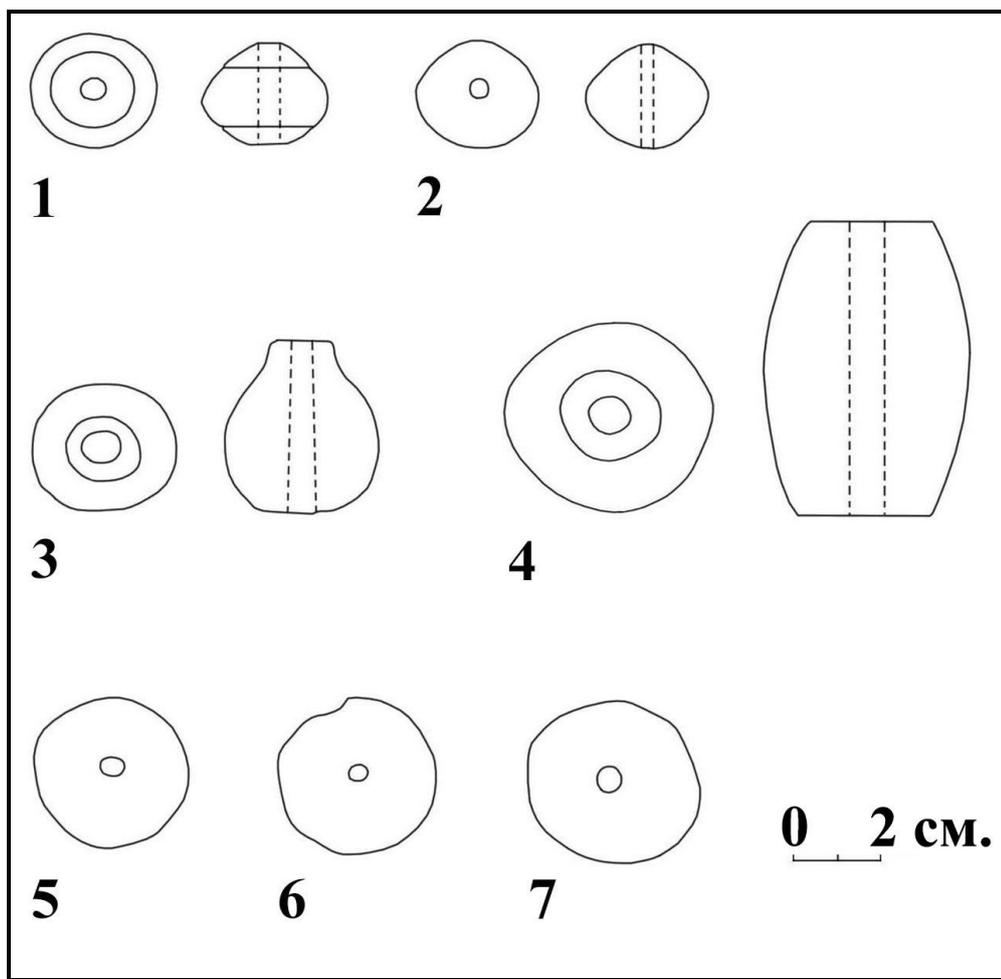

Рис. 21. Кистени. Отдел I: тип 3-5 (1-4), без типологического определения (5-7).

1 – Дмитриевский могильник, кат. №126 [Плетнёва, 1989. Рис. 32]; 2 – Ютановский могильник, кат. №17 [Афанасьев, Отчёт... №7994. Рис. 44, 17]; 3 – Сухогомольшанский могильник, погр. №122 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 30, 8]; 4 – Ютановское городище, находка из культурного слоя [Афанасьев, Отчёт... №8947. Рис. 41, 2]; 5 – Нижнелубянский могильник, кат. №29 [Николаенко, Отчёт... №6042а. Ф. 19, 5]; 6 – Нетайловский могильник, погр. №8 [Пархоменко, 1983. Рис. 3, 6]; 7 – Нетайловский могильник, погр. №23 [Пархоменко, 1983. Рис. 3, 7]. 1, 3 – бронза; 2 – свинец; 4 – песчаник; 5-7 – железо.

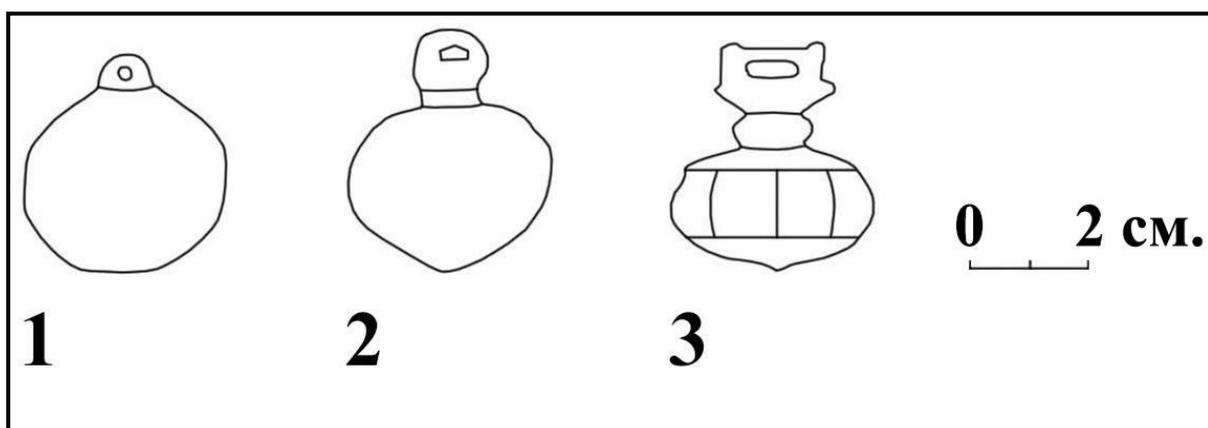

Рис. 22. Кистени. Отдел II.

1 – Нетайловский могильник, погр. №525 [Аксёнов, 2014а. Рис. 3, 1]; 2 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1902 г., кат. №22 [Покровский, 1905. Табл. XX, 7]; 3 – Сухогомольшанский могильник, погр. №54 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 17, 11]. 1, 2 – железо; 3 – бронза.

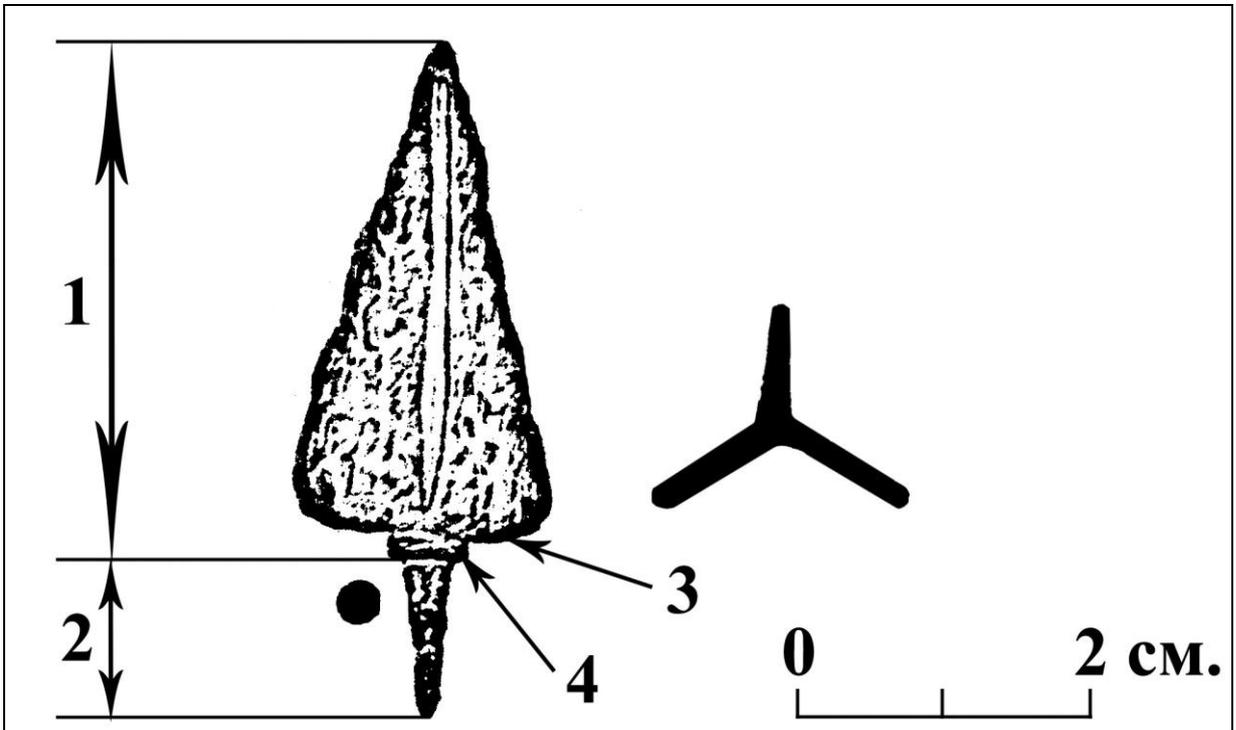
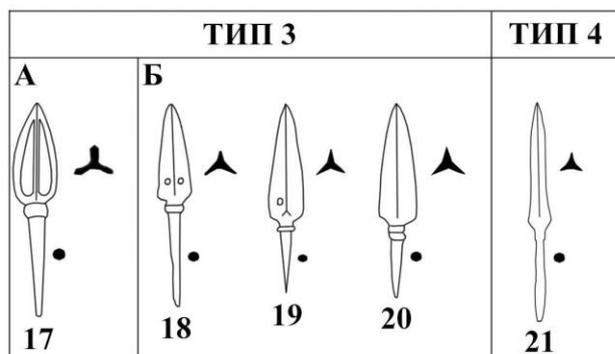
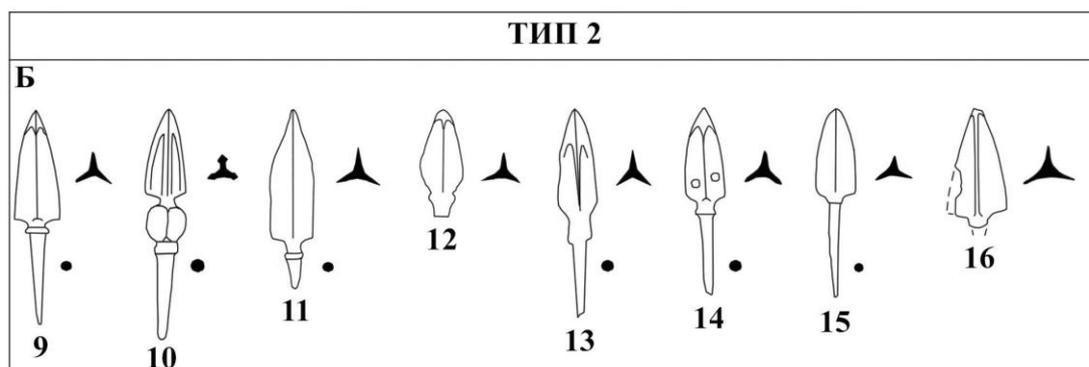
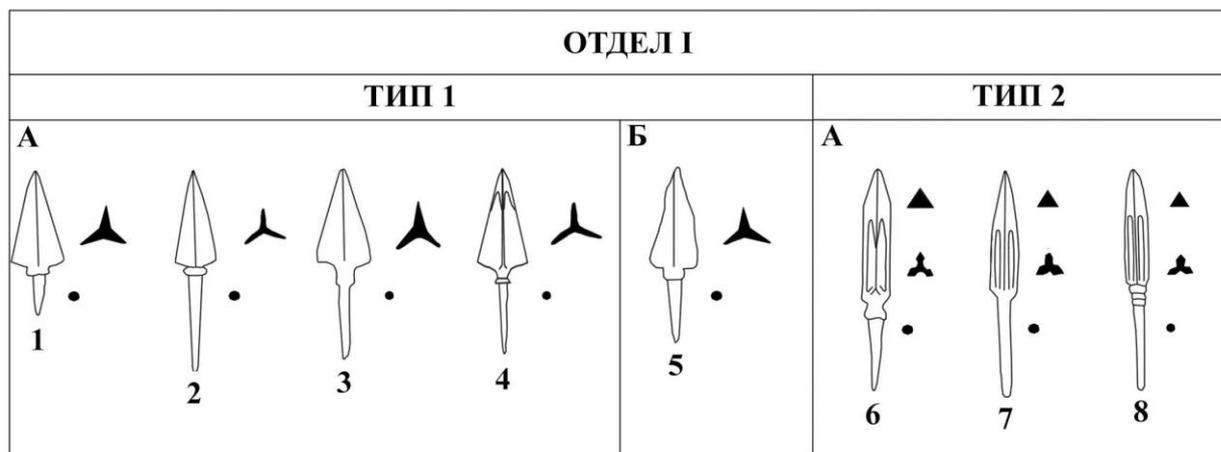

Рис. 23. Строение наконечника стрелы.

1 – перо; 2 – черешок; 3 – плечи; 4 – упор [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 83, 3]

0 2 см.

Рис. 24. Наконечники стрел. Отдел I.

1 – Маяцкое селище, кат. №1 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 83, 2]; 2 – комплекс у с. Тополи [Кухаренко, 1951. Рис. 31, 7]; 3 – Сухогомольшанский могильник, погр. №252 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 63, 3]; 4 – Красногоровский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 3, 6]; 5 – Маяцкое селище, кат. в яме №18 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 77, 2]; 6 – комплекс у с. Сухая Гомольша

[Колода, 2012. Рис. 8, 4]; 7, 8 – Новопокровский могильник, комплекс №2 [Кухаренко, 1951. Рис. 36]; 9 – Красногоровский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 3, 13]; 10 – комплекс у с. Кочеток [Дегтярь, 1984. Рис. 1, 8]; 11 – Мандровский могильник, погр. №25 [Винников, Сарапулкин, 2008. Рис. 45, 14]; 12 – Нетайловский могильник, погр. №349 [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 7, 3]; 13 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 8, 10]; 14 – Сухогомольшанский могильник, погр. №17 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 10, 5]; 15 – Красногоровский могильник, погр. №101 [Аксёнов, 2005в. Рис. 3, 10]; 16 – Красногоровский могильник, погр. №282 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 2, 4]; 17 – комплекс у с. Кочеток [Дегтярь, 1984. Рис. 1, 7]; 18 – Сухогомольшанский могильник, погр. №252 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 63, 1]; 19 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 8, 13]; 20 – комплекс у с. Тополи [Кухаренко, 1951. Рис. 31, 6]; 21 – Дмитриевский могильник, кат. №52 [Плетнёва, 1989. Рис. 33].

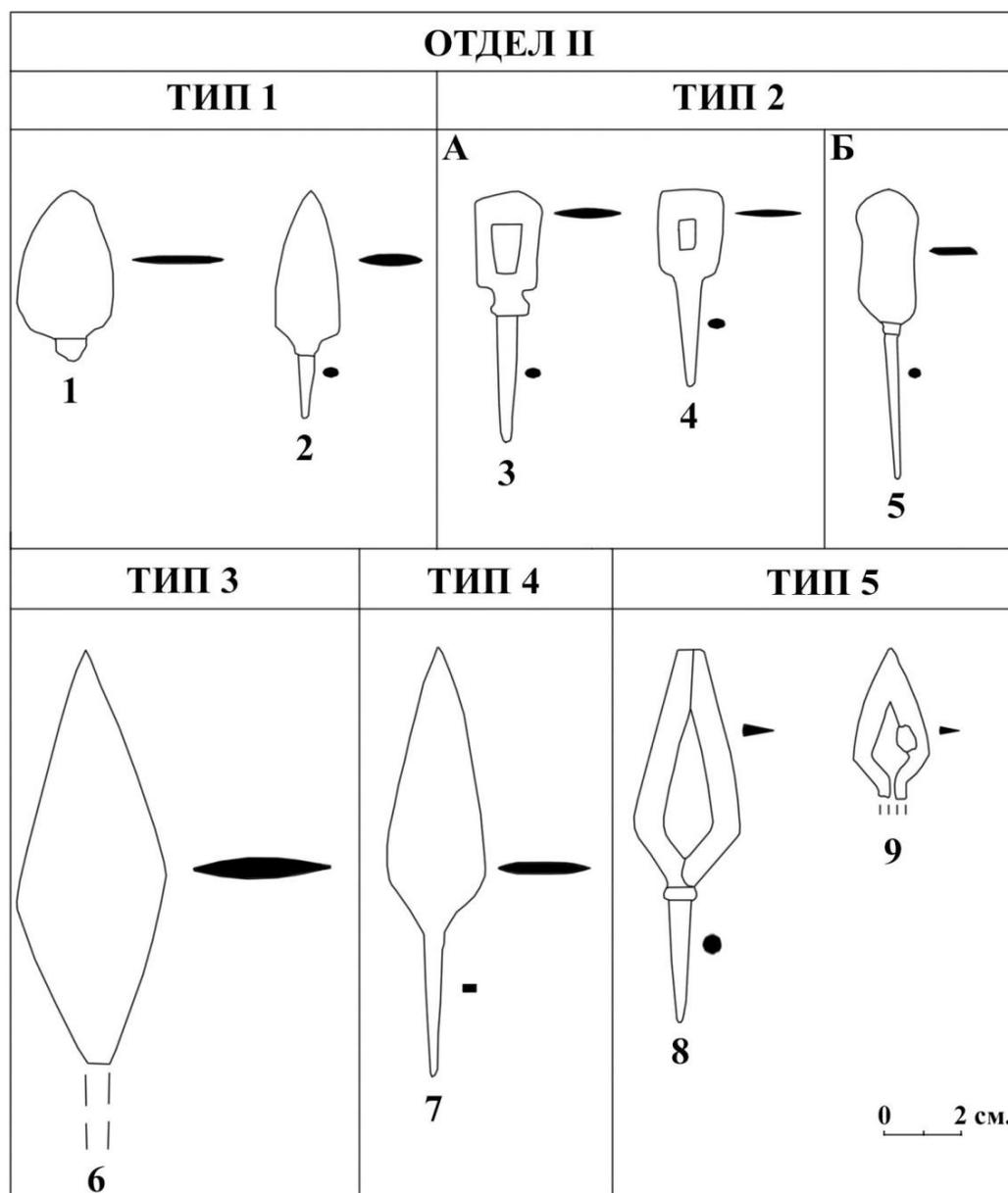

Рис. 25. Наконечники стрел. Отдел II.

1 – Красногоровский могильник, погр. №101 [Аксёнов, 2005в. Рис. 3, 5]; 2 – Старосалтовский могильник, кат. №12 [Аксёнов, 1999. Рис. 2, 9]; 3 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 8, 9]; 4 – комплекс у с. Кочеток [Дегтярь, 1984. Рис. 1, 11]; 5 – Новопокровский могильник, комплекс №2 [Кухаренко, 1951. Рис. 36]; 6, 7 – могильник Лысый Горб, поминальный комплекс [Аксёнов, Воловик, 1999. Рис. 4, 11, 10]; 8 – комплекс у с. Кочеток [Дегтярь, 1984. Рис. 1, 13]; 9 – могильник Кицевка, погр. №1 [Лаптев, Аксёнов, 2012. Рис. 4, 1].

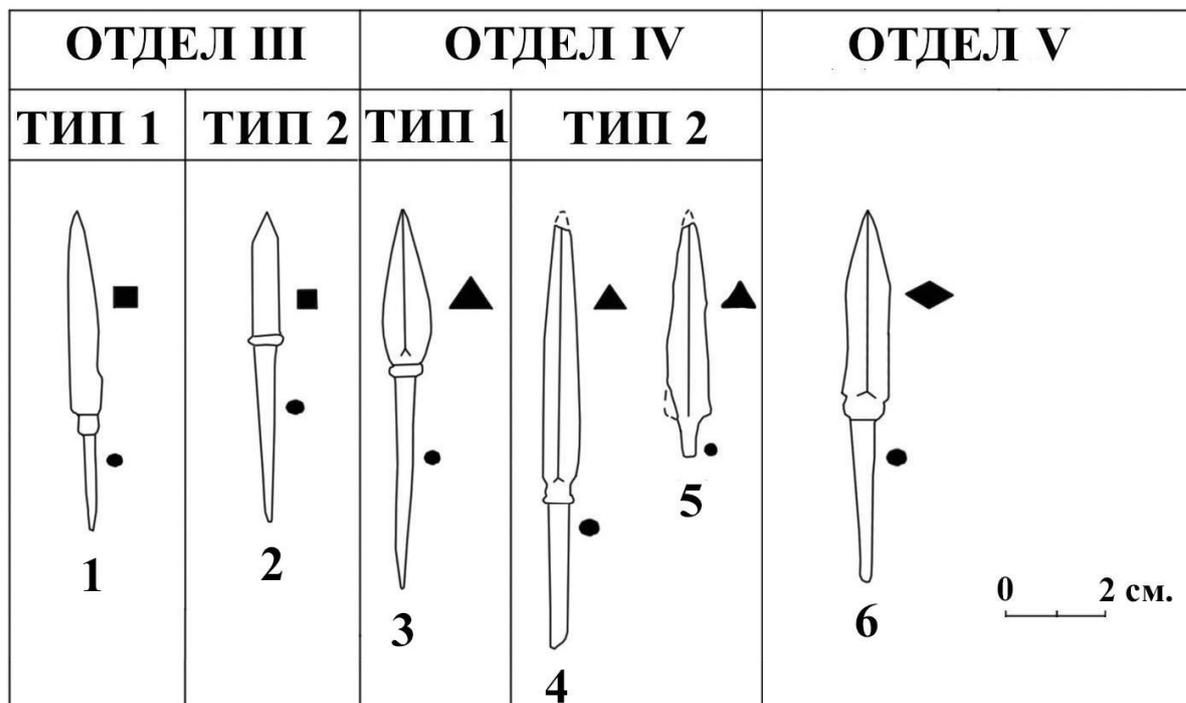

Рис. 26. Наконечники стрел. Отдел III-V.

1 – комплекс у с. Тополи [Кухаренко, 1951. Рис. 31, 8]; 2 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 8, 15]; 3, 4 – комплекс у с. Кочеток [Дегтярь, 1984. Рис. 1, 10, 4]; 5 – могильник Кицевка, погр. №1 [Лаптев, Аксёнов, 2012. Рис. 4, 2]; 6 – Новопокровский могильник, комплекс №2 [Кухаренко, 1951. Рис. 36].

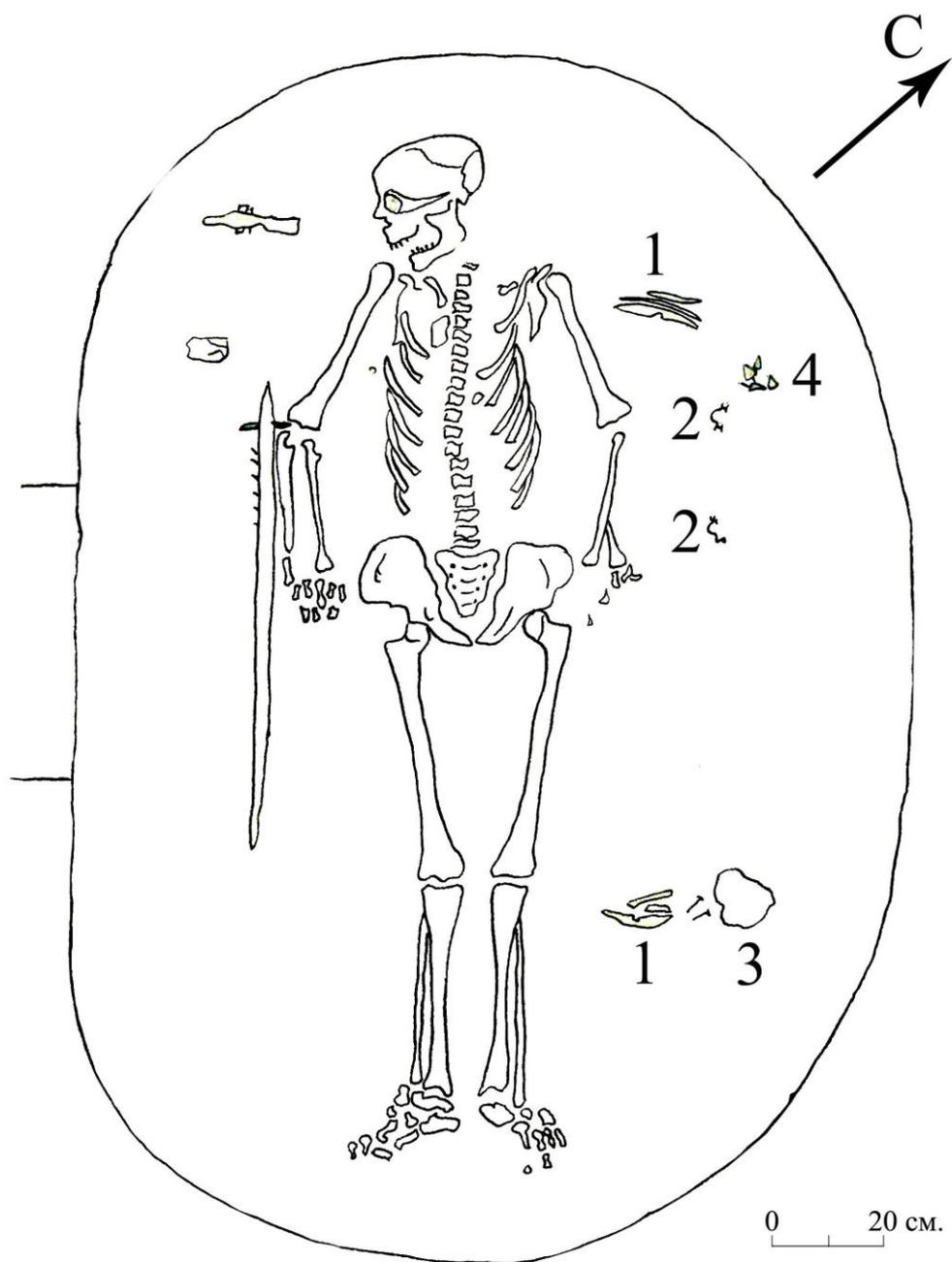

Рис. 27. Расположение колчана в катакомбе №25 Нижнелубянского могильника [Николаенко, Отчёт... №5440б. Рис. 40].

1 – концевые накладки на лук; 2 – скобы от колчана; 3 – остатки дна колчана; 4 – наконечники стрел.

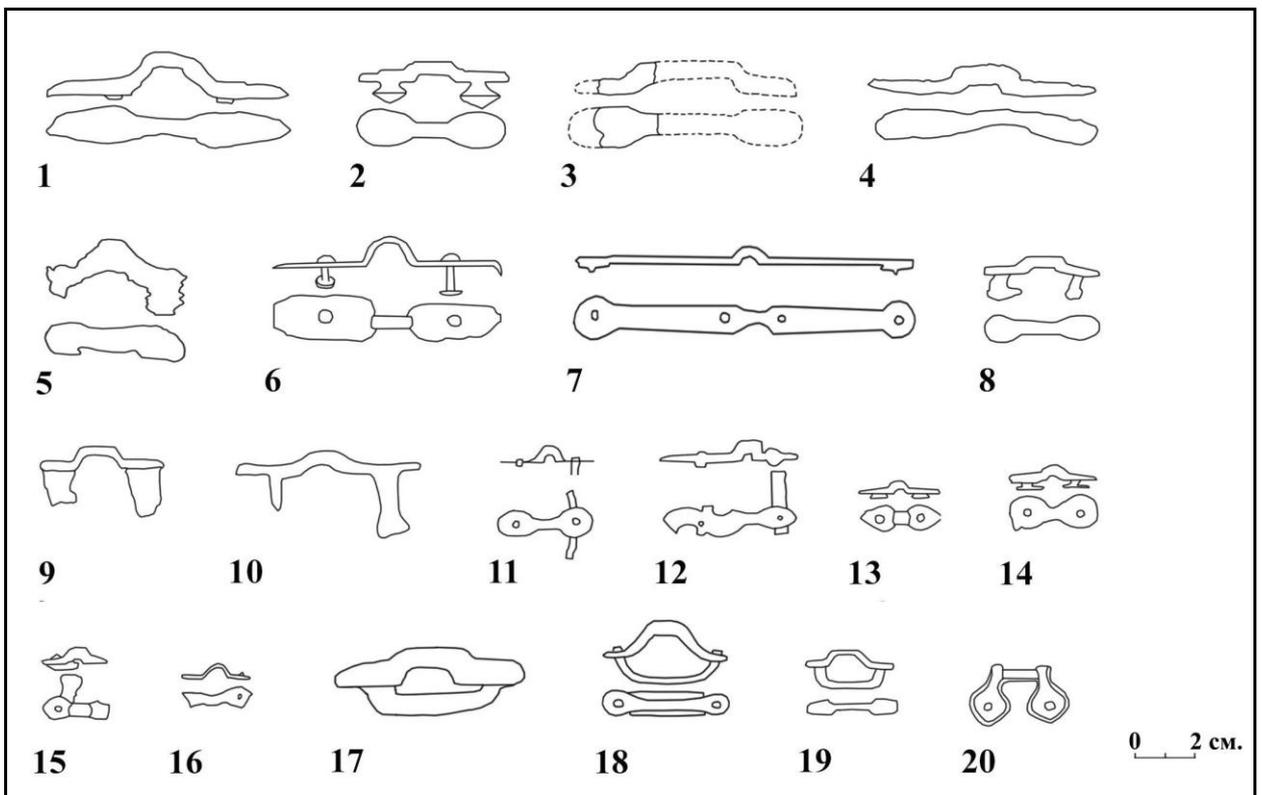

Рис. 28. Детали колчанов.

1 – Дмитриевский могильник, кат. №52 [Плетнёва, 1989. Рис. 33]; 2 – Дмитриевский могильник, кат. №55 и №45 [Плетнёва, 1989. Рис. 33]; 3 – Маяцкое селище, погр. в постройке №28 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 46, 6]; 4 – Маяцкое селище, погр. в яме №18 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 76, 3, 4]; 5 – Маяцкий могильник, кат. №79 [Плетнёва, Афанасьев, Отчёт... №7583а. Рис. 173, 4]; 6 – Кочетокский могильник, погр. №1 [Свистун, 2012. Рис. 5, 11]; 7 – Сухогомольшанский могильник, погр. №175 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 41, 1]; 8 – могильник Кицевка, погр. №1 [Лаптев, Аксёнов, 2012. Рис. 4, 4]; 9 – Нижнелубянский могильник, кат. №6 [Николаенко, Отчёт... №5724б. Ф. 183 8-11]; 10 – Нижнелубянский могильник, кат. №25 [Николаенко, Отчёт... №5440а. Ф. 57, 5, 6]; 11 – Кочетокский могильник, подъёмный материал [Свистун, 2012. Рис. 8, 12]; 12 – Сухогомольшанский могильник, подъёмный материал [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 87, 12]; 13 – могильник Кицевка, подъёмный материал [Лаптев, Аксёнов, 2012. Рис. 7, 11]; 14 – могильник

Кицевка, погр. №3 [Лаптев, Аксёнов, 2012. Рис. 5, 23]; 15 – могильник Кицевка, погр. №5 [Лаптев, Аксёнов, 2012. Рис. 5, 31]; 16 – Ютановский могильник, кат. №9 [Афанасьев, Отчёт... №7205. Рис. 53, 5]; 17 – могильник Лысый Горб, поминальный комплекс [Аксёнов, Воловк, 1999. Рис. 4, 15]; 18 – комплекс у с. Кочеток [Дегтярь, 1984. Рис. 1, 15]; 19 – комплекс у с. Сухая Гомольша [Колода, 2012. Рис. 8, 17]; 20 – Верхнесалтовский могильник, раскопки 1984 г., кат. №15 [Хоружая, 2009. Рис. 8, 41].

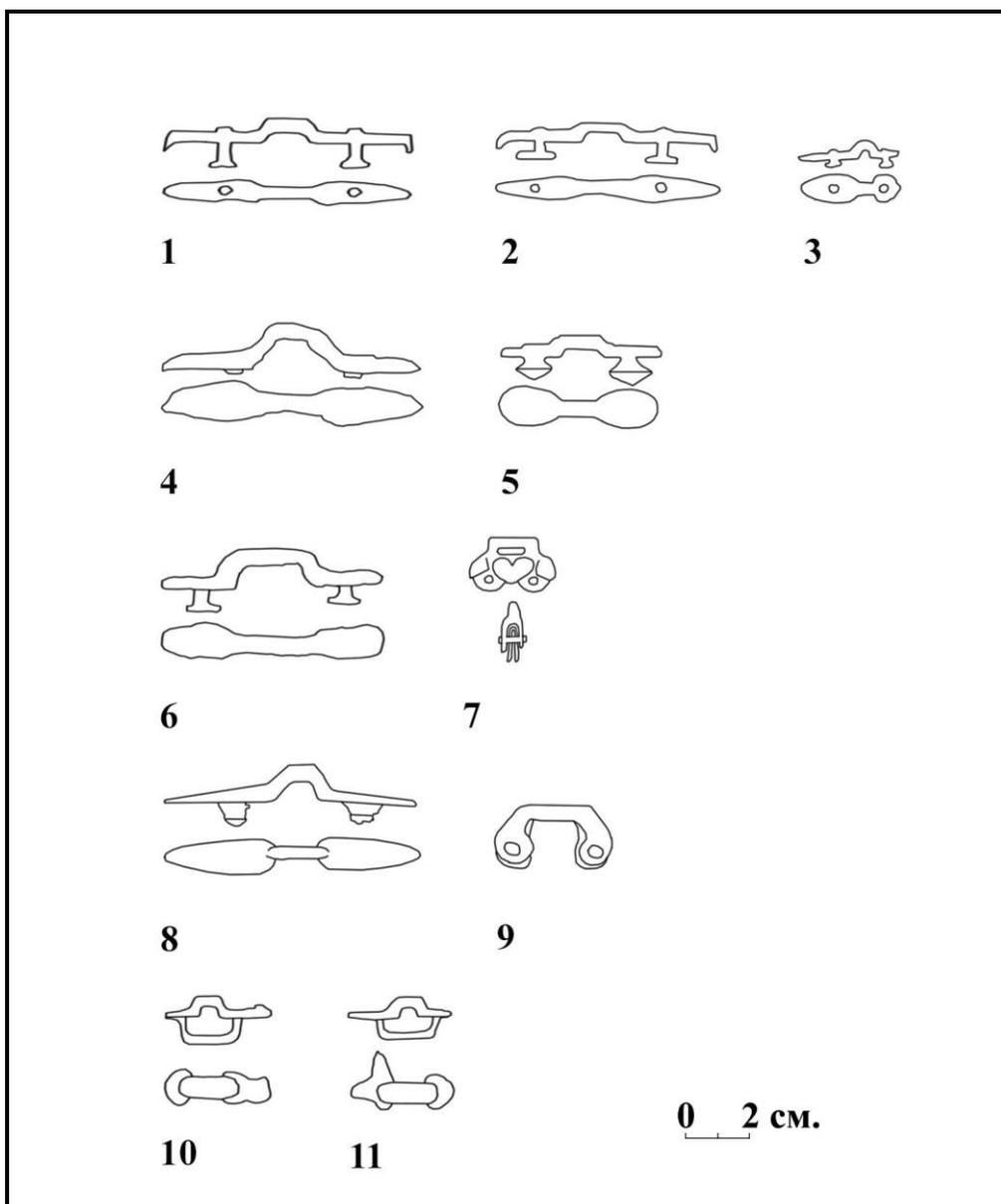

Рис. 29. Детали колчана, найденные в одних комплексах.

1, 2, 3 – Сухогомольшанский могильник, погр. №252 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 63, 11, 12; 62, 13]; 4, 5 – Дмитриевский могильник, кат. №87 [Плетнёва, 1989. Рис. 33]; 6, 7 – Маяцкое селище, кат. №1 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 83, 4, 5]; 8, 9 – Старосалтовский могильник, кат. №12 [Аксёнов, 1999. Рис. 2, 10, 11]; 10, 11 – Красногоровский могильник, погр. №101 [Аксёнов, 2005в. Рис. 3, 14, 16].

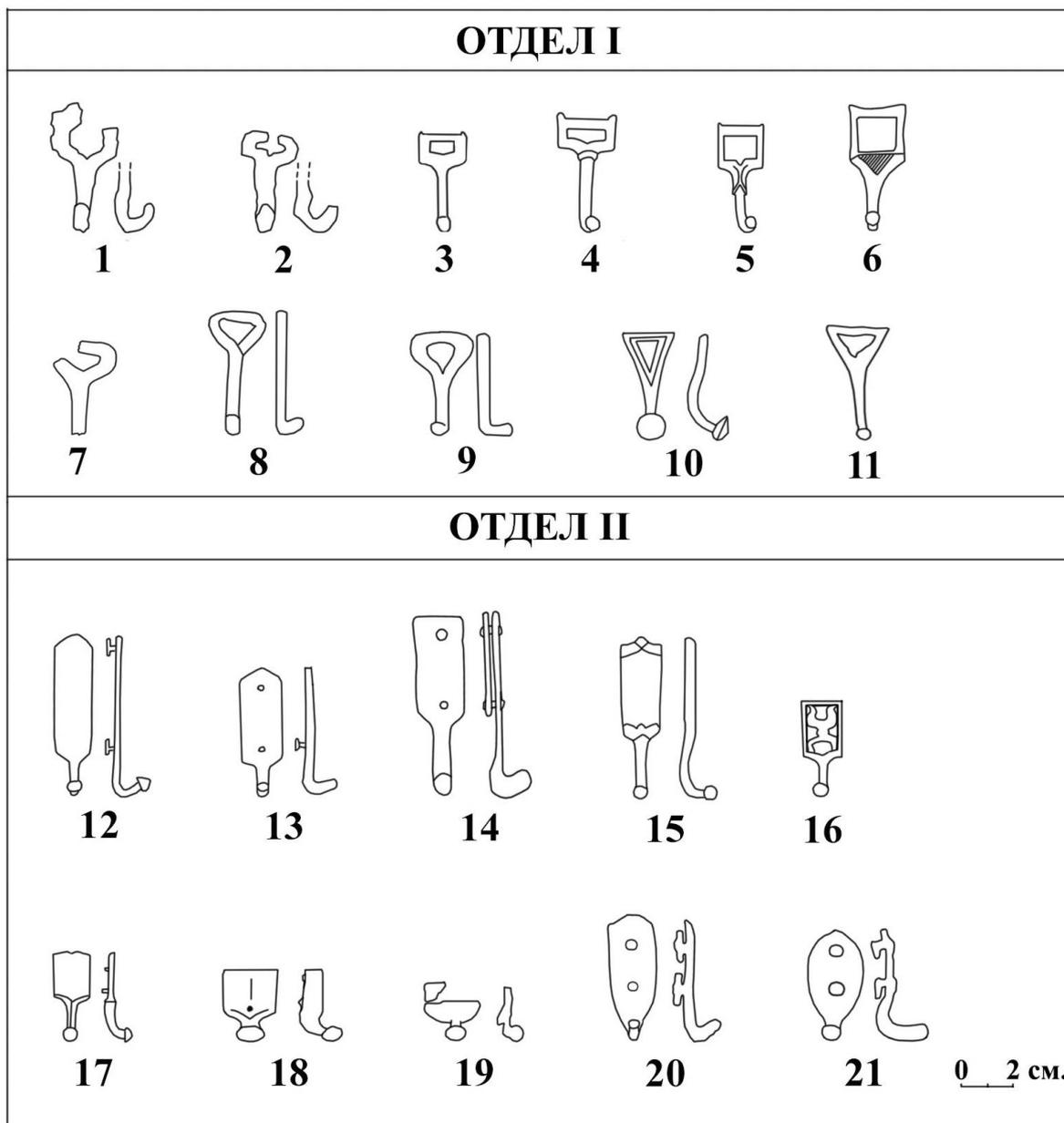
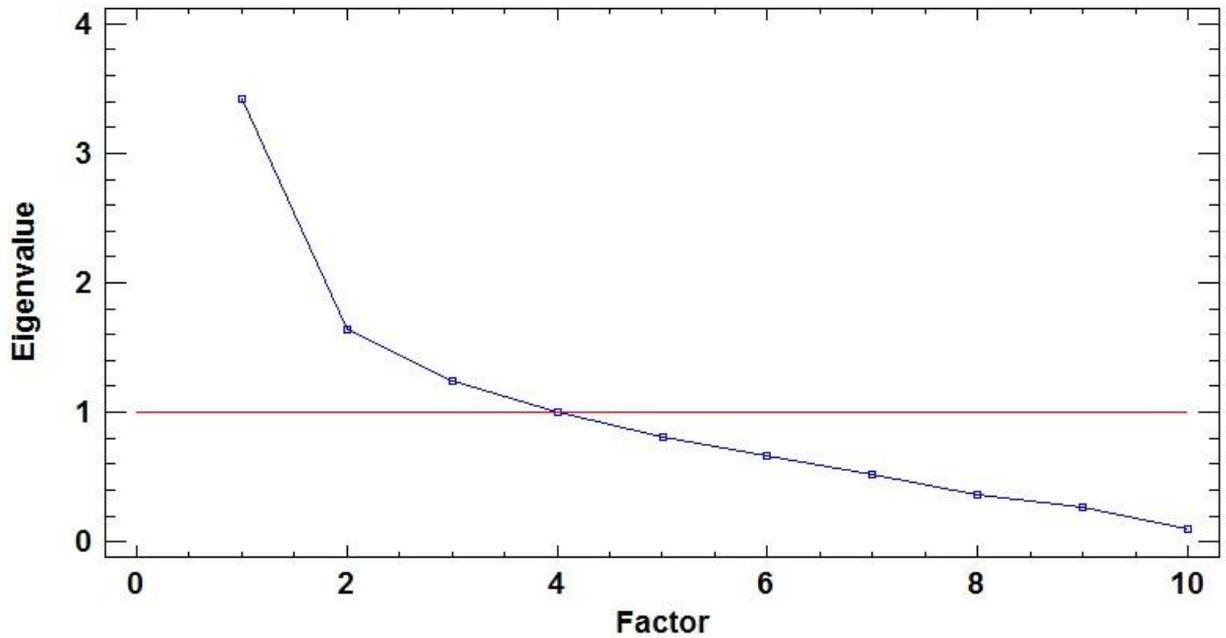

Рис. 30. Колчанные крюки.

1 – Дмитриевский могильник, кат. №5 [Плетнёва, 1989. Рис. 33]; 2 – Дмитриевский могильник, кат. №45 [Плетнёва, 1989. Рис. 33]; 3 – могильник Лысый Горб, поминальный комплекс [Аксёнов, Воловик, 1999. Рис. 4, 16]; 4 – Маяцкое селище, погр. в постройке №28 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 49, 7]; 5 – Маяцкое селище, кат. №1 [Плетнёва, Афанасьев, Винников, Отчёт... №7204а. Рис. 83, 6]; 6 – Мандровский

могильник, погр. №17 [Винников, Сарапулкин, 2008. Рис. 47, 42]; 7 – Нижнелубянский могильник, кат. №3 [Николаенко, Отчёт... №49826. Ф. 3, 9]; 8 – Кочетокский могильник, подъёмный материал [Свистун, 2012. Рис. 8, 31]; 9 – Старосалтовский могильник, кат. №12 [Аксёнов, 1999. Рис. 2, 6]; 10 – Верхнесалтовский могильник, катакомба №15 (раскопки 1984 г.) [Хоружая, 2009. Рис. 8, 19]; 11 – Нижнелубянский могильник, кат. №6 [Николаенко, Отчёт... №57246. Ф. 183, 12]; 12 – комплекс у Сухой Гомольши [Колода, 2012. Рис. 8, 16]; 13 – Красногоровский могильник, погр. №254 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 3, 5]; 14 – погребение у с. Кочеток [Дегтярь, 1984. Рис. 1, 14]; 15 – Красногоровский могильник, погр. №264 [Аксёнов, Михеев, 2009. Рис. 7, 9]; 16 – Подгоровский могильник, кат. №5 [Плетнёва, 1962. Рис. 4, 5]; 17 – могильник Кицевка, подъёмный материал [Лаптев, Аксёнов, 2012. Рис. 8, 14]; 18 – Нетайловский могильник, погр. №371 [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 7, 6]; 19 – Верхнесалтовский могильник, кат. №23 [Колода, 2004. Рис. 8, 45]; 20 – Сухогомольшанский могильник, подъёмный материал [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 87, 13]; 21 – Сухогомольшанский могильник, погр. №252 [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 63, 9].

Scree Plot

1

	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
	1	2	3	4
кинжовое оружие	0,210453	0,225605	0,305967	0,679575
топор	0,0237101	0,0214535	-0,860381	-0,256294
кистень	-0,0597603	-0,0184243	-0,071917	0,86499
наконечники стрел	0,105953	0,87766	0,230058	0,0856452
накладки на лук	0,157328	0,374107	0,659878	-0,208153
детали колчана	0,195894	0,904577	-0,0173153	0,0747039
сбруя	0,837143	0,0052132	0,179119	0,0320231
стремена	0,839798	0,185245	0,0268757	0,0893663
удила	0,869255	0,19998	0,117189	0,0918174
начальник	0,65075	0,0676544	-0,103668	-0,0676141

2

Рис. 31. Результаты факторного анализа катакомбных погребений с предметами вооружения.

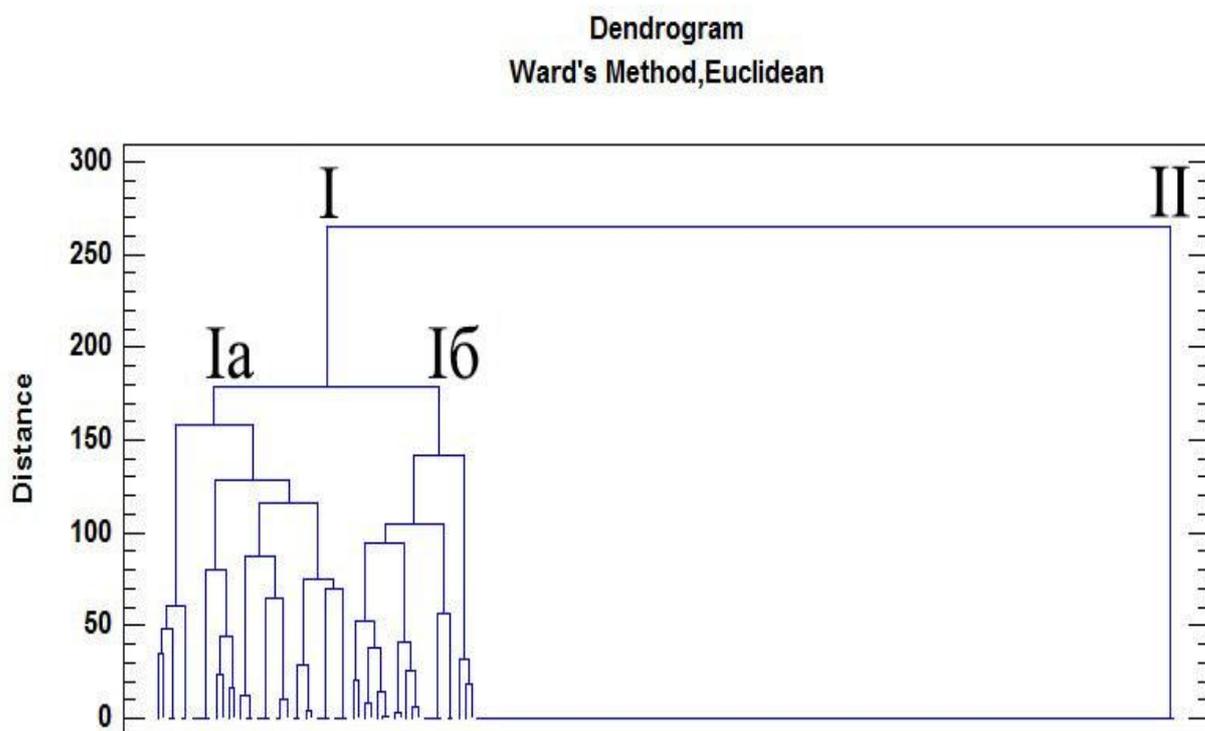
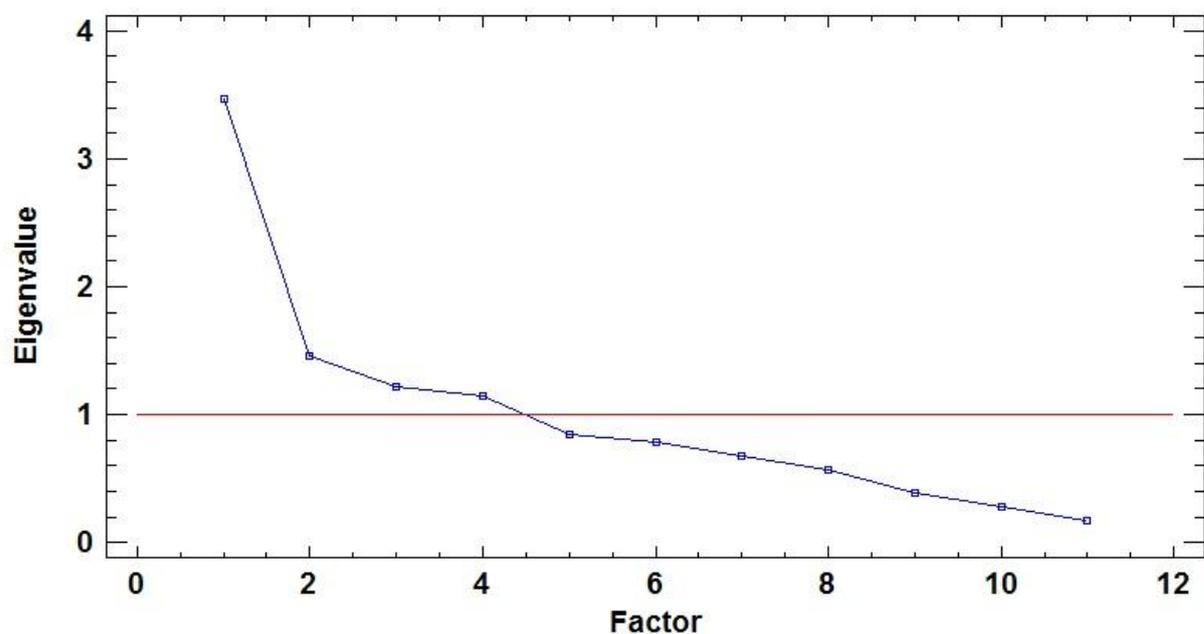

Рис. 32. Результаты кластерного анализа катакомбных погребений с предметами вооружения.

Scree Plot

1

	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
	1	2	3	4
клинковое оружие	0,797757	0,219953	-0,0490555	0,116535
топор	0,0291491	-0,0683469	0,854479	-0,0335181
наконечник копья	0,569729	0,143013	0,384717	-0,0843628
кистень	-0,181824	-0,247603	-0,663049	-0,145707
наконечники стрел	0,129911	0,842396	0,00166698	0,0383404
накладки на лук	-0,0894809	0,114083	0,135256	0,81421
детали колчана	0,078137	0,81106	0,0769359	0,22987
сбруя	0,260018	0,605411	0,159641	-0,302842
стремена	0,853389	0,0471212	0,123212	-0,00598118
удила	0,867653	0,166954	0,120673	0,0599964
начальник	0,432563	-0,0511459	-0,0928125	0,589436

2

Рис. 33. Результаты факторного анализа кремационных погребений с предметами вооружения.

Dendrogram
Ward's Method, City-Block

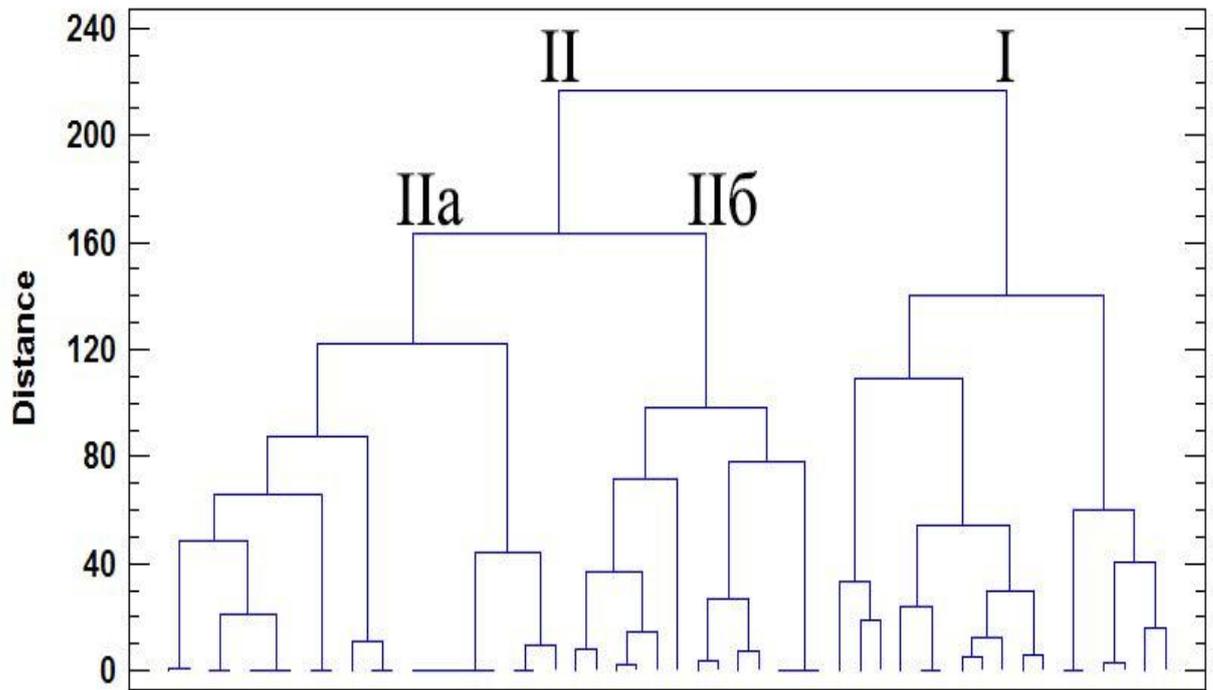
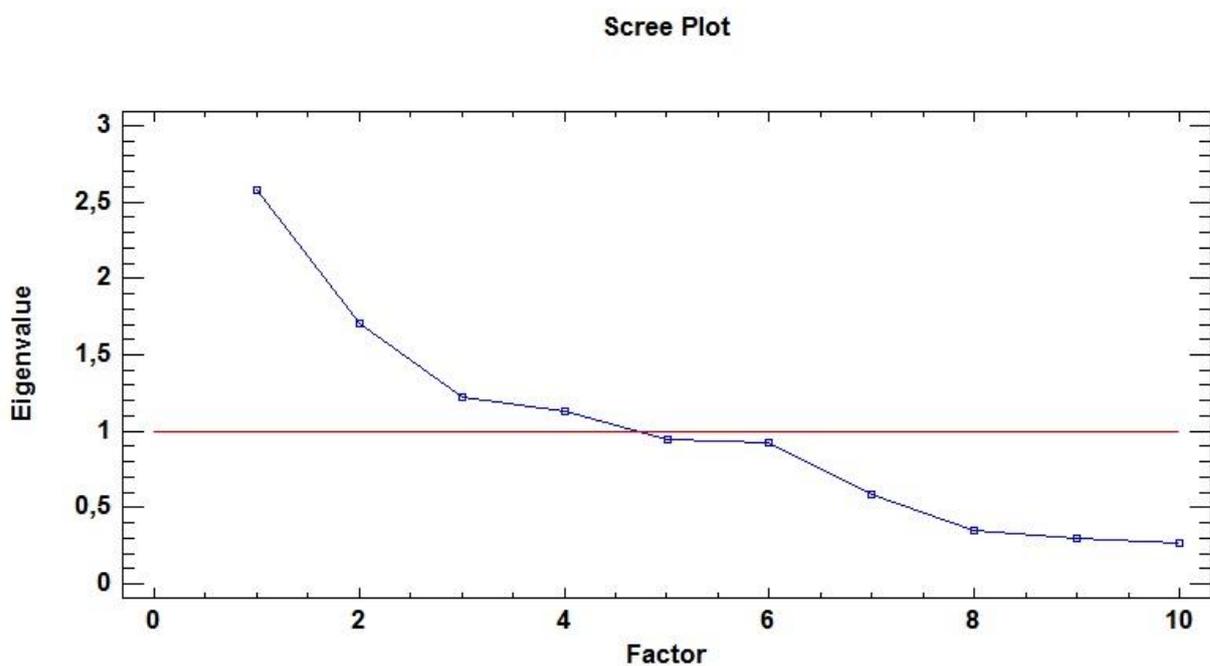

Рис. 34. Результаты кластерного анализа кремационных погребений с предметами вооружения.

1

	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>	<i>Factor</i>
	1	2	3	4
клинковое оружие	0,261709	0,325561	0,39973	-0,0217996
топор	0,137966	-0,0671735	0,60715	0,642131
наконечник копья	0,198907	-0,194985	0,172802	-0,850198
кистень	0,0928166	-0,15741	-0,670316	0,317528
наконечники стрел	0,082378	0,877224	-0,126477	0,116178
накладки на лук	0,0587902	0,814094	0,223448	0,0280277
детали колчана	0,0699117	-0,0331119	0,55078	0,0678429
сбруя	0,815929	0,232161	0,120411	0,0860395
стремена	0,883254	-0,0876788	-0,0104412	-0,111146
удила	0,826296	0,0910678	0,0725831	-0,0814161

2

Рис. 35. Результаты факторного анализа ямных погребений с предметами вооружения.

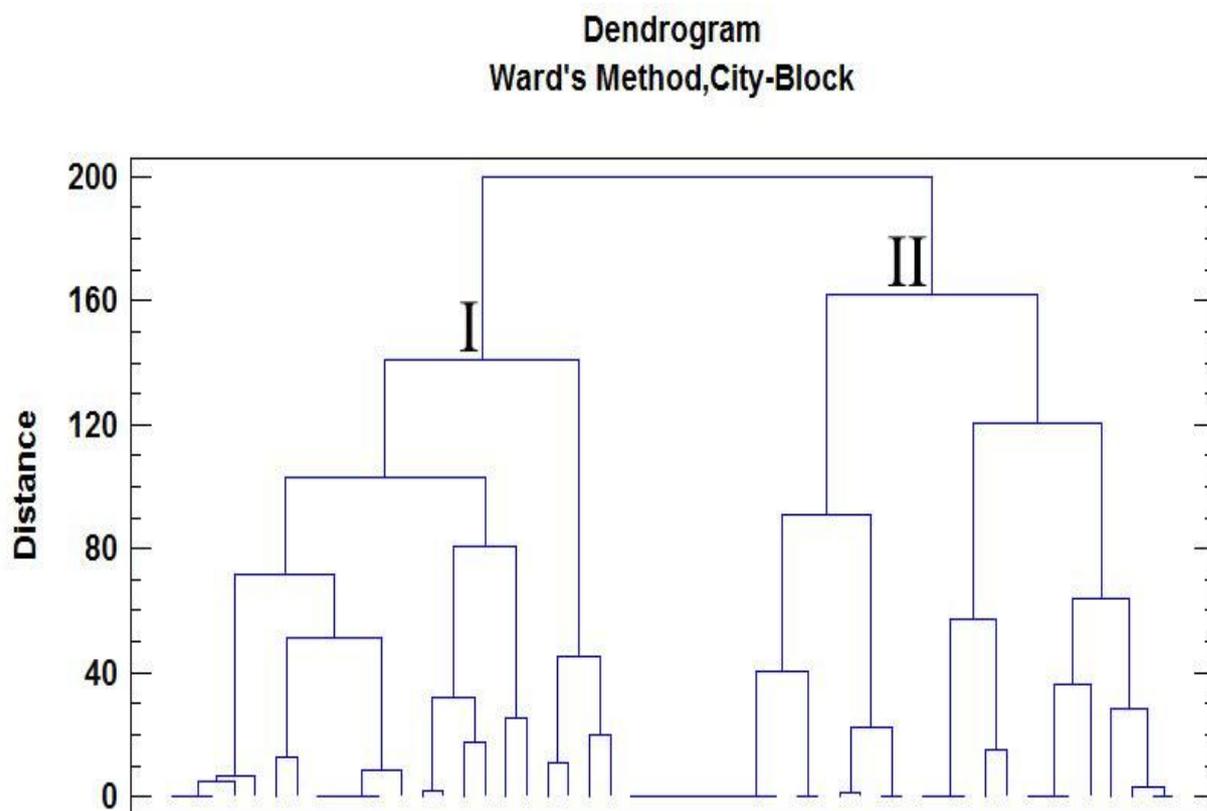

Рис. 36. Результаты кластерного анализа ямных погребений с предметами вооружения.

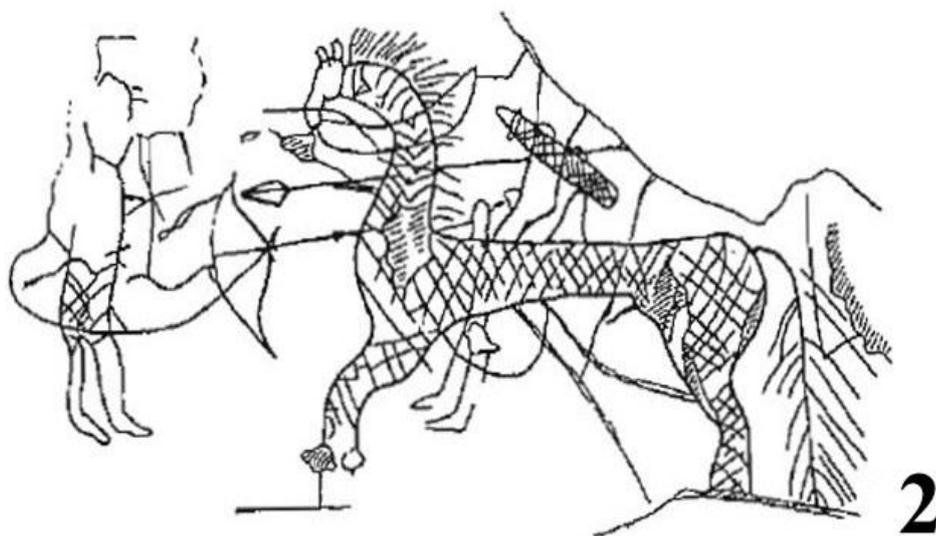
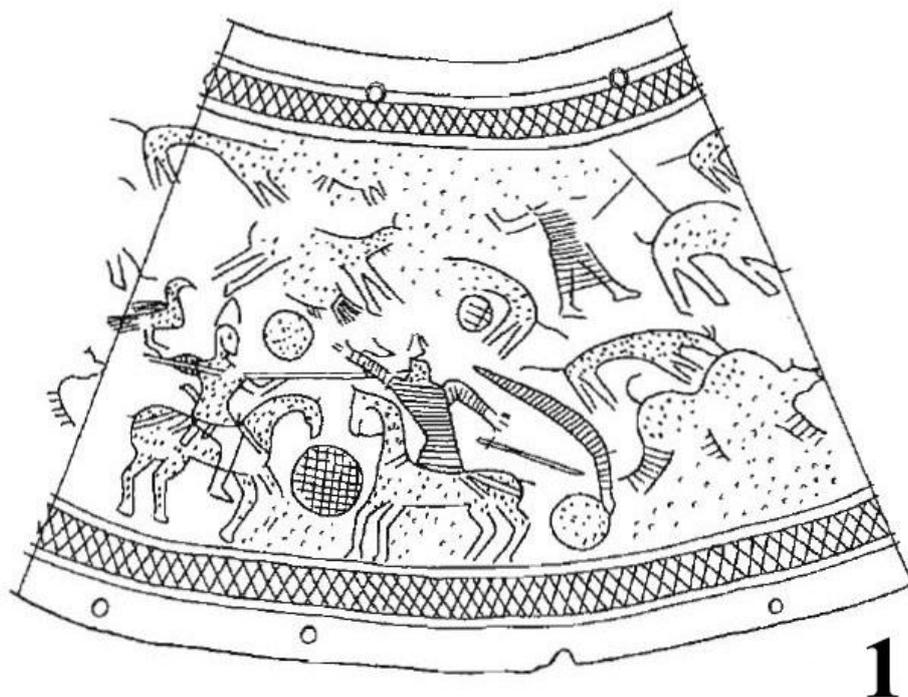
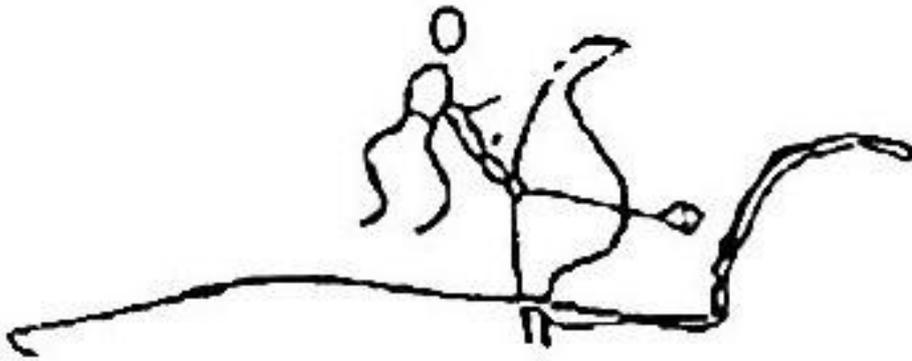
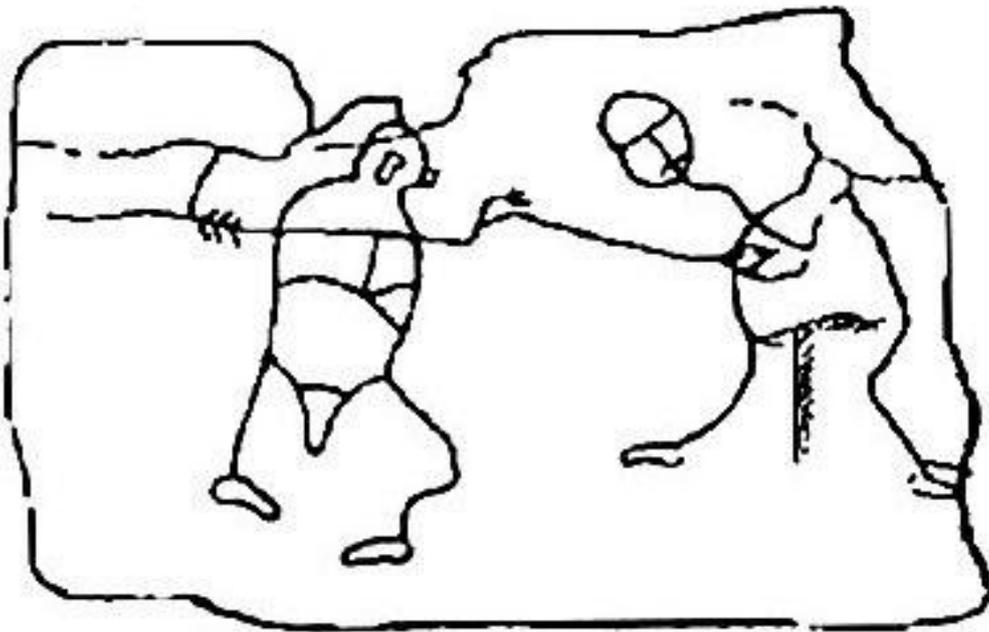

Рис. 37. Изображения конных воинов.

1 – костяной реликварий, городище Маяки [Флёрова, 1997. Табл. X, 6]; 2 – меловой блок, Маяцкая крепость [Флёрова, 1997. Табл. II, 27].

1

2

Рис. 38. Изображения пеших воинов на меловых блоках Маяцкой крепости [Флёрова, 1997. Табл. II, 30, 34].